Русское Соціаль-демократическое общество
NEW YORK
Russian Social Democratic Society

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 69. 10-го іюля 1904 г. Годъ IV.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія
Центральный Комитетъ

ДОРОГАЯ ЦѢНА.

Въ иностранной печати упорно распространяются за послѣднее время слухи о какой-то „коммиссіи“, яко-бы созданной царемъ въ Петербургѣ и занимающейся выработкой проекта „конституціи“. Сообщаются даже подробности, вродѣ того, что будущая конституція должна осчастливить россійскій народъ дарованіемъ ему чего то вродѣ германскаго рейхстага; однако есть и маленькая разница: вмѣсто того, не столько рѣшающаго, сколько могущаго противопоставить свое veto правительственнымъ законопроектамъ голоса, который имѣетъ рейхстагъ, грядущій россійскій парламентъ будетъ имѣть лишь совѣщательный голосъ.

Придавая весьма мало значенія фактической сторонѣ этихъ сообщеній, мы не можемъ, однако, не видѣть въ нихъ нѣкотораго отраженія настроенія, начинающаго проникать въ великосвѣтскіе и административные салоны, въ которыхъ корреспонденты „большой“ европейской печати черпаютъ сплетни, сообщаемыя ими въ редакціи своихъ газетъ. Тѣ сокрушительные удары, которые уже претерпѣло самодержавіе въ борьбѣ съ „внѣшнимъ“ врагомъ, очевидно, заставляютъ проникать въ души и самыхъ геморроидальныхъ особъ „первыхъ четырехъ классовъ“ смутное сознаніе, что близится конецъ царизма. Бѣшенство, съ которымъ Московскія Вѣдомости накидываются на злополучныхъ авторовъ „слуха“, показываетъ только, что иностранная печать попала въ цѣль, въ больное мѣсто. Se non è vero, è ben trovato. Да и не было бы ничего удивительнаго, если бы среди рыцарей кнута и нагайки нашлись уже теперь предусмотрительные люди, заранѣе учитывающіе цѣну предательства по отношенію къ тому „обожаемому“ монарху, именемъ котораго самодержавная бюрократія такъ долго душитъ пробуждающійся народъ. Скорѣе было бы странно, если бы этого не было. Исторія всѣхъ странъ показываетъ, что бюрократія всегда была готова служить всякому правительству и предать всякое правительство. Талейранъ, поочередно служившій республикѣ, директоріи, имперіи, Бурбонамъ, Орлеанамъ, и всѣхъ ихъ поочередно предававшій, конечно, имѣетъ всѣ основанія быть причисленнымъ къ лику святыхъ бюрократіи. И такъ какъ у господъ этого сорта нюхъ бываетъ весьма тонкій, то конституціонные проекты тайныхъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ несомнѣнно представляютъ весьма отрадный симптомъ разложенія самодержавія.

Но не мы, конечно, будемъ возлагать наши надежды на комиссіи изъ тайныхъ совѣтниковъ. Это — монополія россійскаго либерализма. Зародившійся въ тяжелой атмосферѣ рабства, при первыхъ шагахъ своихъ уже увидѣвшій грозное „мене, текелъ, фаресъ“, начертанное на всѣхъ стѣнахъ буржуазной Европы, русскій либерализмъ никогда не надѣялся на свои собственныя силы, на борьбу. Какъ Петръ отъ Іисуса, отрекался онъ отъ „крайнихъ“ дѣтей своихъ, когда не платоническое „сочувствіе“, а дѣйствительная помощь могла дать имъ шансы на побѣду въ неравной борьбѣ съ царизмомъ, опиравшимся на огромную реакціонную силу пассивности народныхъ массъ. Не *завоевать* свободу, а *получить* ее хотѣлъ и хочетъ русскій либерализмъ. Конституціонныя галушки готовыми должны упасть ему въ ротъ. Дастъ ли царь его, либерала, „можетъ быть, ха-ха... и помилуетъ“, смѣлый ли террористъ динамитной бомбой взорветъ россійскій престолъ, крестьянскій ли „бунтъ“ или рабочее возстаніе разорветъ заржавленныя оковы деспотизма, — россійскому либералу все равно. И когда революціонное движеніе — и не только рабочаго класса или крестьянства, но и интеллигентныхъ „дѣтей“ либерализма — сочится кровью изъ всѣхъ поръ, россійскіе Мирабо, оставаясь пассивными зрителями революціонной трагедіи, лишь учитываютъ ея политическій балансъ и вписываютъ его въ тотъ ростовщическій вексель, который они предъявятъ въ минуты ликвидаціи самодержавія одновременно и побѣжденному царизму, и побѣдившему народу.

Однако, разсчеты на чужую революціонную борьбу изъ всѣхъ возможныхъ путей къ „полученію“ свободы менѣе всего по душѣ либералу. Съ одной стороны „смута препятствуетъ царственнымъ трудамъ“, какъ увѣряли орловскіе земцы, а вѣдь надежда на „помилованіе“ не оставляетъ либераловъ; съ другой стороны, „всѣ эти убійства и волненія не даютъ мирно трудиться и даже жить спокойно“ „мирнымъ земледѣльцамъ“ вродѣ господина Евреинова. Да и неизвѣстно еще, насколько благосклонно отнесется впослѣдствіи къ политическому векселю либераловъ „разнузданная кучка анархистовъ, ничего не боящаяся, даже висѣлицы“. Поэтому, не забывая трясущейся рукой вписывать въ свои бухгалтерскія книги статьи политическаго прихода, либералъ всѣми силами старается изыскать другіе, менѣе опасные пути къ полученію конституціоннаго ордена. Однако, надежды на то, что самодержавіе вполнѣ добровольно сдастъ свои позиціи излюбленнымъ людямъ, конечно, слишкомъ наивны даже и для русскихъ либераловъ. Какой нибудь внѣшній толчекъ, внѣ либерализма, но и внѣ самодержавія лежащая причина должна привести къ вожделѣнной „реформѣ“. Только съ этой точки зрѣнія „сочувствовалъ“ либерализмъ революціи, и только съ этой точки зрѣнія оцѣнивалъ онъ политически всякое стихійное народное бѣдствіе, подкапывающее основы существующаго государственнаго „порядка“.

Такъ было во время голода. Либерализмъ не рѣшился выступить активно со своими конституціонными требованіями, ибо на почвѣ остраго недовольства широкихъ слоевъ народа и въ нервно напряженной общественной атмосферѣ такое выступленіе могло бы послужить непосредственнымъ прологомъ къ *революціонному* низверженію царизма; съ скрещенными на груди руками, онъ ожидалъ минуты, когда „самъ собой“ рухнетъ самодержавно бюрократическій режимъ.

И точно такую же позицію занялъ либерализмъ теперь, когда не въ видѣ голода, а въ видѣ войны надвинулись на Россію огромныя разрушительныя силы стихійности. „Въ виду войны всякія провозглашенія конституціонныхъ требованій и заявленій прекращаются, по крайней мѣрѣ, на эти первые и неясные мѣсяцы“, пишетъ нѣкій конституціоналистъ въ № 50 „Освобожденія“ и увѣряетъ, что на этотъ счетъ „нѣтъ никакихъ споровъ“. Можно повѣрить этому компетентному голосу; можно повѣрить, что для либерализма „связанная съ войной тактика неизбѣжно требуетъ гораздо болѣе пассивнаго отношенія къ событіямъ текущей жизни“. Болѣе того; мы видѣли уже, какъ „пассивные“ по отношенію къ борьбѣ за свободу либеральные земцы „активно“ принимали „всеподданнѣйшіе“ адреса по случаю войны и облагали на нужды ея новыми милліонными налогами разоренное и еще болѣе разоряемое войной населеніе, вмѣсто того, чтобы открыто заявить о непосильности для народа тѣхъ новыхъ тяготъ, которыя налагаются на него авантюрами самодержавія. Но это „пассивное“ свободолюбіе и „активное“ холопство ничуть не мѣшаютъ тому, что благодаря войнѣ ярче, чѣмъ когда либо теплится надежда на конституцію въ сердцѣ либерала. Не даромъ уже въ самомъ началѣ войны правительственнымъ рептиліямъ приходилось писать длиннѣйшія статьи для доказательства, что не нужно непремѣнно новаго „Севастополя“ для наступленія конституціонной весны. Либерализмъ долженъ желать пораженія русскихъ войскъ, потому что такое пораженіе вѣрнѣе всего заставитъ самодержавіе пойти на уступки. Сила этого желанія умѣряется опять таки лишь опасеніемъ революціоннаго взрыва, неизбѣжнаго при слишкомъ позорномъ военномъ крахѣ царизма. Но если не пораженіе, то ужъ во всякомъ случаѣ тотъ острый финансовый кризисъ, который неизбѣженъ даже при благополучномъ окончаніи войны, долженъ радостно манить сердце либерала. Отсюда — двѣ души въ груди либерализма. Сантиментально скорбя о страданіяхъ „солдатиковъ“, — какъ онъ скорбѣлъ о бѣдствіяхъ голодающихъ — либерализмъ лечитъ зіяющія раны войны палліативами санитарныхъ отрядовъ и перевязочныхъ пунктовъ, какъ лечилъ смертельныя язвы голодовокъ палліативами безплатныхъ столовыхъ; и въ то же время война, какъ и голодъ, является для либерала тѣмъ стихійнымъ, внѣшнимъ, его лично весьма мало задѣвающимъ факторомъ, который сломитъ упорство цѣпляющагося за свои самодержавныя прерогативы царизма. Политическій паразитъ, либерализмъ строитъ свои спекуляціи на бѣдствіяхъ народа. Да, то, что для либерализма — внѣшняя, стихійная сила — будетъ ли то голодъ, война, или хотя бы острый финансовый кризисъ — то для народа, для рядового крестьянства и еще болѣе для рабочаго класса подлинное бѣдствіе, реализующееся въ недоѣданіи, въ ростѣ „преступности“ и проституціи, въ болѣзняхъ, въ усиленіи смертности, въ тысячахъ и десяткахъ тысячъ жизней, принесенныхъ въ жертву молоху милитаризма.

И каждая буква той конституціонной хартіи, которая для либераловъ „сама собою“ явится въ результатѣ остраго потрясенія всего организма страны, будетъ оплачена цѣною крови народа. Простой подсчетъ этой крови покажетъ, что для пролетаріата и прилегающихъ къ нему слоевъ крестьянства революціонный способъ борьбы за свободу *дешевле* пассивнаго выжиданія стихійнаго хода событій. Уже по одному этому рабочій классъ не можетъ, сложа руки, ждать той свободы, которую принесетъ ему военный разгромъ Россіи, и не можетъ на этомъ разгромѣ строить всѣ свои надежды. Побѣда царскихъ войскъ въ преступно затѣянной войнѣ означала бы укрѣпленіе позицій самодержавія на трупахъ десятковъ тысячъ рабочихъ и крестьянъ. Но и свобода, купленная цѣною пораженія, была бы оплачена цѣлыми морями крови того же народа. Это, воистину, слишкомъ *дорогая цѣна* за ту свободу, которая выпадетъ при этомъ на долю пролетаріата.

Не нужно забывать, что, если либералъ является пассивнымъ зрителемъ тѣхъ стихійныхъ бѣдствій, которыя подкапываютъ тронъ самодержца, то пролетарій является ихъ пассивнымъ *объектомъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ пассивнымъ *орудіемъ* политическаго катаклизма. Но свобода, въ достиженіи которой пролетаріатъ играетъ роль пассивнаго орудія стихійности, можетъ дать рабочему классу лишь *минимумъ* возможныхъ въ капиталистическомъ обществѣ политическихъ правъ. А вся работа нашей партіи, направленная на развитіе классового сознанія и классовой организованности пролетаріата, имѣетъ цѣлью завоеванія имъ *максимума* этихъ правъ. Самый смыслъ существованія нашей партіи исчезаетъ, если въ нашемъ представленіи рабочій классъ долженъ пассивно ждать освобожденія отъ того „стихійнаго“ крушенія царизма, которое послѣдуетъ за разгромомъ Россіи японцами. И не о широтѣ политическихъ взглядовъ свидѣтельствуетъ проявляющееся кое-гдѣ въ революціонной средѣ желаніе разгрома, а о недостаточномъ пониманіи задачъ соціальдемократіи. Это — не выраженіе высшей ступени сознательной классовой политики, а отрыжка буржуазнаго демократизма съ его спекуляціями на „стихійность“.

Если даже связывать представленіе о пораженіи съ неизбѣжностью послѣдующаго революціоннаго взрыва, то неужели рабочій классъ долженъ желать предварительно пройти черезъ всѣ бѣдствія безработицы, черезъ всѣ муки голода и болѣзней, оставить на восточно-азіатскихъ поляхъ трупы десятковъ тысячъ своихъ сыновей и братьевъ, чтобы потомъ только пойти на баррикады новыми потоками крови добывать свободу?

Нѣтъ! Ни побѣда, ни пораженіе, а прекращеніе войны, прекращеніе кровавыхъ гекатомбъ, какъ слѣдствіе революціоннаго давленія рабочаго класса — вотъ лозунгъ пролетаріата. Этотъ лозунгъ одинаково далекъ отъ хладнокровныхъ разсчетовъ либерализма на гибель тысячей молодыхъ жизней и идиллическихъ утопій миролюбцевъ вродѣ Берты Зуттнеръ или Льва Толстого. Пролетаріатъ не можетъ ставить себѣ утопическую задачу прекратить порождаемыя капиталистическимъ обществомъ войны, не уничтоживъ самого капиталистическаго общества. Онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ и къ такому порабощенію государства, въ которомъ онъ волею историческихъ судебъ живетъ и борется, такому порабощенію, которое превратило-бы это государство въ объектъ чужой эксплуатаціи, подрѣзало въ корнѣ возможность его прогрессивнаго развитія, сдѣлало его новой Арменіей, сохранило для пролетаріата весь гнетъ, всѣ бѣдствія, всѣ несчастія, но безъ малѣйшей надежды на возможность революціонной борьбой сбросить съ себя всѣ путы соціальнаго рабства; и въ этомъ смыслѣ сказалъ Бебель, что нѣмецкій пролетаріатъ „до послѣдняго человѣка встанетъ на защиту отечества и народа“, если самому существованію Германіи будетъ грозить опасность. Но когда эти жизненные интересы народа не поставлены на карту, пролетаріатъ, какъ-бы ни кричали объ отсутствіи у него патріотизма, *можетъ* и *долженъ* властнымъ революціоннымъ вмѣшательствомъ положить предѣлъ войнѣ, особенно войнѣ, не только не вытекающей изъ потребностей развивающагося капиталистическаго общества, но, напротивъ, имѣющей цѣлью задержать то политическое переустройство, которое необходимо для его развитія. И это революціонное вмѣшательство, чуждое пассивнаго ожиданія побѣды или пораженія, сохранитъ пролетаріату тысячи его сыновей и сотни милліоновъ денегъ, которыя выкачиваетъ изъ его кармана и сама война, и сопровождающій ее кризисъ.

„Миръ въ ближайшее время можетъ быть заключенъ лишь путемъ униженія и огромныхъ потерь“, говоритъ тотъ же конституціоналистъ въ „Освобожденіи“. Но кто будетъ униженъ? Пролетаріатъ-ли, который заставитъ самодержавіе выполнить свою революціонную волю? И какихъ огромныхъ потерь? Потерь-ли той „чужой территоріи“, по поводу которой даже г. конституціоналистъ говоритъ, что „съ поразительнымъ легкомысліемъ и невѣжествомъ полицейское самодержавіе *вовлекло* (курс вездѣ нашъ) Россію въ сложные мировые интересы, ей, по существу, *далекіе*?“

Смѣшны, конечно, надежды на ту контрибуцію, которую Россія получитъ въ результатѣ побѣдоносной войны, и которая покроетъ военные расходы. Не говоря уже о великой сомнительности побѣдъ царскаго оружія, никакая контрибуція не сможетъ окупить всѣхъ тѣхъ колоссальныхъ жертвъ людьми и деньгами, которыя несетъ пролетаріату каждый лишній день войны. И притомъ, если затраты на войну покрываются изъ кармановъ народа, то не въ его карманы польется золотой дождь контрибуціи. Пять милліардовъ французской контрибуціи дали германскому рабочему классу въ концѣ концовъ лишь новый, дотолѣ неслыханный по своей остротѣ, кризисъ 70-хъ годовъ. А главное, то усиленіе позиціи самодержавія, которое принесетъ побѣда, для пролетаріата будетъ обозначать продленіе его хроническихъ жертвъ и бѣдствій и новое затрудненіе его революціонной борьбѣ за свободу.

Пролетаріатъ, въ противоположность буржуазіи, вообще не можетъ *получить* для себя свободу, онъ можетъ только *завоевать* ее, долженъ оплатить ее своею кровью, будетъ ли онъ пассивнымъ орудіемъ политическаго переворота или сознательнымъ активнымъ борцомъ за свободу. Но и по величинѣ жертвъ и по достигаемымъ результатамъ, путь наступательной *революціонной* борьбы — самый экономный путь для рабочаго класса, и въ данномъ случаѣ его интересы совпадаютъ съ интересами всѣхъ трудящихся массъ. При той политической коньюнктурѣ, которая создана войной, этотъ путь ведетъ къ революціонному требованію мира и свободы. Всякою другою политическою тактикой рабочій классъ завоевалъ бы слишкомъ плохую свободу и слишкомъ *дорогою цѣною*.

ЭМАНСИПАЦІЯ МИТРОФАНА.

Въ Россіи, какъ въ „благоустроенной“ странѣ, на ряду съ телефонами, телеграфами и прочими пріобрѣтеніями культуры, полагается быть и своему общественному мнѣнію. Это „мнѣніе“, какъ и всюду, есть мнѣніе „господствующихъ“ классовъ, но совсѣмъ не какъ всюду, это русское „мнѣніе“ пребывало до сихъ поръ въ положеніи того великовозрастнаго юнца, который говоритъ уже басомъ, у котораго пробиваются усы, и который тѣмъ не менѣе все еще ходитъ въ короткихъ панталончикахъ и читаетъ нравоучительныя книжки о добронравномъ Ванѣ и непослушномъ Колѣ. Строгій дядька слѣдуетъ по пятамъ и блюдетъ, какъ бы „дитё“ не испортилось. И „дитё“ покамѣстъ не портилось. Правда, милому ребенку приходила иногда въ голову блажь сбросить куцый костюмъ и заглянуть въ запретную книжку, но стоило дядькѣ погромче крикнуть, и „дитё“ опять шагало „въ стрункѣ“, какъ и подобаетъ его воспитанности. Однако, времена перемѣнчивы, и этой „воспитанности“ стала грозить опасность съ тѣхъ поръ, какъ педагогія дядьки встрѣтила соперника въ *другой* педагогіи, въ тѣхъ „урокахъ“, которые изо дня въ день преподаетъ теперь нашему питомцу старая гувернантка-исторія. Она преподаетъ элементарныя истины, истины, которыя давно уже вошли въ научный обиходъ, но отъ этого, увы, еще не сдѣлались достояніемъ тѣхъ, кому бы ихъ слѣдовало знать. И каждый „урокъ“ такъ вразумительно-нагляденъ, она такъ усердно вколачиваетъ его въ ученическую голову, что всякій разъ невольно поднимается вопросъ: сколько же нужно еще колотушекъ, чтобы отечественный недоросль, наконецъ, сталъ взрослымъ человѣкомъ, и неужели для того, чтобы доказать никчемность самодержавія, необходимы еще Тюренченъ, Кинчжоу, Вафангоу и иныя военныя прелести?..

Нашему Митрофану пора выходить изъ-подъ старой указки, и Митрофанъ, говоритъ, за послѣднее время, дѣйствительно, какъ будто собирается изъ-подъ нея выходить.

„Въ обществѣ шумно, безтолково, тревожно“ — пишетъ „Новое Время“. „Если въ нашей печати почти нѣтъ критики военныхъ дѣйствій, то тѣмъ ея болѣе въ обществѣ“, критики, „подбитой ироніей“, основанной на „якобы фактахъ“, которые „даютъ ему право разводить свою критику“, критики недоброжелательной, ибо даже „блестящій подвигъ Владивостокской эскадры не-

ОБЩЕСТВО NEW YORK RUSSIAN SOCIAL DEMOCRATIC SOCIETY

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 69. 10-го іюля 1904 г. Годъ IV.

РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ

ДОРОГАЯ ЦѢНА.

Въ иностранной печати упорно распространяются за последнее время слухи о какой-то „коммиссіи", яко-бы созданной царемъ въ Петербургѣ и занимающейся выработкой проекта „конституціи". Сообщаются даже подробности, кромѣ того, что будущая конституція должна осчастливить россійскій народъ дарованіемъ ему чего то вродѣ германскаго рейхстага; однако есть и маленькая разница: вмѣсто голоса, не столько рѣшающаго, сколько могущаго противопоставить свое veto правительственнымъ законопроектамъ голоса, который имѣетъ рейхстагъ, грядущій россійскій парламентъ будетъ имѣть лишь совѣщательный голосъ.

Придавая весьма мало значенія фактической сторонѣ этихъ сообщеній, мы не можемъ, однако, не видѣть въ нихъ нѣкотораго отраженія настроенія, начинающаго проникать въ великосвѣтскіе и административные салоны, въ которыхъ корреспонденты „большой" европейской печати черпаютъ сплетни, сообщаемыя ими въ редакціи своихъ газетъ. Тѣ сокрушительные удары, которые уже претерпѣло самодержавіе въ борьбѣ съ „внѣшнимъ" врагомъ, очевидно, заставляютъ проникать въ души и самыхъ геморроидальныхъ особъ „первыхъ четырехъ классовъ" смутное сознаніе, что близится конецъ царизма. Бѣшенство, съ которымъ Московскія Вѣдомости накидываются на злополучныхъ авторовъ „слуха", показываетъ только, что иностранная печать попала въ цѣль, въ больное мѣсто. Se non è vero, è ben trovato. Да и не было бы ничего удивительнаго, если бы среди рыцарей кнута и нагайки нашлись уже теперь предусмотрительные люди, заранѣе учитывающіе цѣну предательства по отношенію къ тому „обожаемому" монарху, именемъ котораго самодержавная бюрократія такъ долго душитъ пробуждающійся народъ. Скорѣе было бы странно, если бы этого не было. Исторія всѣхъ странъ показываетъ, что бюрократія всегда была готова служить всякому правительству и предать всякое правительство. Талейранъ, поочередно служившій республикѣ, директоріи, имперіи, Бурбонамъ, Орлеанамъ, и всѣхъ ихъ поочередно предававшій, конечно, имѣетъ всѣ основанія быть причисленнымъ къ лику святыхъ бюрократіи. И такъ какъ у господъ этого сорта нюхъ бываетъ весьма тонкій, то конституціонные проекты тайныхъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ несомнѣнно представляютъ весьма отрадный симптомъ разложенія самодержавія.

Но не мы, конечно, будемъ возлагать наши надежды на комиссіи изъ тайныхъ совѣтниковъ. Это — монополія россійскаго либерализма. Зародившійся въ тяжелой атмосферѣ рабства, при первыхъ шагахъ своихъ уже увидѣвшій грозное „мене, текелъ, фаресъ", начертанное на всѣхъ стѣнахъ буржуазной Европы, русскій либерализмъ никогда не надѣялся на свои собственныя силы, на борьбу. Какъ Петръ отъ Іисуса, отрекался онъ отъ „крайнихъ" дѣтей своихъ, когда не платоническое „сочувствіе", а дѣйствительная помощь могла дать имъ шансы на побѣду въ неравной борьбѣ съ царизмомъ, опиравшимся на огромную реакціонную силу пассивности народныхъ массъ. Не *завоевать* свободу, а *получить* ее хотѣлъ и хочетъ русскій либерализмъ. Конституціонныя галушки готовыми должны упасть ему въ ротъ. Самъ ли царь его, либерала, „можетъ быть, ха-ха... и помилуетъ", смѣлый ли террористъ динамитной бомбой взорветъ россійскій престолъ, крестьянскій ли „бунтъ" или рабочее возстаніе разорветъ заржавленныя оковы деспотизма, — россійскому либералу все равно. И когда революціонное движеніе — и не только рабочаго класса или крестьянства, но и интеллигентныхъ „дѣтей" либерализма — сочится кровью изъ всѣхъ поръ, россійскіе Мирабо, оставаясь пассивными зрителями революціонной трагедіи, лишь учитываютъ ея политическій балансъ и вписываютъ его въ тотъ ростовщическій вексель, который они предъявятъ въ минуты ликвидаціи самодержавія одновременно и побѣжденному царизму, и побѣдившему народу.

Однако, разсчеты на чужую революціонную борьбу изъ всѣхъ возможныхъ путей къ „полученію" свободы менѣе всего по душѣ либералу. Съ одной стороны „смута препятствуетъ царственнымъ трудамъ", какъ увѣряли орловскіе земцы, а вѣдь надежда на „помилованіе" не оставляетъ либераловъ; съ другой стороны, „всѣ эти убійства и волненія не даютъ мирно трудиться и даже жить спокойно" „мирнымъ земледѣльцамъ" вродѣ господина Евреинова. Да и неизвѣстно еще, насколько благосклонно отнесется впослѣдствіи къ политическому векселю либераловъ „разнузданная кучка анархистовъ, ничего не боящаяся, даже висѣлицы". Поэтому, не забывая трясущейся рукой вписывать въ свои бухгалтерскія книги статьи политическаго прихода, либералъ всѣми силами старается изыскать другіе, менѣе опасные пути къ полученію конституціоннаго эдема. Однако, надежды на то, что самодержавіе вполнѣ добровольно сдастъ свои позиціи излюбленнымъ людямъ, конечно, слишкомъ наивны даже и для русскихъ либераловъ. Какой нибудь внѣшній толчекъ, внѣ либерализма, но и внѣ самодержавія лежащая причина должна привести къ вожделѣнной „реформѣ". Только съ этой точки зрѣнія „сочувствовалъ" либерализмъ революціи, и только съ этой точки зрѣнія оцѣнивалъ онъ политически всякое стихійное народное бѣдствіе, подкапывающее основы существующаго государственнаго „порядка".

Такъ было во время голода. Либерализмъ не рѣшился выступить активно со своими конституціонными требованіями, ибо на почвѣ остраго недовольства широкихъ слоевъ народа и въ нервно напряженной общественной атмосферѣ такое выступленіе могло бы послужить непосредственнымъ прологомъ къ *революціонному* низверженію царизма: съ скрещенными на груди руками, онъ ожидалъ минуты, когда „самъ собой" рухнетъ самодержавно бюрократическій режимъ.

И точно такую же позицію занялъ либерализмъ теперь, когда не въ видѣ голода, а въ видѣ войны надвинулись на Россію огромныя разрушительныя силы стихійности. „Въ виду войны всякія провозглашенія конституціонныхъ требованій и заявленій прекращаются, по крайней мѣрѣ, на эти первые и неясные мѣсяцы", пишетъ нѣкій конституціоналистъ въ № 50 „Освобожденія" и увѣряетъ, что на этотъ счетъ „нѣтъ никакихъ споровъ". Можно повѣрить этому компетентному голосу; можно повѣрить, что для либерализма „связанная съ войной тактика неизбѣжно требуетъ гораздо болѣе пассивнаго отношенія къ событіямъ текущей жизни". Болѣе того; мы видѣли уже, какъ „пассивные" по отношенію къ борьбѣ за свободу либеральные земцы „активно" принимали „всеподданнѣйшіе" адреса по случаю войны и облагали на нужды ея новыми милліонными налогами разоренное и еще болѣе разоряемое войной населеніе, вмѣсто того, чтобы открыто заявить о непосильности для народа тѣхъ новыхъ тяготъ, которыя налагаются на него авантюрами самодержавія. Но это „пассивное" свободолюбіе и „активное" холопство ничуть не мѣшаютъ тому, что благодаря войнѣ ярче, чѣмъ когда либо теплится надежда на конституцію въ сердцѣ либерала. Не даромъ уже въ самомъ началѣ войны правительственнымъ рептиліямъ приходилось писать длиннѣйшія статьи для доказательства, что не нужно непремѣнно новаго „Севастополя" для наступленія конституціонной весны. Либерализмъ долженъ желать пораженія русскихъ войскъ, потому что такое пораженіе вѣрнѣе всего заставитъ самодержавіе пойти на уступки. Сила этого желанія умѣряется опять таки лишь опасеніемъ революціоннаго взрыва, неизбѣжнаго при слишкомъ позорномъ военномъ крахѣ царизма. Но если не пораженіе, то ужъ во всякомъ случаѣ тотъ острый финансовый кризисъ, который неизбѣженъ даже при благополучномъ окончаніи войны, долженъ радостно манить сердце либерала. Отсюда — двѣ души въ груди либерализма. Сантиментально скорбя о страданіяхъ „солдатиковъ", — какъ онъ скорбѣлъ о бѣдствіяхъ голодающихъ — либерализмъ лечитъ зіяющія раны войны палліативами санитарныхъ отрядовъ и перевязочныхъ пунктовъ, какъ лечилъ смертельныя язвы голодовокъ палліативами безплатныхъ столовыхъ; и въ то же время война, какъ и голодъ, является для либерала тѣмъ стихійнымъ, внѣшнимъ, его лично весьма мало задѣвающимъ факторомъ, который сломитъ упорство цѣпляющагося за свои самодержавныя прерогативы царизма. Политическій паразитъ, либерализмъ строитъ свои спекуляціи на бѣдствіяхъ народа.

На бѣдствіяхъ народа! Да, то, что для либерализма — внѣшняя, стихійная сила — будетъ ли то голодъ, война, или хотя бы острый финансовый кризисъ — то для народа, для рядового крестьянства и еще болѣе для рабочаго класса подлинное бѣдствіе, реализующееся въ недоѣданіи, въ ростѣ „преступности" и проституціи, въ болѣзняхъ, въ усиленіи смертности, въ тысячахъ и десяткахъ тысячъ жизней, принесенныхъ въ жертву молоху милитаризма.

И каждая буква той конституціонной хартіи, которая для либераловъ „сама собою" явится въ результатѣ остраго потрясенія всего организма страны, будетъ оплачена цѣною крови народа. Простой подсчетъ этой крови покажетъ, что для пролетаріата и прилегающихъ къ нему слоевъ крестьянства революціонный способъ борьбы за свободу *дешевле* пассивнаго выжиданія стихійнаго хода событій. Уже по одному этому рабочій классъ не можетъ, сложа руки, ждать той свободы, которую принесетъ ему военный разгромъ Россіи, и не можетъ на этомъ разгромѣ строить всѣ свои надежды. Побѣда царскихъ войскъ въ преступно затѣянной войнѣ означала бы укрѣпленіе позицій самодержавія на трупахъ десятковъ тысячъ рабочихъ и крестьянъ. Но и свобода, купленная цѣною пораженія, была бы оплачена цѣлыми морями крови того же народа. Это, воистину, слишкомъ *дорогая цѣна* за ту свободу, которая выпадетъ при этомъ на долю пролетаріата.

Не нужно забывать, что, если либералъ является пассивнымъ зрителемъ тѣхъ стихійныхъ бѣдствій, которыя подкапываютъ тронъ самодержца, то пролетарій является ихъ пассивнымъ *объектомъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ пассивнымъ *орудіемъ* политическаго катаклизма. Но свобода, въ достиженіи которой пролетаріатъ играетъ роль пассивнаго орудія стихійности, можетъ дать рабочему классу лишь *минимумъ* возможныхъ въ капиталистическомъ обществѣ политическихъ правъ. А вся работа нашей партіи, направленная на развитіе классового сознанія и классовой организованности пролетаріата, имѣетъ цѣлью завоеванія имъ *максимума* этихъ правъ. Самый смыслъ существованія нашей партіи исчезаетъ, если въ нашемъ представленіи рабочій классъ долженъ пассивно ждать освобожденія отъ того „стихійнаго" крушенія царизма, которое послѣдуетъ за разгромомъ Россіи японцами. И не о широтѣ политическихъ взглядовъ свидѣтельствуетъ проявляющееся кое-гдѣ въ революціонной средѣ желаніе разгрома, а о недостаточномъ пониманіи задачъ соціальдемократіи. Это — не выраженіе высшей ступени сознательной классовой политики, а отрыжка буржуазнаго демократизма съ его спекуляціями на „стихійность".

Если даже связывать представленіе о пораженіи съ неизбѣжностью послѣдующаго революціоннаго взрыва, то неужели рабочій классъ долженъ желать предварительно пройти черезъ всѣ бѣдствія безработицы, черезъ всѣ муки голода и болѣзней, оставить на восточно-азіатскихъ поляхъ трупы десятковъ тысячъ своихъ сыновей и братьевъ, чтобы потомъ только пойти на баррикады новыми потоками крови добывать свободу?

Нѣтъ! Ни побѣда, ни пораженіе, а прекращеніе войны, прекращеніе кровавыхъ гекатомбъ, какъ слѣдствіе революціоннаго давленія рабочаго класса — вотъ лозунгъ пролетаріата. Этотъ лозунгъ одинаково далекъ отъ хладнокровныхъ разсчетовъ либерализма на гибель тысячей молодыхъ жизней и идиллическихъ утопій миролюбцевъ вродѣ Берты Зуттнеръ или Льва Толстого. Пролетаріатъ не можетъ ставить себѣ утопическую задачу прекратить порождаемыя капиталистическимъ обществомъ войны, не уничтоживъ самого капиталистическаго общества. Онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ и къ такому порабощенію государства, въ которомъ онъ волею историческихъ судебъ живетъ и борется, такому порабощенію, которое превратило-бы это государство въ объектъ чужой эксплуатаціи, подрѣзало въ корнѣ возможность его прогрессивнаго развитія, сдѣлало его новой Арменіей, сохранило для пролетаріата весь гнетъ, всѣ бѣдствія, всѣ несчастія, но безъ малѣйшей надежды на возможность революціонной борьбой сбросить съ себя всѣ путы соціальнаго рабства; и въ этомъ смыслѣ сказалъ Бебель, что нѣмецкій пролетаріатъ „до послѣдняго человѣка встанетъ на защиту отечества и народа", если самому существованію Германіи будетъ грозить опасность. Но когда эти жизненные интересы народа не поставлены на карту, пролетаріатъ, какъ-бы ни кричали объ отсутствіи у него патріотизма, *можетъ* и *долженъ* властнымъ революціоннымъ вмѣшательствомъ положить предѣлъ войнѣ, особенно войнѣ, не только не вытекающей изъ потребностей развивающагося капиталистическаго общества, но, напротивъ, имѣющей цѣлью задержать то политическое переустройство, которое необходимо для его развитія. И это революціонное вмѣшательство, чуждое пассивнаго ожиданія побѣды или пораженія, сохранитъ пролетаріату тысячи его сыновей и сотни милліоновъ денегъ, которыя выкачиваетъ изъ его кармана и сама война, и сопровождающій ее кризисъ.

„Миръ въ ближайшее время можетъ быть заключенъ лишь путемъ униженія и огромныхъ потерь", говоритъ тотъ же конституціоналистъ въ „Освобожденіи". Но кто будетъ униженъ? Пролетаріатъ-ли, который заставитъ самодержавіе выполнить свою революціонную волю? И какихъ огромныхъ потерь? Потери-ли той „чужой территоріи", по поводу которой даже г. конституціоналистъ говоритъ, что „съ поразительнымъ легкомысліемъ и невѣжествомъ полицейское самодержавіе *вовлекло* (курсивъ вездѣ нашъ) Россію въ сложные мировые интересы, ей, по существу, *далекіе*?"

Смѣшны, конечно, надежды на ту контрибуцію, которую Россія получитъ въ результатѣ побѣдоносной войны, и которая покроетъ военные расходы. Не говоря уже о великой сомнительности побѣдъ царскаго оружія, никакая контрибуція не сможетъ окупить всѣхъ тѣхъ колоссальныхъ жертвъ людьми и деньгами, которыя несетъ пролетаріату каждый лишній день войны. И притомъ, если затраты на войну покрываются изъ кармановъ народа, то не въ его карманы польется золотой дождь контрибуціи. Пять милліардовъ французской контрибуціи дали германскому рабочему классу въ концѣ концовъ лишь новый, дотолѣ неслыханный по своей остротѣ, кризисъ 70-хъ годовъ. А главное, то усиленіе позиціи самодержавія, которое принесетъ побѣда, для пролетаріата будетъ обозначать продленіе его хроническихъ жертвъ и бѣдствій и новое затрудненіе его революціонной борьбѣ за свободу.

Пролетаріатъ, въ противоположность буржуазіи, вообще не можетъ *получить* для себя свободу, онъ можетъ только *завоевать* ее, долженъ оплатить ее своею кровью, будетъ ли онъ пассивнымъ орудіемъ политическаго переворота или сознательнымъ активнымъ борцомъ за свободу. Но и по величинѣ жертвъ и по достигаемымъ результатамъ, путь наступательной *революціонной* борьбы — самый экономный путь для рабочаго класса, и въ данномъ случаѣ его интересы совпадаютъ съ интересами всѣхъ трудящихся массъ. При той политической конъюнктурѣ, которая создана войной, этотъ путь ведетъ къ революціонному требованію мира и свободы. Всякою другою политическою тактикой рабочій классъ завоевалъ бы слишкомъ плохую свободу и слишкомъ *дорогою цѣною*.

ЭМАНСИПАЦІЯ МИТРОФАНА.

Въ Россіи, какъ въ „благоустроенной" странѣ, на ряду съ телефонами, телеграфами и прочими пріобрѣтеніями культуры, полагается быть и своему общественному мнѣнію. Это „мнѣніе", какъ и всюду, есть мнѣніе „господствующихъ" классовъ, но совсѣмъ не какъ всюду, это русское „мнѣніе" пребывало до сихъ поръ въ положеніи того великовозрастнаго юнца, который говоритъ уже басомъ, у котораго пробиваются усы, и который тѣмъ не менѣе все еще ходитъ въ короткихъ панталончикахъ и читаетъ нравоучительныя книжки о добронравномъ Ванѣ и непослушномъ Колѣ. Строгій дядька слѣдуетъ по пятамъ и блюдетъ, какъ бы „дитё" не испортилось. И „дитё" покамѣстъ не портилось. Правда, милому ребенку приходила иногда въ голову блажь сбросить куцый костюмъ и заглянуть въ запретную книжку, но стоило дядькѣ погромче крикнуть, и „дитё" опять шагало „въ стрункѣ", какъ и подобаетъ его воспитанности. Однако, времена перемѣнчивы, и этой „воспитанности" стала грозить опасность съ тѣхъ поръ, какъ педагогія дядьки встрѣтила соперника въ *другой* педагогіи, въ тѣхъ „урокахъ", которые изо дня въ день преподаетъ теперь нашему питомцу старая гувернантка-исторія. Она преподаетъ элементарныя истины, истины, которыя давно уже вошли въ научный обиходъ, но отъ этого, увы, еще не сдѣлались достояніемъ тѣхъ, кому бы ихъ слѣдовало знать. И каждый „урокъ" такъ вразумительно нагляденъ, она такъ усердно вколачиваетъ его въ ученическую голову, что всякій разъ невольно поднимается вопросъ: сколько же нужно еще колотушекъ, чтобы отечественный недоросль, наконецъ, сталъ взрослымъ человѣкомъ, и неужели для того, чтобы доказать никчемность самодержавія, необходимы еще Тюренченъ, Кинчжоу, Вафангоу и иныя военныя прелести?..

Нашему Митрофану пора выходить изъ-подъ старой указки, и Митрофанъ, говорятъ, за послѣднее время, дѣйствительно, какъ будто собирается изъ-подъ нея выходить.

„Въ обществѣ шумно, безтолково, тревожно" — пишетъ „Новое Время". „Если въ нашей печати почти нѣтъ критики военныхъ дѣйствій, то тѣмъ ея болѣе въ обществѣ", критики, „подбитой ироніей", основанной на „якобы фактахъ", которые „даютъ ему право разводить свою критику", критики недоброжелательной, ибо даже „блестящій подвигъ Владивостокской эскадры необошелся безъ проявленія нѣкоторой доли этой ироніи". „Насъ преслѣдуютъ несчастія, вдругъ превосходное дѣло, и вмѣсто того, чтобы встрѣтить его, какъ встрѣчаютъ счастье, начинаютъ судачить, змѣиныя жала высовываются и двигаются изъ стороны въ сторону, ища себѣ сочувствія, поддержки и поощренія".

Другими словами: эмансипація Митрофана начинается съ того, что онъ, стократъ оболганный, отказывается долѣе вѣрить „счастью" своего ментора-дядьки, отказывается даже и тогда, когда это „счастье", вопреки обыкновенію, существуетъ въ неподдѣльномъ, хотя и микроскопическомъ видѣ, отказывается потому, что есть предѣлъ и его, Митрофана, легковѣрію. Политически невоспитанный человѣкъ, вѣдь, не есть еще кретинъ, котораго можно безнаказанно морочить, преподнося ему каждый день небылицы — въ долгіе мѣсяцы напряженныхъ ожиданій, пораженія фальсифицируя въ побѣды, вмѣсто „маленькихъ недостатковъ механизма" демонстрируя аппаратъ, работающій якобы безъ сучка и задоринки. Доблестное войско, мудрые полководцы, лихорадочная дѣятельность, блистательные отчеты, высочайшія благодарности, и въ результатѣ — ни съ мѣста, или хуже того: одно заушеніе за другимъ, не взирая — на разливанное море празднословія. А празднословили всѣ: отъ маленькаго императора и до послѣдняго газетчика, императора, высочайше полагавшаго резолюцію на вафангоускій разгромъ — „лихое дѣло", и до борзописца, повѣствующаго о томъ, какъ казакъ съ одного маху отрубаетъ японскую голову и нанизываетъ на пику вражьи тѣла. Весь читающій міръ, затаивъ дыханіе, внималъ геройской борьбѣ далекаго островного народа, а въ это самое время рабья печать позорила свои столбцы разсказами о томъ, какъ японскій солдатъ шелъ, де, пьяный въ бой, и потому что пьяный, проявлялъ чудеса своей храбрости. Съ легкой руки шустрой стаи Тряпичкиныхъ, съ принцемъ Бурбономъ во главѣ (многоговорящее имя, читатель! — этого рода добро, какъ извѣстно, единственное, подлежащее ввозу въ Россію безданно-безпошлинно), загуляла изъ номера въ номеръ молва о чинимыхъ непріятелемъ звѣрствахъ: желтолицый азіатъ молъ не хочетъ ни въ чемъ отставать отъ блѣднолицаго „европейца", положившаго столько стараній на потопленіе китайскихъ женъ и дѣтей въ темныхъ водахъ Амура. Мало того: японецъ не ограничился тѣмъ, что вредилъ намъ, гдѣ могъ, онъ еще предавался разврату — въ горахъ Манджуріи, какъ о томъ засвидѣтельствовало извѣстное своей правдивостью перо г. Немировича-Данченко. А въ станѣ россіянъ, между тѣмъ, было патріархально и почти идиллично: здѣсь всѣ чувствуютъ себя, какъ братья — писалъ достовѣрный „очевидецъ", одинъ изъ многихъ, чья суздальская кисть не переставала все время малевать фигуры „солдатиковъ", по гробъ преданныхъ „отцамъ-командирамъ", и „отцовъ-командировъ", день и ночь болѣющихъ о ввѣренныхъ ихъ попеченію „ребятахъ". Даже самъ пресловутый „намѣстникъ" съ своимъ придворнымъ сералемъ пріобрѣталъ благочестивый-патріотическій видъ, подъ нажимомъ неразборчивой кисти...

Въ крупномъ и въ маломъ, какъ въ основныхъ вопросахъ дѣйствительности, такъ и въ мелочныхъ деталяхъ, „аксессуарахъ" войны, всюду и вездѣ царило одно и то же — педагогическое художество...

Что такое японская война для Россіи? — Незначительная непріятность, прыщъ на ногѣ, — заявлялъ, напримѣръ, знаменитый ученый, промѣнявшій науку на мѣстечко въ министерствѣ, а министерство, съ своей стороны, спѣша, подтверждало — въ стоустый рупоръ своихъ лейбъ-журналистовъ, — что „свободная наличность" ничуть не вредима, что, наоборотъ, она цвѣтетъ, не взирая на надвинувшійся кризисъ. А война для Японіи? — Близкое разореніе, грядущій крахъ, когда не сегодня — завтра страна Восходящаго Солнца смиренно запроситъ пардону у великодушнаго русскаго колосса...

Мобилизованная ложь, какъ докучный осенній дождь, барабанила въ общественное сознаніе, не давая ему ни отдыха, ни сроку, только бы спасти первобытность отъ напора навязчивой правды. И чѣмъ долѣе она барабанила, тѣмъ все менѣе получался желанный эффектъ и все болѣе нетерпѣнія проявлялъ Митрофанъ, задумываясь надъ тѣмъ, что слышалъ. Набивши оскомину на этомъ „бэдламѣ", онъ все больше и больше входилъ во вкусъ той непріятной, горькой правды, которая лѣзла отовсюду, со всѣхъ сторонъ, сквозь поры цензуры, изъ нѣдръ подполья, изъ зарубежныхъ вольныхъ странъ, изъ переписки друзей, изъ устъ въ уста, изъ боязливаго обывательскаго шепота. Такъ что, когда дядька недавно вздумалъ скрыть отъ него — о чемъ уже шумѣлъ телеграфъ всѣхъ странъ — катастрофу „Пересвѣта" и другихъ судовъ портъ-артурской эскадры, то оказалось, что было уже поздно: Митрофанъ твердо зналъ свою контрабандную „правду", и его невозможно было сбить съ этой „правды" никакими запоздалыми увѣреніями.

„Адмиралъ Того лжетъ!" — кричали ему. Ладно! — реплицировалъ Митрофанъ. Лжетъ или нѣтъ, я не знаю, но я знаю одно, что вы-то уже лгали навѣрное, выдавая собственный вашъ суррогатъ, въ которомъ было скрыто наиболѣе существенное, за подлинное донесеніе противника.

А еще немного спустя, и Митрофанъ иронически улыбался въ отвѣтъ на усилія дядьки — загипнотизировать его гекатомбой въ 30.000 убитыхъ японцевъ, онъ понималъ, что это просто педагогическій пріемъ, неискусное средство — оттянуть, отсрочить сколько-нибудь — близкій часъ его окончательной эмансипаціи.

И хотя въ настоящій моментъ Портъ-Артуръ еще не взятъ и Куропаткинъ еще не въ Матсуямѣ, но прежній легковѣрный Митрофанъ подаетъ уже большія надежды превратиться въ завзятаго скептика, склоннаго при случаѣ обсуждать щекотливый вопросъ — о дѣеспособности самодержавія.

Съ точки зрѣнія Митрофана, самодержавію такъ и полагается преслѣдовать честь, насиловать совѣсть, оно можетъ, пожалуй, — залѣзать въ народный карманъ и распространять вкругъ себя безграмотность, оно можетъ многаго не выполнить и еще больше сдѣлать скверно, но есть одна спеціальность, въ которой оно обязано неукоснительно быть на высотѣ, подъ угрозой своего исчезновенія. Это — военное дѣло, на которомъ оно выросло, оперилось, получило право всероссійскаго гражданства, сдѣлало карьеру; на немъ оно проявило когда-то талантъ организатора, и въ немъ лежитъ до сихъ поръ его послѣднее оправданіе. Эту истину чувствуетъ Митрофанъ, ее знаетъ хорошо и его высокопоставленный дядька. Отсюда то великое смятеніе, которое приноситъ каждое извѣстіе съ театра войны, говорящее о превосходствѣ японцевъ; отсюда и судорожные порывы укрыть очевидность, эскамотировать случившееся. И было бы съ полгоря еще, если бы бѣда ограничивалась однѣми картонными подошвами, гнилыми сухарями, плохимъ транспортомъ, традиціоннымъ воровствомъ. Этой бѣды не занимать было стать и въ прежніе годы. Хуже то, что непріятель превосходитъ не этимъ однимъ, но и качествомъ живого матеріала.

Грамотный солдатъ, образованный офицеръ, дѣльный, даровитый военноначальникъ. Непріятель побѣдилъ при Кинчжоу, потому что его солдатъ-артиллеристъ умѣлъ индивидуализировать прицѣлъ; онъ побѣдилъ на Ялу, въ Вафангоу, умѣя не только храбро лѣзть на штыки, но и планомѣрно управлять своими дѣйствіями. Онъ побѣдилъ, потому что его офицеръ щеголяетъ не однимъ молодечествомъ, а и знаетъ досконально свою профессію и способенъ на дѣлѣ примѣнить все то, о чемъ говоритъ послѣднее слово его военной науки. Онъ побѣдилъ, потому что его генералъ не просто заслуженный фрунтовикъ, который сегодня командуетъ полками, потому что вчера сокрушалъ губернію. Онъ побѣдилъ потому, наконецъ, что вся его военная среда есть лишь точное отраженіе реформированнаго общественнаго строя, рвущагося впередъ и ставящаго себѣ большія историческія задачи...

Краснорѣчіе фактовъ неотразимо, и въ результатѣ пятимѣсячной кампаніи, даже Митрофанъ поколебался... Теперь онъ втайнѣ строчитъ хорошенькій проектъ конституціи. И мы ее вскорѣ увидимъ, читатель, — Митрофанову конституцію!

НА ОЧЕРЕДИ.

„Нужна ли еврейскому пролетаріату самостоятельная рабочая *партія?*" ставила $1^{1}/_{2}$ года назадъ вопросъ „Искра" и отвѣчала, какъ извѣстно, отрицательно. Съ тѣхъ поръ выходъ „Бунда" изъ рядовъ Р. С.-Д. Р. П. поставилъ его фактически въ положеніе „самостоятельной партіи". Бундъ самъ себѣ довлѣетъ, никакая „чуждая" евреямъ политическая коллективность не властна ограничить его самостоятельность. Но — „одно дѣло казаться, а другое — быть". Быть можетъ, товарищамъ изъ „Бунда" необходимо побыть „въ званіи" особой политической партіи для того, чтобы понять, насколько утопична для него задача образованія такой партіи.

„Положеніе обязываетъ". Политическая партія должна имѣть свою опредѣленную политическую физіономію, свою особую программу. Это требованіе — не блажь доктринеровъ. Соціалистическая рабочая *партія* не можетъ быть просто организаціей пролетаріевъ данной мѣстности или данной народности, руководящей ихъ повседневной борьбой и пропагандирующей конечные идеалы соціализма. Въ отличіе отъ пропагандистскаго кружка или рабочаго союза, партія ставитъ себѣ *политическія* задачи, т. е. задачи борьбы за политическое вліяніе въ данномъ государствѣ. Ея программа формулируетъ требованія, предъявляемыя ею къ этому государству и то пониманіе общественнаго развитія, которое, въ ея глазахъ, санкціонируетъ эти требованія. Ра конкретныхъ условій общественнаго развитія, въ которыхъ ра ботаетъ данная партія, опредѣляетъ конкретныя различі подробностяхъ одной и той же, по своимъ принципамъ, граммы соціализма въ разныхъ *странахъ*. Ибо тѣ основ внѣшнія условія, которыя ставятъ передъ партіями пролетаріа *политическія* задачи, суть, прежде всего, конкретныя госуда ственно-правовыя формы, придающія *національный* характер интернаціональной, по своимъ основамъ, классовой борьбѣ про летаріата. Если данный пролетаріатъ не имѣетъ въ государ ственно-правовыхъ отношеніяхъ специфической точки опоры д своей политической консолидаціи, его организація не может стать политической партіей не можетъ выработать для себ опредѣленной физіономіи, т. е. своей собственной политическо программы.

При такихъ условіяхъ, попытки подобной организаціи ра вить *теоретическую* пропаганду, выходящую за рамки просто популяризаціи общихъ всему соціализму принциповъ, неизбѣж должны оказаться безжизненными и при наличности достато ной дозы самоувѣренности — производить комическое впечатл ніе напоминаніемъ о несчастномъ покушеніи одного маленька существа „въ дородствѣ съ воломъ сравняться". Ибо теоре ческая разработка вопросовъ соціализма, такъ тѣсно связанн у соціальдемократіи съ ея *политикой*, подъ силу только поли ческой партіи и стимулируется ея практической потребност въ углубленіи и развитіи ея программы.

Товарищи изъ „Бунда" основали новый органъ, котор долженъ быть посвященъ теоретической разработкѣ вопросо бундовскаго движенія. Положеніе обязываетъ! „Самостоятел ная рабочая партія еврейскаго пролетаріата" должна выработ *свою* теоретическую литературу. И Заграничный Комите „Бунда" старается...

Странное впечатлѣніе производитъ этотъ журналъ. Мы н емъ въ немъ статьи теоретическія — о „національности и асс миляціи". Бруно Бауэръ, Карлъ Марксъ, Карлъ Каутскій, Фран Мерингъ... Должны ли евреи ассимилироваться? что есть на ональность? — эти вопросы представляютъ собой тѣ кардина ные пункты, вокругъ которыхъ должно сложиться теорети ское „бундовское" міровоззрѣніе, которое, въ свою очере должно — вмѣстѣ съ общепризнанными началами научнаго ціализма — лечь въ основу бундовской политической програ Но такъ какъ вопросы еврейской національности — какъ поучительны они ни были съ научной точки зрѣнія — никак не могутъ пріобрѣсти политическаго значенія, такъ какъ рѣш ніе ихъ въ ту или другую сторону — при условіи сохране классовой исходной точки зрѣнія — никакъ не можетъ пост вить передъ рѣшающими *особыхъ политическихъ задачъ*, котор опредѣляли бы собою политику рабочей организаціи по отношен къ данной государственной организаціи классового господст — то неизбѣжно эта теоретическая разработка остается пол тически совершенно безплодной (не пріобрѣтая отъ того особо научной цѣнности) и не обѣщаетъ внести въ „сокровищниц соціалистической мысли" никакихъ, хотя бы и маленькихъ, н выхъ идей. Въ самомъ дѣлѣ. Допустимъ, что евреи — нац что исторія не ведетъ ихъ въ сторону „ассимиляціи", — что м жетъ изъ этого теоретическаго открытія слѣдовать для поли ческой программы соціалистовъ-евреевъ, желающихъ оставать на классовой точкѣ зрѣнія пролетаріата? Мы знаемъ, как „бундовцы" до сихъ поръ отвѣчали на этотъ вопросъ. Прово гласивъ евреевъ націей, *политической* націей, они отказал отъ напрашивавшагося имъ вывода о необходимости борьбы политическія права этой націи, какъ таковой. Они объяви „преждевременнымъ" выставленіе программы *національной ав номіи*. Они чувствовали, что фактическое положеніе еврейст необособленнаго исторіей въ отдѣльный *политическій организм* сдѣлаетъ выставленіе *такого* требованія шагомъ *въ сторону* о классовой точки зрѣнія. Они не сдѣлали этого шага на свои съѣздахъ, не дѣлаютъ его и теоретики „Вѣстника Бунда". [illegible] этого, и пережевываніе вопроса о „національности ассимиляціи" пріобрѣтаетъ указанный выше совершенно бе жизненный характеръ, одинаково проявляющійся и въ чопорно педантизмѣ развиваемыхъ теоретическихъ посылокъ, и въ хле скихъ полемическихъ выпадахъ дурного газетнаго тона.

Прочтите (въ № 3 „Вѣстника Бунда"), какъ снисходитель бундовскіе теоретики треплютъ Карла Маркса за его извѣстн блестящую статью „объ еврейскомъ вопросѣ", какъ они обл чаютъ Каутскаго въ томъ, что онъ „поддался философіи Пл хановскаго попугая", какъ и того, и другого, зачисляютъ о въ „ассимиляторы", заканчивая статью цитированіемъ циркуля фонъ Плеве — тоже въ роли „ассимилятора". Прочитайте — подивитесь „теоретической энергіи" нашихъ бѣдныхъ товар

Организаціонные вопросы русской соціальдемократіи.

Отъ редакціи. Тов. Ленинъ, возражая на обвиненія въ бланкистскомъ извращеніи марксизма, упомянулъ въ своей послѣдней книгѣ, что въ Германіи такіе „ортодоксы", какъ Парвусъ и Люксембургъ, подвергались со стороны мѣстныхъ оппортюнистовъ тому же обвиненію, изъ чего, де, вытекаетъ тождество критики, направленной противъ Ленина, съ критикой бернштейніанцевъ. Въ виду этого, представлялось особенно интереснымъ узнать мнѣніе названныхъ товарищей о нашихъ нынѣшнихъ разногласіяхъ. Свое мнѣніе о „ленинизмѣ" Парвусъ выразилъ еще прежде, чѣмъ въ „Искрѣ" началась какая бы то ни было полемика съ „твердымъ" направленіемъ (въ „Weltpolitik", см. объ этомъ въ письмѣ Ленина: „почему я вышелъ изъ редакціи?"). Послѣ появленія „Шага впередъ" мы обратились къ т. Р. Люксембургъ съ предложеніемъ высказаться объ этой книгѣ. Ея мнѣніе было цѣнно для насъ вдвойнѣ, какъ мнѣніе одного изъ немногихъ представителей международной соціальдемократіи, владѣющаго русскимъ языкомъ и могущаго, поэтому, внимательно слѣдить за нашимъ партійнымъ развитіемъ. Отвѣтомъ на наше предложеніе явилась печатаемая здѣсь статья, которая, надо надѣяться, выяснитъ тов. Ленину полную непричастность революціоннаго марксизма къ его организаціонной точкѣ зрѣнія.

Статья тов. Р. Люксембургъ, написанная первоначально по нѣмецки, появляется одновременно и въ „Neue Zeit". Небольшое примѣчаніе къ ней К. Каутскаго будетъ особенно поучительно для тѣхъ, кто послѣ помѣщеннаго у насъ его „письма", все еще не вѣрилъ, что редакторъ „N. Z." не принадлежитъ къ „твердому" направленію.

I.

На долю русской соціальдемократіи выпала своеобразная, безпримѣрная въ исторіи соціализма задача: въ самодержавномъ государствѣ выработать тактику соціальдемократическую, т. е. соотвѣтствующую классовой борьбѣ пролетаріата. Обычное сравненіе современнаго положенія дѣлъ въ Россіи съ эпохой господства законовъ противъ соціалистовъ въ Германіи неудачно, поскольку имѣется въ виду оцѣнка Россіи съ точки зрѣнія полицейскихъ, а не политическихъ условій. *Препятствія*, которыя ставитъ массовому движенію отсутствіе демократическихъ свободъ, имѣютъ, сравнительно, второстепенное значеніе: массовое движеніе и въ Россіи сумѣло прорваться черезъ преграды самодержавнаго порядка и создать себѣ свою собственную, хотя и хромую „конституцію" „уличныхъ безпорядковъ". Оно сумѣетъ дѣлать это и впредь, вплоть до своей окончательной побѣды надъ самодержавіемъ. Главное затрудненіе для соціальдемократической борьбы въ Россіи заключается въ томъ, что классовое господство буржуазіи затемняется господствомъ самодержавнаго насилія; это господство самодержавія неизбѣжно придаетъ соціалистической проповѣди классовой борьбы абстрактно-пропагандистскій, а непосредственной политической агитаціи — по преимуществу революціонно-демократическій характеръ. Законъ противъ соціалистовъ пытался только поставить внѣ конституціи рабочій классъ — и это въ высоко развитомъ буржуазномъ обществѣ, съ вполнѣ обнаженными и развернувшимися въ парламентской борьбѣ классовыми противорѣчіями; въ этомъ то и состояло безуміе, нелѣпость Бисмарковской затѣи. Въ Россіи же, наоборотъ, приходится совершить обратный экспериментъ: создать соціальдемократію при отсутствіи непосредственнаго политическаго господства буржуазіи.

Это своеобразно видоизмѣняетъ не только вопросъ о перенесеніи соціалистическаго ученія на русскую почву, не только вопросъ объ *агитаціи*, но и вопросъ объ *организаціи*.

Въ соціальдемократическомъ движеніи, въ отличіе отъ прежнихъ опытовъ утопическаго соціализма, и *организація* не представляетъ собой искуственнаго продукта пропаганды, но является продуктомъ классовой борьбы, въ которую соціальдемократія только вноситъ политическое сознаніе. При нормальныхъ условіяхъ, т. е. тамъ, гдѣ развитое политическое классовое господство буржуазіи предшествуетъ соціальдемократическому движенію, дѣло первоначальнаго политическаго сплоченія рабочихъ въ значительной мѣрѣ выпадаетъ на долю самой буржуазіи. „На этой ступени", говорится въ „Коммунистическомъ Манифестѣ", „массовое сплоченіе рабочихъ является еще не слѣдствіемъ ихъ собственнаго объединенія, но слѣдствіемъ объединенія буржуазіи". Въ Россіи соціальдемократіи выпала задача сознательнымъ вмѣшательствомъ замѣнить цѣлый періодъ историческаго процесса и повести пролетаріатъ, какъ сознающій свои цѣли и борящійся за нихъ классъ, прямо отъ политической атомизированности, составляющей основу самодержавнаго режима, къ высшей формѣ организаціи. Вслѣдствіе этого, организаціонный вопросъ для русской соціальдемократіи особенно труденъ, не столько потому, что ей приходится создавать организацію при отсутствіи всѣхъ тѣхъ формальныхъ гарантій, которыя даетъ буржуазная демократія, сколько прежде всего потому, что эту организацію приходится создавать, такъ сказать, подобно господу богу, „изъ ничего", въ пустомъ пространствѣ, безъ того политическаго сырья, которое обычно подготовляется буржуазнымъ обществомъ.

Задача, надъ которой россійская соціальдемократія трудится вотъ уже нѣсколько лѣтъ, состоитъ въ переходѣ отъ типа раздробленныхъ, совершенно другъ отъ друга независимыхъ кружковыхъ и мѣстныхъ организацій, соотвѣтствовавшихъ подготовительной, преимущественно пропагандистской фазѣ движенія, къ такой организаціи, какая требуется для объединенія политической дѣятельности массъ во всемъ государствѣ. Но такъ какъ отличительными чертами чувствовавшихся, какъ тормазъ, и политически отжившихъ, старыхъ организаціонныхъ формъ были раздробленность и полнѣйшая автономія самодовлѣющихъ мѣстныхъ организацій, то естественно, что лозунгомъ новаго фазиса, идеей вновь воздвигаемой крупной организаціонной постройки былъ: *централизмъ*. Подчеркиваніе централистической идеи проходило красной нитью черезъ всю блестящую трехлѣтнюю кампанію „Искры", подготовлявшую послѣдній, de facto учредительный, съѣздъ; и та же самая идея владѣла умами и всего цвѣта соціальдемократической молодежи въ Россіи. Вскорѣ, однако, на съѣздѣ и еще больше *послѣ* съѣзда, обнаружилось, что централизмъ есть боевой лозунгъ, далеко не и черпывающій историческаго содержанія и своеобразія соціальдемократическаго типа организаціи: здѣсь еще разъ обнаруж лось, что марксистское пониманіе соціализма ни въ одной о ласти, даже въ области организаціонныхъ вопросовъ, не укладывается въ застывшія формулы.

Лежащая передъ нами книга тов. *Ленина*, одного изъ вы ющихся руководителей и борцовъ „Искры" въ ея подгото тельной кампаніи къ съѣзду[1]), представляетъ собой системат ческое изложеніе взглядовъ *ультра-централистическаго* напра ленія въ Россійской партіи. Точка зрѣнія, нашедшая въ н сильное и исчерпывающее выраженіе, есть точка зрѣнія безп щаднаго централизма, основной принципъ котораго состои съ одной стороны, въ рѣзкомъ выдѣленіи и обособленія орга низованныхъ выдающихся и дѣятельныхъ революціонеровъ и окружающей ихъ, хотя и неорганизованной, но революціонн активной среды; съ другой — въ строгой дисциплинѣ и пр момъ рѣшительномъ и опредѣленномъ вмѣшательствѣ централ ныхъ учрежденій во всѣ проявленія жизни мѣстныхъ орга націй партіи. Достаточно отмѣтить, что, по этому взгляду, Ц. К., напр., имѣетъ право организовать всѣ мѣстные комите партіи и, слѣд., опредѣлять личный составъ каждой отдѣльно мѣстной организаціи, отъ Женевы до Льежа, отъ Томска Иркутска, давать имъ готовый уставъ, безапелляціонно ра пускать ихъ и вновь создавать, и въ результатѣ, такимъ обра зомъ, косвенно вліять на составъ самой высшей партійной и станціи, съѣзда. Такимъ образомъ, Ц. К. является единствен нымъ, дѣйствительно активнымъ ядромъ партіи, всѣ же остал ныя организаціи — только его исполнительными органами.

Именно въ этомъ соединеніи строжайшаго организаціонна централизма съ соціальдемократическимъ массовымъ движені Ленинъ видитъ специфическій революціонно-марксситскій пр ципъ и выдвигаетъ множество фактовъ въ защиту своей точ зрѣнія. Посмотримъ, однако, на дѣло поближе.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что соціальдемокра вообще присуще сильное тяготѣніе къ централизму. Выр шая на экономической почвѣ капитализма централистическа по своимъ тенденціямъ, и сосредоточивающая свою борьбу политическихъ рамкахъ централизованнаго буржуазнаго кр наго города, соціальдемократія по самой сущности своей яв ется рѣшительной противницей всякаго партикуляризма и н ональнаго федерализма. Призванная въ рамкахъ даннаго го дарства представлять общіе интересы пролетаріата, какъ кла въ противовѣсъ всѣмъ его частнымъ и групповымъ интерес она имѣетъ вездѣ естествественное стремленіе объединять національныя, религіозныя, профессіональныя группы рабо класса въ единую, общую партію; изъ этого она дѣлаетъ необходимости, исключенія въ пользу федералистическаго пр ципа только при исключительно ненормальныхъ отношені какъ, напр., въ Австріи.

Въ этомъ отношеніи и для россійской соціальдемократі было и нѣтъ сомнѣнія, что она должна составлять не фед тивно связанный конгломератъ безчисленнаго количества н

---

[1] Ленинъ „Шагъ впередъ, два шага назадъ".

[illegible], вынужденныхъ, во что бы то ни стало, выработать „теоретическія основы“ для особой политической программы.

Подивитесь — но и пожалѣйте ихъ. Ибо, разумѣется, они не создадутъ *своей* политической программы до тѣхъ поръ, пока не захотятъ вступить въ рѣшительный конфликтъ съ классовой теоріей марксизма. До тѣхъ поръ они поневолѣ будутъ ограничиваться „кавалерійскими аттаками“ на тѣхъ или другихъ марксистскихъ теоретиковъ, изобличая ихъ въ „ассимиляторствѣ“, въ „націоналистическихъ мотивахъ, унаслѣдованныхъ отъ правящихъ классовъ господствующихъ націй“, въ „чисто-націоналистическихъ тенденціяхъ“. Подобныя аттаки, при отсутствіи *логической возможности* создать *свою* особую программу, которая продолжала бы быть программой соціальдемократической, способны только развращать теоретическое сознаніе самихъ „бундовцевъ“. Примѣръ — польская такъ называемая „соціалистическая“ партія и наша партія такъ называемыхъ соціалистовъ-революціонеровъ. И въ той, и въ другой имѣлись, безъ сомнѣнія, люди, по своему *субъективному* настроенію являвшіеся соціалистами. Но безпомощныя попытки „наѣздничеcкой“ „критики“ единственнаго научнаго соціализма-марксизма — безпощадно развратили ихъ собственное соціалистическое сознаніе и сдѣлали для нихъ неизбѣжнымъ все большее отдаленіе отъ всякаго соціализма. Совѣтуемъ товарищамъ изъ „Бунда“ читать внимательнѣе новѣйшіе продукты „критическаго“ творчества „Рев. Рос.“. Вчера еще увѣрявшая, что и Либкнехтъ, и Бебель, и Мерингъ, и всѣ извѣстные *европейскіе* соціальдемократы лишь по недоразумѣнію не причисляютъ себя къ „соц.-рев.“, и что сами послѣдніе далеко не чужды марксизма (конечно, очищеннаго отъ нѣкоторыхъ „односторонностей“), они сегодня снова требуютъ „пересмотра“ всего марксизма, объявляютъ его оппортюнистическимъ и, щеголяя своимъ ультра-революціонизмомъ, усиленно пьютъ изъ колодца, въ который наплевали анархисты всѣхъ странъ и всѣхъ степеней теоретической анархіи...

Впрочемъ, пока что, бундовцы еще „ортодоксальны“, болѣе того: они увѣрены, что „ортодоксія“ въ россійской соціальдемократіи несомнѣнно — бундовскаго происхожденія. Въ переведенной изъ „Arbeiterstimme“ статьѣ, помѣщенной въ „В. Б.“ и посвященной II съѣзду Партіи, мы читаемъ: „Наша делегація голосовала за программу и этимъ она ясно и недвусмысленно показала, къ какому теченію въ соціальдемократіи принадлежитъ „Бундъ“. Эту самую ортодоксальную программу Бундъ проповѣдывалъ еврейскому пролетаріату еще прежде, чѣмъ „Искра“ выступила съ своею программой, еще прежде, чѣмъ „Искра“, вообще, появилась на свѣтъ божій. И, понятно, мы можемъ лишь радоваться тому, что русская соціальдемократія приняла ортодоксальную программу и тѣмъ самымъ высказалась противъ оппортюнизма во всѣхъ его видахъ“. Я, вѣроятно, не ошибусь, если скажу, что эти строки должны были заставить покраснѣть не одного товарища изъ „Бунда“ своей претенціозностью. Бѣдная многогрѣшная россійская соціальдемократія знала всевозможные виды „болѣзней роста“ — отъ „соціальдемократическаго давризма“ — пропагандистской кружковщины до „стачкизма“ и „ультра-политицизма“; въ ея рядахъ свивало себѣ гнѣздо бернштейніанство, не чужды ей были и бланкистскія увлеченія. Одна только организація неизмѣнно хранила чистоту „ортодоксальныхъ“ принциповъ, и этой организаціей былъ тотъ самый „Бундъ“, который, благодаря именно тому, что для него и за него россійская партія болѣла, переживала и справлялась съ названными болѣзнями, — получалъ возможность *учиться* у нея безъ того, чтобы самому оказаться „въ числѣ драки“ по тому или другому спорному вопросу. Благо „Бунду“, что онъ былъ освобожденъ отъ этой печальной необходимости принимать участіе въ подобныхъ „дракахъ“, но стыдно ему изъ этого свидѣтельства сравнительной политической примитивности дѣлать доказательство своего превосходства надъ этими бѣдными „искровцами“ и „рабочедѣльцами“, которые бились надъ вопросомъ о соотвѣтствующей классовымъ интересамъ пролетаріата соц.-дем. программѣ. Практика „Бунда“ всегда была „ортодоксальной“. О, товарищи, если бы вы понимали теперь, *какая* практика является дѣйствительнымъ выраженіемъ „ортодоксальной“ программы, Вы бы устыдились Вашихъ словъ. Увы! *Ваша* практика въ тѣ недавнія времена, когда „еще „Искра“ не появилась на свѣтъ божій“, была не только не „ортодоксальна“, но и очень далека отъ соціальдемократизма вообще, какъ было и на первыхъ порахъ дѣятельности всѣхъ нашихъ организацій. Но и въ Вашей исторіи все же были моменты, когда Ваши оффиціальные представители принимали опредѣленно сторону одного изъ боровшихся въ партіи теченій. И, къ сожалѣнію, въ этихъ случаяхъ представители „Бунда“ отнюдь не являлись защитниками „ортодоксіи“. Такъ, напр., когда уже въ полномъ разгарѣ былъ споръ между „ортодоксами“ и болѣе или менѣе явно тяготѣвшими къ Бернштейну элементами, органъ того самаго Загр. Ком. Бунда, который нынѣ издаетъ „Вѣстникъ“, „Indischer Arbeiter“ увѣрялъ еврейскихъ читателей (въ замѣткѣ о Vademecum'ѣ), что между воззрѣніями „Гр. Осв. Тр.“ и ея антагонистовъ нѣтъ никакихъ принципіальныхъ разногласій. Не замѣтивъ послѣднихъ, могли ли въ то время бундовцы „проповѣдывать ортодоксальную программу“ еврейскому пролетаріату, какъ хочетъ увѣрить насъ Arbeiterstimme?

Мы можемъ только пожелать „Бунду“, чтобы въ будущемъ онъ съ болѣе активнымъ интересомъ относился къ „большимъ“ вопросамъ, которые ставитъ развитіе россійской соціальдемократіи. Тогда невозможнымъ станетъ для него то самомнѣніе, которое нынѣ позволяетъ ему поздравлять нашу партію съ тѣмъ, что она, наконецъ, усвоила себѣ программу, извѣстную Бунду съ начала его рожденія. Но за то, тогда, вѣроятно, „бундовцы“ больше цѣнили бы дѣйствительные успѣхи, дѣлаемые россійской соціальдемократіей, а это одно уже сдѣлало бы невозможнымъ то „взаимное отчужденіе“ между Партіей и „Бундомъ“, на почвѣ котораго произошло его отдѣленіе отъ партіи. Л. М.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Россійскія картинки на военномъ фонѣ. (Изъ письма машиниста на воинскихъ желѣзно-дорожныхъ поѣздахъ Забайкальской области, отъ конца апрѣля мѣс. сего 1904 г.)

„По случаю большой дороговизны жизни, вызванной войной, а также страшно усиленной ѣзды на поѣздахъ, машинистамъ увеличено вознагражденіе: жалованье на 50% и на столько же поверстныя. Но зато, безъ вѣдома машинистовъ, съ нихъ вычитаютъ на флотъ и на Красный Крестъ: изъ первой прибавки — 30%, изъ второй — 15%. Вслѣдствіе этого, у меня отнимаютъ въ мѣсяцъ 40-50 руб. Вотъ какъ самодержавіе собираетъ „пожертвованія“! 40-50 руб. съ одного рабочаго, такимъ каторжнымъ трудомъ зарабатывающаго себѣ хлѣбъ... Недалеко, значитъ, время, когда обстоятельства войны подскажутъ правительству прямо дѣлать вычетъ со всѣхъ россійскихъ рабочихъ“... Рабочіе должны быть готовы, поэтому, къ энергичному отпору.

Тотъ же машинистъ пишетъ: „Начальникомъ Забайкальской ж. д. изданъ подвѣдомственнымъ ему начальникамъ депо приказъ, чтобы эти послѣдніе внушали своимъ служащимъ, что Россіи нуженъ на Тихомъ океанѣ флотъ, и „желательно, чтобы поступали на это дѣло пожертвованія“.

Значитъ, не достаточно еще молоху самодержавія насильственнаго вычета изъ заработка, „желательны“ еще „пожертвованія“!.. „Желательны“!.. Хорошо сказано... Извѣстно, что значатъ на языкѣ многочисленнаго россійскаго начальства подобныя „желанія“: чтобъ были „пожертвованія“ и — больше ничего. И нельзя сомнѣваться, что такія пожертвованія будутъ. Интересно только было бы знать, *какъ* велики будутъ эти „доброхотныя даянія“ жел.-дорожныхъ служащихъ на Забайкальской дорогѣ? Нижеприводимый фактъ, сообщенный намъ тѣмъ же машинистомъ, достаточно показываетъ, что личность русскаго рабочаго сильно выросла. Вотъ этотъ фактъ:

„Казачьи офицера погуляли въ волю, и одинъ изъ нихъ хотѣлъ высѣчь машиниста и монтера депо за вольный съ нимъ разговоръ.

— „Высѣку, и все тутъ... У меня сотня казаковъ, а потомъ ищите на меня суда“.

Но монтеръ, вынувъ револьверъ, сказалъ, что прежде чѣмъ его высѣкутъ, онъ выпуститъ шесть пуль... Этимъ онъ спасся“.

Если бы всѣ русскіе рабочіе такъ умѣли отстаивать свою личность, въ Россіи давно не пахло бы самодержавіемъ. Впрочемъ, гибель его очень близка: война скоро подведетъ итоги самодержавію. Гибели его помогаютъ сами же его слуги. Тотъ же нашъ машинистъ сообщаетъ: „теперь ускоренно строятъ Кругобайкальскую ж. д. Строили даже зимой, а теперь постройка эта растаяла, и поѣздъ за поѣздомъ сходятъ съ рельсовъ, хотя скорость достигаетъ лишь 10-15 верстъ“.

Вотъ какъ россійское правительство ведетъ войну съ японцами. Такова ужъ логика самодержавія: рыть себѣ своими собственными руками могилу...

Скатертью дорога!..

Москва. Патріотическое сердце стонетъ. Отовсюду вѣсти о печальномъ состояніи посѣвовъ, которые заставляютъ разочаровываться въ оптимизмѣ „Русск. Слова“, газетки, которая усердно читается населеніемъ и которая говоритъ, что всѣ бѣдствія для „заграницы“, а мы, съ божьей помощью, отъ лиха избавлены. „Помилуйте! — проповѣдуетъ намъ эта газета, — пессимисты воютъ: кризисъ! кризисъ! Слава богу! Мы — страна земледѣльческая, климатъ, что ли, измѣнитъ у насъ эта война?“ И вотъ, оказывается, измѣнила... Въ народѣ начинается ропотъ и стоны, ходятъ разные слухи, передаваемые изъ устъ въ уста со скоростью телеграммы. „Бодрое, жизнерадостное, патріотическое“ настроеніе, сопровождавшееся рѣчами крестьянъ вродѣ того: „Слава тѣ, господи! Авось народъ разрѣдятъ — народу то полегче будетъ!“, стало удѣломъ однихъ стариковъ-крестьянъ, да и на нихъ нападаетъ сомнѣніе, и „доблестное“ настроеніе получается только съ изряднымъ зарядомъ „казенки“, и то не всегда. Люди, всегда избѣгавшіе „баловства“, начинаютъ прислушиваться къ газетнымъ извѣстіямъ, относиться къ нимъ критически и съ удовольствіемъ слушаютъ листки. „Сиволапое мужичье“ начинаетъ разсуждать о соціальдемократической партіи, какъ будто „мы“ — не земледѣльческая страна, которой чужды болѣзненные наросты гнилого запада, какъ будто наши условія не вырабатываютъ особыхъ путей развитія. „Преступная пропаганда“ начинаетъ широко производить свои „опустошительныя“ дѣйствія. Эта зараза идетъ изъ городовъ неуловимымъ потокомъ и опять возвращается въ города. Въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ мнѣ пришлось бесѣдовать съ мудрымъ и энергичнымъ представителемъ уѣздной администраціи. Скорбно было лицезрѣть, какъ онъ растерянно махалъ руками и взывалъ: „Повѣрите ли, въ томъ селѣ, гдѣ мой станъ — половина мерзавцевъ — революціонеры! Да-съ! Дайте мнѣ ядро, дайте докопаться, гдѣ разсадникъ заразы! Нѣтъ-съ! Ничего не могу понять“. Такъ взывалъ ловкій администраторъ, простирая руки къ бездушному небу.

Что касается нашей „интеллигенціи“, то о ней не стоитъ и говорить. Кромѣ фрондерства и злоязычія, она до сихъ поръ еще ничего не сотворила. Ея недовольство выражается въ томъ, что въ мастерской великой княгини Елизаветы Ѳедоровны никто не работаетъ въ пользу заправилъ Кр. Креста и не помогаетъ имъ, вмѣсто матеріала лечебнаго, отправлять на Дальній Востокъ матеріалъ строительный. Злые языки сочинили уже цѣлую повѣсть о какихъ то милліонахъ, пропавшихъ безъ вѣсти, и вотъ теперь бойкотируютъ „Ея Высочество“, усугубляя ея невыразимую печаль о выбывающихъ изъ строя подданныхъ. Сильно кричали промежду себя объ отставкѣ Шипова, хотѣли его вновь выбрать, хотѣли выйти въ отставку, хотѣли... подать прошеніе на „Высочайшее имя“, хотѣли... словомъ, завтра выбираютъ новаго предсѣдателя, при закрытыхъ дверяхъ. Sic transit gloria mundi! Въ переводѣ на русскій языкъ — поговорили и будетъ!

Симбирскъ. Ужъ очень безотрадно у насъ въ глуши. Только и слышно завываніе волковъ и шакаловъ реакціи. Прямо иному страшно дѣлается.

На дняхъ у насъ брали запасныхъ солдатъ. Плачъ цѣлыми днями стоялъ надъ городомъ. Изъ деревень пришли матери, жены и дѣти призываемыхъ на службу „отечеству“ и стонъ, причитанія слышны были съ утра до ночи. Всю ночь слышались пьяныя пѣсни, вродѣ: „Прощай, страна моя родная!“

Одновременно набирались же и лошади для войскъ. На площади, куда приводились лошади для осмотра, можно было наблюдать такія сценки: извозчикъ встаетъ на колѣни передъ набирающимъ лошадей офицеромъ, и со слезами на глазахъ проситъ не брать его „кормилицу“, съ которой онъ сроднился, къ которой привыкъ за долгое время совмѣстной работы... Офицеръ — неумолимъ и извозчикъ въ страшномъ горѣ, со слезами прощается съ лошадью. Дали ему за лошадь рублей 70 (стоитъ „вѣрныхъ 100“, какъ говорятъ знатоки).

Кругомъ горе страшное. „Угнали“ въ солдаты, напримѣръ, недалеко жившаго извозчика. Остались шесть маленькихъ дѣтей безъ всякихъ средствъ къ жизни, съ больной матерью... Отчаяніе полное. И такихъ сотни, тысячи... „Патріотическаго подъема“ не замѣтно. Слышны лишь привычныя русскому „горе да тоска...“

Но вотъ и отрадное: мѣстная городская управа выставила уѣзжающимъ солдатамъ нѣсколько ведеръ „сивухи“ (для патріотическаго подъема“, должно быть) и толпа пѣла „гимнъ“, кричала „уру!“ и качала въ „пьяно-патріотическомъ“ восторгѣ городского голову и нѣкоторыхъ изъ „отцовъ города“... „Трудно отраднѣй картину нарисовать!..“

Иркутскъ. (Изъ письма врача). „... Обгоняли мы массу воинскихъ поѣздовъ. Везутъ людей, какъ барановъ, на бойню, и нельзя сказать, чтобы бараны были, дѣйствительно, баранами. Настроеніе отнюдь не патріотическое; въ нѣкоторыхъ эшелонахъ даже имѣются явно возмущенные обращеніемъ съ ними и несправедливостью несенія ими тяготъ войны. По всей дорогѣ

ональныхъ и мѣстныхъ особыхъ организацій, но единую сплоченную партію россійскаго государства Однако, совсѣмъ другое значеніе имѣетъ вопросъ о большей или меньшей степени централизаціи и объ ея ближайшемъ характерѣ въ рамкахъ объединенной и единой россійской соціальдемократіи.

Съ точки зрѣнія формальныхъ задачъ соціальдемократіи, какъ боевой партіи, централизмъ въ ея организаціи на первый взглядъ кажется условіемъ, отъ выполненія котораго непосредственно зависитъ боевая способность и энергія партіи. Однако, тутъ гораздо важнѣе точки зрѣнія формальныхъ требованій всякой боевой организаціи, специфическія историческія условія пролетарской борьбы.

Соціальдемократическое движеніе есть первое въ исторіи классовыхъ обществъ, разсчитанное всѣми своими сторонами и общимъ своимъ ходомъ на организацію и непосредственную самодѣятельность массъ.

Въ этомъ отношеніи соціальдемократія создаетъ совсѣмъ другой типъ организаціи, чѣмъ прежнія соціалистическія движенія, напр., якобинско-бланкистскаго типа.

Ленинъ, кажется, недооцѣниваетъ этого, когда въ своей книгѣ (стр. 140) думаетъ, что революціонный соціальдемократъ есть не что иное, какъ „якобинецъ, неразрывно связанный съ *организаціей* пролетаріата, *сознавшаго* свои классовые интересы“. Отличія соціальдемократіи отъ бланкизма исчерпываются для Ленина организованностью и классовымъ сознаніемъ пролетаріата въ противоположность заговору небольшого меньшинства. Онъ забываетъ, что отсюда вытекаетъ полная переоцѣнка организаціонныхъ понятій, совершенно новое содержаніе, вкладываемое въ понятіе централизма, совершенно новое пониманіе взаимоотношенія между организаціей и борьбой.

Бланкизмъ не опирался на непосредственную классовую дѣятельность рабочихъ массъ и не нуждался поэтому въ организаціи массъ. Напротивъ, такъ какъ широкія народныя массы должны были появиться впервые на полѣ борьбы лишь въ моментъ революціи, а предварительная дѣятельность состояла въ подготовленіи революціоннаго удара небольшимъ меньшинствомъ, то рѣзкое отграниченіе предназначенныхъ для этой опредѣленной дѣятельности личностей отъ народной массы было прямо необходимо для удачнаго выполненія ихъ задачи. Но въ то же время это было возможно и исполнимо потому, что между конспираторской дѣятельностью бланкистской организаціи и повседневной жизнью народныхъ массъ не было никакой внутренней связи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и тактика и ближайшія задачи дѣятельности, импровизируемыя свободно и по вдохновенію безъ связи съ почвой элементарной классовой борьбы, вырабатываемыя напередъ до мельчайшихъ подробностей, отливались въ форму заранѣе намѣченнаго плана. Поэтому дѣйствующіе члены организаціи естественно превращались въ чисто исполнительные органы внѣ ихъ поля дѣятельности существующей и заранѣе опредѣляемой воли, въ *орудія* Ц. К. Отсюда вытекаетъ и вторая особенность заговорщическаго централизма: абсолютное, слѣпое подчиненіе отдѣльныхъ органовъ партіи ея центральному учрежденію, распространяющему свою безаппеляціонную власть вплоть до самой периферіи партійной организаціи.

Въ корнѣ отличны условія соціальдемократической дѣятельности. Послѣдняя исторически выростаетъ изъ элементарной классовой борьбы. При этомъ ей свойственно то діалектическое противорѣчіе, что пролетарская армія впервые рекрутируется въ самомъ процессѣ борьбы и въ борьбѣ же впервые сознаетъ задачи этой борьбы. Организація, ростъ сознанія и борьба являются здѣсь не особыми механически и во времени раздѣленными моментами, какъ въ бланкистскомъ движеніи, это — только различныя стороны того же самаго процесса. Съ одной стороны, кромѣ общихъ основныхъ принциповъ борьбы не существуетъ готовой, заранѣе опредѣленной и до мелочей разработанной боевой тактики, къ которой Ц. К. муштровкой можетъ подготовить членовъ соціальдемократической партіи. Съ другой стороны, процессъ борьбы, создающій организацію, обусловливаетъ постоянныя колебанія сферы вліянія соціальдемократіи. Уже отсюда слѣдуетъ, что соціальдемократическая централизація не можетъ основываться ни на слѣпомъ повиновеніи, ни на механическомъ подчиненіи борцовъ партіи ея центральной власти, и что, съ другой стороны, между уже организованнымъ въ прочные партійные кадры ядромъ сознавшаго свои классовые интересы пролетаріата, и уже захваченнымъ классовой борьбой, находящимся въ процессѣ классового развитія прилегающимъ слоемъ пролетаріата никогда не можетъ быть воздвигнуто непроходимой стѣны. Построеніе централизаціи въ соціальдемократіи на этихъ двухъ основаніяхъ — на слѣпомъ подчиненіи въ самыхъ мелочахъ всѣхъ партійныхъ организацій и ихъ дѣятельности центральной власти, которая одна думаетъ, творитъ и рѣшаетъ за всѣхъ, а также на строгомъ отграниченіи организованнаго ядра партіи отъ окружающей его революціонной среды, какъ на этомъ настаиваетъ Ленинъ, — кажется намъ поэтому механическимъ перенесеніемъ организаціонныхъ принциповъ бланкистскаго движенія заговорщическихъ кружковъ на соціальдемократическое движеніе рабочихъ массъ. И Ленинъ, быть можетъ, еще остроумнѣе, чѣмъ это могъ бы сдѣлать кто-либо изъ его оппонентовъ, характеризуетъ свою точку зрѣнія, опредѣляя своего „революціоннаго соціальдемократа“, какъ „якобинца, *связаннаго* съ организаціей пролетаріата, сознавшаго свои классовые интересы“. Но фактически соціальдемократія не *связана* съ организаціей рабочаго класса, она и есть *подлинное движеніе* рабочаго класса. Слѣдовательно, соціальдемократическій централизмъ долженъ быть по существу другого характера, чѣмъ бланкистскій. Онъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ властнымъ выраженіемъ объединенной воли сознательнаго и борющагося авангарда рабочихъ по отношенію къ отдѣльнымъ группамъ и индивидуумамъ; это, такъ сказать „самоцентрализмъ“, („Selbstzentralismus“) руководящаго слоя пролетаріата, господство его большинства внутри его собственной партійной организаціи.

Уже изъ анализа дѣйствительнаго содержанія соціальдемократическаго централизма становится очевиднымъ, что для него въ Россіи въ настоящее время не можетъ существовать въ полной мѣрѣ необходимыхъ условій; а именно — наличности значительнаго, уже воспитаннаго въ политической борьбѣ слоя пролетаріата, и возможности проявленія его самодѣятельности (Dispositionsfähigkeit) путемъ прямого вліянія на дѣла (на публичныхъ съѣздахъ, въ партійной прессѣ и т. д..

Послѣднее условіе очевидно можетъ быть осуществлено только при политической свободѣ, первое же — выдѣленіе пролетарскаго авангарда, сознающаго свои классовые интересы и умѣющаго политически оріентироваться — находится лишь въ процессѣ возникновенія и должно служить руководящей нитью во всей агитаціонной и организаціонной работѣ.

Тѣмъ поразительнѣе кажется обратное убѣжденіе Ленина, будто всѣ предварительныя условія для созданія большой и крайне централизованной рабочей партіи имѣются въ Россіи уже на лицо. И если онъ оптимистически восклицаетъ, что теперь ужъ „не пролетаріату, а *нѣкоторымъ интеллигентамъ* въ нашей партіи недостаетъ *самовоспитанія* въ духѣ организаціи и дисциплины“ (стр. 145), и прославляетъ воспитательное значеніе фабрики для пролетаріата, которая уже сама по себѣ подготовляетъ его къ „дисциплинѣ и организаціи“ (стр. 147), то это лишній разъ свидѣтельствуетъ объ его слишкомъ механическомъ представленіи о соціальдемократической организаціи.

„Дисциплина“, которую Ленинъ имѣетъ въ виду, внушается пролетаріату не одной только фабрикой, но и *казармой*, и современнымъ бюрократизмомъ, — словомъ всѣмъ механизмомъ централизованнаго буржуазнаго государства.

Одновременно обозначать словомъ „дисциплина“ два столь противоположныхъ понятія, какъ отсутствіе воли и мысли въ тысяченогомъ и тысячерукомъ тѣлѣ, по указкѣ дѣлающемъ механическія движенія, и добровольное координированіе сознательныхъ политическихъ дѣйствій общественнаго слоя, такія понятія, какъ безпрекословное повиновеніе угнетеннаго класса и организованное возмущеніе класса, борящагося за свое освобожденіе, — значитъ просто злоупотреблять ходячимъ словечкомъ. Не исходя изъ внушаемой пролетаріату капиталистическимъ государствомъ дисциплины — съ простой передачей указки изъ рукъ буржуазіи въ руки соц.-дем. Ц. К., но только сломивъ и вырвавъ съ корнемъ этотъ духъ рабской дисциплины, можетъ рабочій классъ воспитать себя для новой дисциплины — свободной самодисциплины соціальдемократіи. Далѣе, изъ того же соображенія явствуетъ, что централизмъ въ соціальдемократическомъ смыслѣ не есть вообще абсолютное понятіе, осуществимое въ равной мѣрѣ на любой ступени въ развитіи рабочаго движенія; скорѣе его слѣдуетъ разсматривать, какъ *тенденцію*, все болѣе и болѣе переходящую въ дѣйствительность по мѣрѣ развитія и политическаго воспитанія рабочихъ массъ въ процессѣ ихъ борьбы.

Конечно, недостаточная наличность важнѣйшихъ предпосылокъ для осуществленія въ полной мѣрѣ централизма въ русскомъ движеніи можетъ явиться огромной помѣхой.

Однако, намъ кажется, было бы ошибкой думать, что неосуществимое еще господство большинства сознательныхъ рабочихъ внутри ихъ партійной организаціи можетъ быть „пока что“ замѣнено „по довѣрію“ единовластіемъ центральнаго учрежденія партіи, и что отсутствіе публичнаго контроля рабочихъ массъ надъ тѣмъ, что дѣлаютъ и чего не дѣлаютъ партійные органы, можетъ быть такъ же хорошо возмѣщено обратнымъ контролемъ Ц. К. надъ дѣятельностью революціоннаго пролетаріата.

Сама исторія русскаго движенія даетъ много доказательствъ проблематической цѣнности централизма въ этомъ послѣднемъ ной, вынужденныхъ, во что бы то ни стало, выработать „теоретическія основы“ для особой политической программы.

Подивитесь — но и пожалѣйте ихъ. Ибо, разумѣется, они не создадутъ *своей* политической программы до тѣхъ поръ, пока не захотятъ вступить въ рѣшительный конфликтъ съ классовой теоріей марксизма. До тѣхъ поръ они поневолѣ будутъ ограничиваться „кавалерійскими аттаками“ на тѣхъ или другихъ марксистскихъ теоретиковъ, изобличая ихъ въ „ассимиляторствѣ“, въ „націоналистическихъ мотивахъ, унаслѣдованныхъ отъ правящихъ классовъ господствующихъ націй“, въ „чисто-националистическихъ тенденціяхъ“. Подобныя аттаки, при отсутствіи *политической возможности* создать *свою* особую программу, которая продолжала бы быть программой социальдемократической, способны только развращать теоретическое сознаніе самихъ „бундовцевъ“. Примѣръ — польская такъ называемая „соціалистическая“ партія и наша партія такъ называемыхъ соціалистовъ-революціонеровъ. И въ той, и въ другой имѣлись, безъ сомнѣнія, люди, по своему *субъективному* настроенію являвшіеся соціалистами. Но безпомощныя попытки „наѣздническої“ „критики“ единственнаго научнаго соціализма-марксизма — безпощадно развратили ихъ собственное соціалистическое сознаніе и сдѣлали для нихъ неизбѣжнымъ все большее отдаленіе отъ всякаго соціализма. Совѣтуемъ товарищамъ изъ „Бунда“ читать внимательнѣе новѣйшіе продукты „критическаго“ творчества „Рев. Рос.“. Вчера еще увѣрявшая, что и Либкнехтъ, и Бебель, и Мерингъ, и всѣ извѣстные *европейскіе* соціальдемократы лишь по недоразумѣнію не причисляютъ себя къ „соц.-рев.“, и что сами послѣдніе далеко не чужды марксизма (конечно, очищеннаго отъ нѣкоторыхъ „односторонностей“), они сегодня снова требуютъ „пересмотра“ всего марксизма, объявляютъ его оппортюнистическимъ и, щеголяя своимъ ультра-революціонизмомъ, усиленно пьютъ изъ колодца, въ который наплевали анархисты всѣхъ странъ и всѣхъ степеней теоретической анархіи...

Впрочемъ, пока что, бундовцы еще „ортодоксальны“, болѣе того: они увѣрены, что „ортодоксія“ въ россійской соціальдемократіи несомнѣнно — бундовскаго происхожденія. Въ переведенной изъ „Arbeiterstimme“ статьѣ, помѣщенной въ „В. Б.“ и посвященной II съѣзду Партіи, мы читаемъ: „Наша делегація голосовала за программу и этимъ она ясно и недвусмысленно показала, къ какому теченію въ соціальдемократіи принадлежитъ „Бундъ“. Эту самую ортодоксальную программу Бундъ проповѣдывалъ еврейскому пролетаріату еще прежде, чѣмъ „Искра“ выступила съ своею программой, еще прежде, чѣмъ „Искра“, вообще, появилась на свѣтъ божій. И, понятно, мы можемъ лишь радоваться тому, что русская соціальдемократія приняла ортодоксальную программу и тѣмъ самымъ высказалась противъ оппортюнизма во всѣхъ его видахъ“. Я, вѣроятно, не ошибусь, если скажу, что эти строки должны были заставить покраснѣть не одного товарища изъ „Бунда“ своей претенціозностью. Бѣдная многогрѣшная россійская соціальдемократія знала всевозможные виды „болѣзней роста“ — отъ „соціальдемократическаго завризма“ — пропагандистской кружковщины до „стачкизма“ и „ультра-политицизма“: въ ея рядахъ свивало себѣ гнѣздо бернштейніанство, не чужды ей были и бланкистскія увлеченія. Одна только организація неизмѣнно хранила чистоту „ортодоксальныхъ“ принциповъ, и этой организаціей былъ тотъ самый „Бундъ“, который, благодаря именно тому, что для него и за него россійская партія болѣла, переживала и справлялась съ названными болѣзнями, — получалъ возможность *учиться* у нея безъ того, чтобы самому оказаться „въ числѣ драки“ по тому или другому спорному вопросу. Благо „Бунду“, что онъ былъ освобожденъ отъ этой печальной необходимости принимать участіе въ подобныхъ „дракахъ“, но стыдно ему изъ этого свидѣтельства сравнительной политической примитивности дѣлать доказательство своего превосходства надъ этими бѣдными „искровцами“ и „рабочедѣльцами“, которые бились надъ вопросомъ о соотвѣтствующей классовымъ интересамъ пролетаріата соц.-дем. программѣ. Практика „Бунда“ всегда была „ортодоксальной“. О, товарищи, если бы вы понимали теперь, *какая* практика является дѣйствительнымъ выраженіемъ „ортодоксальной“ программы. Вы бы устыдились Вашихъ словъ. Увы! *Ваша* практика въ тѣ недавнія времена, когда еще „Искра“ не появилась на свѣтъ божій, была не только не „ортодоксальна“, но и очень далека отъ соціальдемократизма вообще, какъ было и на первыхъ порахъ дѣятельности всѣхъ нашихъ организацій. Но и въ Вашей исторіи все же были моменты, когда Ваши оффиціальные представители принимали опредѣленно сторону одного изъ боровшихся въ партіи теченій. И, къ сожалѣнію, въ этихъ случаяхъ представители „Бунда“ отнюдь не являлись защитниками „ортодоксіи“. Такъ, напр., когда уже въ полномъ разгарѣ былъ споръ между „ортодоксами“ и болѣе или менѣе явно тяготѣвшими къ Бернштейну элементами, органъ того самаго Загр. Ком. Бунда, который нынѣ издаетъ „Вѣстникъ“, „Iudischer Arbeiter“ увѣрялъ еврейскихъ читателей (въ замѣткѣ о Vademecum'ѣ), что между воззрѣніями „Гр. Осв. Тр.“ и ея антагонистовъ нѣтъ никакихъ принципіальныхъ разногласій. Не замѣтивъ послѣднихъ, могли ли въ то время бундовцы „проповѣдывать ортодоксальную программу“ еврейскому пролетаріату, какъ хочетъ увѣрить насъ Arbeiterstimme?

Мы можемъ только пожелать „Бунду“, чтобы въ будущемъ онъ съ болѣе активнымъ интересомъ относился къ „большимъ“ вопросамъ, которые ставитъ развитіе россійской соціальдемократіи. Тогда невозможнымъ станетъ для него то самомнѣніе, которое нынѣ позволяетъ ему поздравлять нашу партію съ тѣмъ, что она, наконецъ, усвоила себѣ программу, извѣстную Бунду съ начала его рожденія. Но за то, тогда, вѣроятно, „бундовцы“ больше цѣнили бы дѣйствительные успѣхи, дѣлаемые россійской соціальдемократіей, а это одно уже сдѣлало бы невозможнымъ то „взаимное отчужденіе“ между Партіей и „Бундомъ“, на почвѣ котораго произошло его отдѣленіе отъ партіи. Л. М.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Россійскія картинки на военномъ фонѣ. (Изъ письма машиниста на воинскихъ желѣзно-дорожныхъ поѣздахъ Забайкальской области, отъ конца апрѣля мѣс. сего 1904 г.)

„По случаю большой дороговизны жизни, вызванной войной, а также страшно усиленной ѣзды на поѣздахъ, машинистамъ увеличено вознагражденіе: жалованье на 50% и на столько же поверстныя. Но зато, безъ вѣдома машинистовъ, съ нихъ вычитаютъ на флотъ и на Красный Крестъ: изъ первой прибавки — 30%, изъ второй — 15%. Вслѣдствіе этого, у меня отнимаютъ въ мѣсяцъ 40-50 руб. Вотъ какъ самодержавіе собираетъ „пожертвованія“! 40-50 руб. съ одного рабочаго, такимъ каторжнымъ трудомъ зарабатывающаго себѣ хлѣбъ... Недалеко, значитъ, время, когда обстоятельства войны подскажутъ правительству прямо дѣлать вычетъ со всѣхъ россійскихъ рабочихъ“... Рабочіе должны быть готовы, поэтому, къ энергичному отпору.

Тотъ же машинистъ пишетъ: „Начальникомъ Забайкальской ж. д. изданъ подвѣдомственнымъ ему начальникамъ депо приказъ, чтобы эти послѣдніе внушали своимъ служащимъ, что Россіи нуженъ на Тихомъ океанѣ флотъ, и „желательно, чтобы поступали на это дѣло пожертвованія“.

Значитъ, не достаточно еще молоху самодержавія насильственнаго вычета изъ заработка, „желательны“ еще „пожертвованія“!.. „Желательны“!.. Хорошо сказано... Извѣстно, что значатъ на языкѣ многочисленнаго россійскаго начальства подобныя „желанія“: чтобъ были „пожертвованія“ и — больше ничего. И нельзя сомнѣваться, что такія пожертвованія будутъ. Интересно только было бы знать, *какъ* велики будутъ эти „доброхотныя данія“ жел.-дорожныхъ служащихъ на Забайкальской дорогѣ? Нижеприводимый фактъ, сообщенный намъ тѣмъ же машинистомъ, достаточно показываетъ, что личность рускаго рабочаго сильно выросла. Вотъ этотъ фактъ.

„Казачьи офицера погуляли въ волю, и одинъ изъ нихъ хотѣлъ высѣчь машиниста и монтера депо за вольный съ нимъ разговоръ.

— „Высѣку, и все тутъ... У меня сотня казаковъ, а потомъ ищите на меня суда“.

Но монтеръ, вынувъ револьверъ, сказалъ, что прежде чѣмъ его высѣкутъ, онъ выпуститъ шесть пуль... Этимъ онъ спасся“.

Если бы всѣ русскіе рабочіе такъ умѣли отстаивать свою личность, въ Россіи давно не пахло бы самодержавіемъ. Впрочемъ, гибель его очень близка: война скоро подведетъ итоги самодержавію. Гибели его помогаютъ сами же его слуги. Тотъ же нашъ машинистъ сообщаетъ: „теперь ускоренно строятъ Кругобайкальскую ж. д. Строили даже зимой, а теперь постройка эта растаяла, и поѣздъ за поѣздомъ сходитъ съ рельсовъ, хотя скорость достигаетъ лишь 10-15 верстъ“.

Вотъ какъ россійское правительство ведетъ войну съ японцами. Такова ужъ этика самодержавія: рыть себѣ своими собственными руками могилу.

Скатертью дорога!

Москва. Патріотическое сердце стонетъ. Отовсюду вѣсти о печальномъ состояніи посѣвовъ, которые заставляютъ разочаровываться въ оптимизмѣ „Русск. Слова“, газетки которая усердно читается населеніемъ и которая говоритъ, что всѣ бѣдствія для „заграницы“, а мы, съ божьей помощью, отъ лиха избавлены. „Помилуйте!“ — проповѣдуетъ намъ эта газета, — пессимисты воютъ: кризисъ! кризисъ! Слава богу! Мы — страна земледѣльческая, климатъ, что ли, измѣнитъ у насъ эта война?“ И вотъ, оказывается, измѣнила... Въ народѣ начинается ропотъ и стоны, ходятъ разные слухи, передаваемые изъ устъ въ уста со скоростью телеграммы. „Бодрое, жизнерадостное, патріотическое“ настроеніе, сопровождавшееся рѣчами крестьянъ вродѣ того: „Слава тѣ, господи! Авось народъ разрѣдятъ — народу то полегче будетъ!“, стало удѣломъ однихъ стариковъ-крестьянъ, да и на нихъ нападаетъ сомнѣніе, и „доблестное“ настроеніе получается только съ изряднымъ зарядомъ „казенки“, и то не всегда. Люди, всегда избѣгавшіе „баловства“, начинаютъ прислушиваться къ газетнымъ извѣстіямъ, относиться къ нимъ критически и съ удовольствіемъ слушаютъ листки. „Сиволапое мужичье“ начинаетъ разсуждать о соціальдемократической партіи, какъ будто „мы“ — не земледѣльческая страна, которой чужды болѣзненные наросты гнилого запада, какъ будто наши условія не вырабатываютъ особыхъ путей развитія. „Преступная пропаганда“ начинаетъ широко производить свои „опустошительныя“ дѣйствія. Эта зараза идетъ изъ городовъ неуловимымъ потокомъ и опять возвращается въ города. Въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ мнѣ пришлось бесѣдовать съ мудрымъ и энергичнымъ представителемъ уѣздной администраціи. Скорбно было лицезрѣть, какъ онъ растерянно махалъ руками и взывалъ: „Повѣрите ли, въ томъ селѣ, гдѣ мой станъ — половина мерзавцевъ — революціонеры! Да-съ! Дайте мнѣ ядро, дайте докопаться, гдѣ разсадникъ заразы! Нѣтъ-съ! Ничего не могу понять“. Такъ взывалъ ловкій администраторъ, простирая руки къ бездушному небу.

Что касается нашей „интеллигенціи“, то о ней не стоитъ и говорить. Кромѣ фрондерства и злоязычія, она до сихъ поръ еще ничего не сотворила. Ея недовольство выражается въ томъ, что въ мастерской великой княгини Елизаветы Ѳедоровны никто не работаетъ въ пользу заправилъ Кр. Креста и не помогаетъ имъ, вмѣсто матеріала лечебнаго, отправлять на Дальній Востокъ матеріалъ строительный. Злые языки сочинили уже цѣлую повѣсть о какихъ то милліонахъ, пропавшихъ безъ вѣсти, и вотъ теперь бойкотируютъ „Ея Высочество“, усугубляя ея невыразимую печаль о выбывающихъ изъ строя подданныхъ. Сильно кричали промежду себя объ отставкѣ Шипова, хотѣли его вновь выбрать, хотѣли выйти въ отставку, хотѣли... подать прошеніе на „Высочайшее имя“, хотѣли... словомъ, завтра выбираютъ новаго предсѣдателя, при закрытыхъ дверяхъ. Sic transit gloria mundi! Въ переводѣ на русскій языкъ — поговорили и будетъ!

Симбирскъ. Ужъ очень безотрадно у насъ въ глуши. Только и слышно завываніе волковъ и шакаловъ реакціи. Прямо иному страшно дѣлается.

На дняхъ у насъ брали запасныхъ солдатъ. Плачъ цѣлыми днями стоялъ надъ городомъ. Изъ деревень пришли матери, жены и дѣти призываемыхъ на службу „отечеству“ и стонъ, причитанія слышны были съ утра до ночи. Всю ночь слышались пьяныя пѣсни, вродѣ: „Прощай, страна моя родная!“

Одновременно набирались же и лошади для войскъ. На площади, куда приводились лошади для осмотра, можно было наблюдать такія сценки: извозчикъ встаетъ на колѣни передъ набирающимъ лошадей офицеромъ, и со слезами на глазахъ проситъ не брать его „кормилицу“, съ которой онъ сроднился, къ которой привыкъ за долгое время совмѣстной работы... Офицеръ неумолимъ и извозчикъ въ страшномъ горѣ, со слезами прощается съ лошадью. Дали ему за лошадь рублей 70 (стоитъ „вѣрныхъ 100“, какъ говорятъ знатоки).

Кругомъ горе страшное. „Угнали“ въ солдаты, напримѣръ, недалеко жившаго извозчика. Остались шесть маленькихъ дѣтей безъ всякихъ средствъ къ жизни, съ больной матерью... Отчаяніе полное. И такихъ сотни, тысячи... „Патріотическаго подъема“ не замѣтно. Слышны лишь привычныя русскому „горе да тоска...“

Но вотъ и отрадное: мѣстная городская управа выставила уѣзжающимъ солдатамъ нѣсколько ведеръ „сивухи“ (для патріотическаго подъема“, должно быть) и толпа пѣла „гимнъ“, кричала „уру!“ и качала въ „пьяно-патріотическомъ“ восторгѣ городского голову и нѣкоторыхъ изъ „отцовъ города“... „Трудно отраднѣй картину нарисовать!..“

Иркутскъ. Изъ письма врача). „... Обгоняли мы массу воинскихъ поѣздовъ. Везутъ людей, какъ барановъ, на бойню, и нельзя сказать, чтобы бараны были, дѣйствительно, баранами. Настроеніе отнюдь не патріотическое, въ нѣкоторыхъ эшелонахъ даже имѣются явно возмущенные обращеніемъ съ ними и несправедливостью несенія ими тяготъ войны. По всей дорогѣ

ональныхъ и мѣстныхъ особыхъ организацій, но единую сплоченную партію россійскаго государства. Однако, совсѣмъ другое значеніе имѣетъ вопросъ о большей или меньшей степени централизаціи и объ ея ближайшемъ характерѣ въ рамкахъ объединенной и единой россійской соціальдемократіи.

Съ точки зрѣнія формальныхъ задачъ соціальдемократіи, какъ боевой партіи, централизмъ въ ея организаціи на первый взглядъ кажется условіемъ, отъ выполненія котораго непосредственно зависитъ боевая способность и энергія партіи. Однако, тутъ гораздо важнѣе точки зрѣнія формальныхъ требованій всякой боевой организаціи, специфическія историческія условія пролетарской борьбы.

Соціальдемократическое движеніе есть первое въ исторіи классовыхъ обществъ, разсчитанное всѣми своими сторонами и общимъ своимъ ходомъ на организацію и непосредственную самодѣятельность массъ.

Въ этомъ отношеніи соціальдемократія создаетъ совсѣмъ другой типъ организаціи, чѣмъ прежнія соціалистическія движенія, напр., якобинско-бланкистскаго типа.

Ленинъ, кажется, недооцѣниваетъ этого, когда въ своей книгѣ (стр. 140) думаетъ, что революціонный соціальдемократъ есть не что иное какъ „якобинецъ, неразрывно связанный съ *организацией* пролетаріата, *сознавшаго* свои классовые интересы“. Отличія соціальдемократіи отъ бланкизма исчерпываются для Ленина организованностью и классовымъ сознаніемъ пролетаріата въ противоположность заговору небольшого меньшинства. Онъ забываетъ, что отсюда вытекаетъ полная переоцѣнка организаціонныхъ понятій, совершенно новое содержаніе, вкладываемое въ понятіе централизма, совершенно новое пониманіе взаимоотношенія между организаціей и борьбой.

Бланкизмъ не опирался на непосредственную классовую дѣятельность рабочихъ массъ и не нуждался поэтому въ организаціи массъ. Напротивъ, такъ какъ широкія народныя массы должны были появиться впервые на полѣ борьбы лишь въ моментъ революціи, а предварительная дѣятельность состояла въ подготовленіи революціоннаго удара небольшимъ меньшинствомъ, то рѣзкое отграниченіе предназначенныхъ для этой опредѣленной дѣятельности личностей отъ народной массы было прямо необходимо для удачнаго выполненія ихъ задачи. Но въ то же время это было возможно и исполнимо потому, что между конспираторской дѣятельностью бланкистской организаціи и повседневной жизнью народныхъ массъ не было никакой внутренней связи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и тактика и ближайшія задачи дѣятельности, импровизируемыя свободно и по вдохновенію безъ связи съ почвой элементарной классовой борьбы, вырабатываемыя напередъ до мельчайшихъ подробностей, отливались въ форму заранѣе намѣченнаго плана. Поэтому дѣйствующіе члены организаціи естественно превращались въ чисто исполнительные органы внѣ ихъ поля дѣятельности существующей и заранѣе опредѣляемой воли, въ *орудія* Ц. К. Отсюда вытекаетъ и вторая особенность заговорщическаго централизма: абсолютное, слѣпое подчиненіе отдѣльныхъ органовъ партіи ея центральному учрежденію, распространяющему свою безапелляціонную власть вплоть до самой периферіи партійной организаціи.

Въ корнѣ отличны условія соціальдемократической дѣятельности. Послѣдняя исторически выростаетъ изъ элементарной классовой борьбы. При этомъ ей свойственно то діалектическое противорѣчіе, что пролетарская армія впервые рекрутируется въ самомъ процессѣ борьбы и въ борьбѣ же впервые сознаетъ задачи этой борьбы. Организація, ростъ сознанія и борьба являются здѣсь не особыми механически и по времени раздѣленными моментами, какъ въ бланкистскомъ движеніи, это — только различныя стороны того же самаго процесса. Съ одной стороны, кромѣ общихъ основныхъ принциповъ борьбы не существуетъ готовой заранѣе опредѣленной и до мелочей разработанной боевой тактики, къ которой Ц. К. муштровкой можетъ подготовить членовъ соціальдемократической партіи. Съ другой стороны, процессъ борьбы, создающій организацію, обусловливаетъ постоянныя колебанія сферы вліянія соціальдемократіи. Уже отсюда слѣдуетъ, что соціальдемократическая централизація не можетъ основываться ни на слѣпомъ повиновеніи, ни на механическомъ подчиненіи борцовъ партіи ея центральной власти, и что, съ другой стороны, между уже организованнымъ въ прочные партійные кадры ядромъ сознавшаго свои классовые интересы пролетаріата, и уже захваченнымъ классовой борьбой, находящимся въ процессѣ классового развитія прилегающимъ слоемъ пролетаріата никогда не можетъ быть воздвигнуто непроходимой стѣны. Построеніе централизаціи въ соціальдемократіи на этихъ двухъ основаніяхъ — на слѣпомъ подчиненіи въ самыхъ мелочахъ всѣхъ партійныхъ организацій и ихъ дѣятельности центральной власти, которая одна думаетъ, творитъ и рѣшаетъ за всѣхъ, а также на строгомъ отграниченіи организованнаго ядра партіи отъ окружающей его революціонной среды, какъ на этомъ настаиваетъ Ленинъ, — кажется намъ поэтому механическимъ перенесеніемъ организаціонныхъ принциповъ бланкистскаго движенія заговорщическихъ кружковъ на соціальдемократическое движеніе рабочихъ массъ. И Ленинъ, быть можетъ, еще остроумнѣе, чѣмъ это могъ бы сдѣлать кто-либо изъ его оппонентовъ, характеризуетъ свою точку зрѣнія, опредѣляя своего „революціоннаго соціальдемократа“, какъ „якобинца, *связаннаго* съ организаціей пролетаріата, сознавшаго свои классовые интересы“. Но фактически соціальдемократія не *связана* съ организаціей рабочаго класса, она и есть *подлинное движеніе* рабочаго класса. Слѣдовательно, соціальдемократическій централизмъ долженъ быть по существу другого характера, чѣмъ бланкистскій. Онъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ властнымъ выраженіемъ объединенной воли сознательнаго и борющагося авангарда рабочихъ по отношенію къ отдѣльнымъ группамъ и индивидуумамъ, это, такъ сказать, „самоцентрализмъ“ („Selbstzentralismus“) руководящаго слоя пролетаріата, господство его большинства внутри его собственной партійной организаціи.

Уже изъ анализа дѣйствительнаго содержанія соціальдемократическаго централизма становится очевиднымъ, что для него въ Россіи въ настоящее время не можетъ существовать въ полной мѣрѣ необходимыхъ условій, а именно — наличности значительнаго, уже воспитаннаго въ политической борьбѣ слоя пролетаріата, и возможности проявленія его самодѣятельности (Dispositionsfähigkeit) путемъ прямого вліянія на дѣла (на публичныхъ съѣздахъ, въ партійной прессѣ и т. д.).

Послѣднее условіе очевидно можетъ быть осуществлено только при политической свободѣ, первое же — выдѣленіе пролетарскаго авангарда, сознающаго свои классовые интересы и умѣющаго политически оріентироваться — находится лишь въ процессѣ возникновенія и должно служить руководящей нитью во всей агитаціонной и организаціонной работѣ.

Тѣмъ поразительнѣе кажется обратное убѣжденіе Ленина, будто всѣ предварительныя условія для созданія большой и крайне централизованной рабочей партіи имѣются въ Россіи уже на лицо. И если онъ оптимистически восклицаетъ, что теперь ужъ „не пролетаріату, а *нѣкоторымъ интеллигентамъ* въ нашей партіи недостаетъ *самовоспитанія* въ духѣ организаціи и дисциплины“ (стр. 145), и прославляетъ воспитательное значеніе фабрики для пролетаріата, которая уже сама по себѣ подготовляетъ его къ „дисциплинѣ и организаціи“ (стр. 147), то это лишній разъ свидѣтельствуетъ объ его слишкомъ механическомъ представленіи о соціальдемократической организаціи.

„Дисциплина“, которую Ленинъ имѣетъ въ виду, внушается пролетаріату не одной только фабрикой, но и *казармой*, и современнымъ *бюрократизмомъ* — словомъ всѣмъ механизмомъ централизованнаго буржуазнаго государства.

Одновременно обозначать словомъ „дисциплина“ два столь противоположныхъ понятія, какъ отсутствіе воли и мысли въ тысяченогомъ и тысячерукомъ тѣлѣ, по указкѣ дѣлающемъ механическія движенія, и добровольное координированіе сознательныхъ политическихъ дѣйствій общественнаго слоя, такія понятія, какъ безпрекословное повиновеніе угнетеннаго класса и организованное возмущеніе класса, борющагося за свое освобожденіе, — значитъ просто злоупотреблять ходячимъ словечкомъ. Не исходя изъ внушаемой пролетаріату капиталистическимъ государствомъ дисциплины — съ простой передачей указки изъ рукъ буржуазіи въ руки соц.-дем. Ц. К., но только сломивъ и вырвавъ съ корнемъ этотъ духъ рабской дисциплины, можетъ рабочій классъ воспитать *себя* для новой дисциплины — свободной самодисциплины соціальдемократіи. Далѣе, изъ того же соображенія явствуетъ, что централизмъ въ соціальдемократическомъ смыслѣ не есть вообще абсолютное понятіе, осуществимое въ равной мѣрѣ на любой ступени въ развитіи рабочаго движенія; скорѣе его слѣдуетъ разсматривать, какъ *тенденцію*, все болѣе и болѣе переходящую въ дѣйствительность по мѣрѣ развитія и политическаго воспитанія рабочихъ массъ въ процессѣ ихъ борьбы.

Конечно, недостаточная наличность важнѣйшихъ предпосылокъ для осуществленія въ полной мѣрѣ централизма въ русскомъ движеніи можетъ явиться огромной помѣхой.

Однако, намъ кажется, было бы ошибкой думать, что неосуществимое еще господство большинства сознательныхъ рабочихъ внутри ихъ партійной организаціи можетъ быть „пока что“ замѣнено „по довѣрію“ единовластіемъ центральнаго учрежденія партіи, и что отсутствіе публичнаго контроля рабочихъ массъ надъ тѣмъ, что дѣлаютъ и чего не дѣлаютъ партійные органы, можетъ быть такъ же хорошо возмѣщено обратнымъ контролемъ Ц. К. надъ дѣятельностью революціоннаго пролетаріата.

Сама исторія русскаго движенія даетъ много доказательствъ проблематической цѣнности централизма въ этомъ послѣднемъ отъ моста черезъ Волгу стояли у каждой „трубы“ и моста караульные, такъ какъ около Сызрани поймали японцевъ, пытавшихся взорвать мостъ черезъ Волгу, и теперь крѣпкіе заднимъ умомъ издали приказъ — не открывать оконъ и дверей вагоновъ при проѣздѣ черезъ мостъ. Дорогу охраняютъ запасные изъ вятской и сибирскихъ губерній. Въ Челябинскѣ мы нагнали отрядъ харьковскаго земства, которому въ Пензѣ устроили ужинъ съ рѣчами, причемъ земцы пили за Земскій Соборъ. Губернаторъ, бывшій на ужинѣ, удралъ, боясь, что скоро будутъ пить за конституцію.“

Въ другомъ письмѣ, со станціи Манджурія, тотъ же врачъ пишетъ:

„Призывные солдаты получаютъ въ день 21 коп., причемъ 2 фунта хлѣба стоятъ 20 коп.“

Варшава. 26 іюня нѣсколькими группами рабочихъ изъ „Пролетаріата“, возвращавшимися съ парадной прогулки въ центрѣ города — Сокюнскомъ саду — устроена была демонстрація, въ качествѣ протеста противъ звѣрскаго избіенія толпы при пожарѣ завода Списса на Грибной улицѣ. Рабочіе въ количествѣ 200 чел., развернувъ красное знамя, съ пѣніемъ Варшавянки двинулись по главной аллеѣ сада.

На перекресткѣ аллей, однимъ изъ интеллигентовъ была произнесена рѣчь, выясняющая смыслъ и значеніе демонстраціи, послѣ чего рабочіе съ криками „долой самодержавіе!“, „да здравствуетъ революція!“, „да здравствуетъ соціализмъ!“, разсыпавшись по всѣмъ дорожкамъ, начали раздавать публикѣ и разбрасывать прокламаціи, изданныя „Пролетаріатомъ“ по поводу господствующаго кризиса и предстоящей мобилизаціи въ Царствѣ Польскомъ. Значительная часть буржуазной публики при первыхъ звукахъ гимна и революціонныхъ возгласовъ обратилась въ позорное бѣгство. Полиція, растерявшись, не успѣла запереть выходы и такимъ образомъ никто изъ демонстрантовъ арестованъ не былъ. Въ городѣ демонстрація произвела огромное впечатлѣніе.

Варшава. Въ № 65 „Искры“ уже вкратцѣ было сообщено о вооруженномъ сопротивленіи, оказанномъ при арестѣ типографіи С. Д. Ц. П. и Л. 27 апрѣля с. г. Въ настоящее время мы можемъ сообщить фамиліи арестованныхъ товарищей: инженеръ Бенедиктъ Гурцманъ, баварскій подданный Вильгельмъ Майеръ (нелегальный), сапожникъ Францъ Павлякъ и жена послѣдняго Елена Павлякъ.

Небывалое въ революціонной исторіи Варшавы событіе произвело на всѣхъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Главнымъ Правленіемъ С. Д. Ц. П. и Л. выпущена была по этому случаю прокламація „Къ польскому обществу“, изъ которой приводимъ отдѣльныя мѣста:

„... Фактъ, происшедшій въ типографіи нашей партіи 27-го апрѣля — исключительный въ исторіи революціоннаго движенія Россіи. Революціонеры русскіе и польскіе неоднократно, разумѣется, защищали съ оружіемъ въ рукахъ свою свободу противъ царскихъ опричниковъ, но никогда еще, даже во времена Народной Воли и Пролетаріата, не случалось, чтобы правительство оставляло на полѣ неравной битвы съ горстью революціонеровъ — цѣлыхъ пять изъ своей вооруженной челяди. Рабочіе! Мы не сторонники террора. Соціальдемократія считаетъ покушенія на царя и отдѣльныхъ его холоповъ безцѣльной тратой силъ, такъ какъ на мѣсто каждаго убитаго царя или сатрапа найдется другой. Наша задача — уничтожать не отдѣльныхъ личностей, но всю систему деспотическаго правительства. Деспотическое же правительство удастся ниспровергнуть только тогда, когда русскій и польскій трудящійся народъ вполнѣ сознаетъ необходимость сокрушить абсолютизмъ и всей своей массой выйдетъ на непреклонную борьбу съ нимъ. Вооруженное сопротивленіе въ нашей типографіи отнюдь не было террористическимъ актомъ. Наши товарищи лишь защищали свою свободу противъ посягательства сбировъ, а при такихъ политическихъ условіяхъ, когда за всякое движеніе, за всякое свободно высказанное слово грозитъ Сибирь, тюрьма, каторга — самозащита является священнымъ правомъ человѣка и гражданина. Тѣ пять жандармовъ и полицейскихъ, которые потеряли жизнь 27 апрѣля, погибли, какъ жертвы царскаго правительства, которому они служили орудіями въ его позорномъ стремленіи задушить рабочее движеніе“.

29 апрѣля хоронили погибшихъ „при исполненіи служебныхъ обязанностей“ ротмистра Винничука и помощника пристава Ордановскаго. Правительство захотѣло почтить своихъ вѣрныхъ слугъ и поспѣшило устроить пышныя похороны „мученикамъ служебнаго долга“. Хотя „самъ“ главный сатрапъ, генералъ губернаторъ Чертковъ, „по причинѣ легкаго недомоганія“, какъ сказано въ оффиціальномъ сообщеніи, и отсутствовалъ, но вообще-то постарались придать похоронамъ торжественный, чуть ли не демонстративный характеръ: явилась вся рѣшительно чиновничья и военная „рать“ Варшавы, послано было цѣлыхъ четыре военныхъ оркестра, нѣсколько ротъ солдатъ и пр...

Слѣдствіе по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи уже кончено, и въ скоромъ времени надо ожидать военнаго суда надъ нашими четырьмя товарищами, захваченными при арестѣ типографіи.

Варшава. Въ понедѣльникъ 13 іюня, около $8\frac{1}{2}$ часовъ вечера вспыхнулъ пожаръ на фабрикѣ фирмы „Людвикъ Сиксъ и сынъ“, расположенной на Гржибовской ул. между улицами Вроня и Товарова. Такъ какъ эта часть города преимущественно населена рабочимъ людомъ, то на пожаръ сбѣжалось много рабочихъ. Полиція, конечно, и здѣсь не устояла противъ желанія показать свою „власть“. Безъ всякаго повода и безъ надобности, она начала разгонять собравшуюся толпу, съ руганью толкая каждаго встрѣчнаго и поперечнаго. Одинъ изъ полицейскихъ въ своемъ усердіи дошелъ до того, что рукояткой шашки ударилъ рабочаго въ грудь такъ сильно, что тотъ упалъ. Толпа возмутилась до крайней степени. Рабочіе при видѣ падающаго товарища мгновенно кинулись на полицейскаго и поколотили его до того основательно, что по дорогѣ въ больницу, куда его отвезла карета „подачи скорой помощи“, — онъ умеръ. Между тѣмъ, на помощь къ аттакованному городовому подоспѣли другіе полицейскіе и прискакало полсотни козаковъ. Это, однако, не только не устрашило рабочихъ, но, наоборотъ, еще больше воспламенило. Случайно по близости лежали кучи булыжника, назначеннаго для мощенія улицы. Въ одну минуту онѣ были разобраны рабочими, которые привѣтствовали казаковъ градомъ камней и криками: „долой самодержавіе“; „да здравствуетъ свобода“! „да зравствуетъ соціальдемократія“! Такимъ образомъ уличное столкновеніе превратилось въ антиправительственную демонстрацію. Удары со стороны рабочихъ были на столько мѣткіе, что нѣсколько казаковъ упало съ лошадей, а весь отрядъ съ быстротой и *не* въ порядкѣ сталъ отступать. Главный „военоначальникъ“, приставъ VII участка Юринъ бѣжалъ. Столько же храбрости выказалъ оберъ-полиціймейстеръ, который, говорятъ, раненъ камнемъ въ голову... По телефону были вызваны войска, и въ $11\frac{1}{2}$ ночи прибылъ на „поле сраженія“ отрядъ пѣхоты. Дано было два залпа. Послѣ перваго залпа въ окнѣ сосѣдняго дома показалась какая то старушка съ сыномъ: оба ранены ружейными выстрѣлами, при чемъ первая тяжело. Въ этомъ сраженіи потери врага во всякомъ случаѣ значительнѣе нашихъ. „Варш. Дневникъ“, въ которомъ все событіе искажено до невѣроятности, сообщаетъ только о десяти раненыхъ полицейскихъ. По нашимъ свѣдѣніямъ, требующимъ, впрочемъ, еще подтвержденія, число убитыхъ и раненыхъ на сторонѣ народа достигаетъ 8, на сторонѣ полиціи и войска сообщаютъ о 8 убитыхъ и свыше 30 раненыхъ. — Кровавыя стычки, подобныя только что описанной, между рабочими и полиціей, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ, имѣли еще мѣсто 22 и 24 іюня (н. с.): первая опять во время пожара пивовареннаго завода „Габербушъ и Шиле“, на углу улицъ Вроней и Крохмальной, вторая въ Ивановъ день.

Ближайшимъ же воскресеньемъ, 26 іюня, Комитетъ С.-Д Ц. П. и Л. счелъ необходимымъ воспользоваться для устройства демонстраціи. Въ $12\frac{1}{2}$ ч. дня на Банковую площадь собралось 350 организованныхъ рабочихъ и такъ ловко построились, что полиція и оглянуться не успѣла, какъ наши подняли великолѣпное красное знамя, на обѣихъ сторонахъ котораго виднѣлись надписи: „Война противъ войны!“ „Да здравствуетъ соціализмъ!“ „Долой самодержавіе!“ „Да здравствуетъ Соціальдемократія Царства Польскаго и Литвы!“ Впереди шли рабочіе съ длинымъ краснымъ шелковымъ шарфомъ съ надписью: „Хлѣба и работы!“ а вокругъ знамени образовалось плотное ядро изъ 200 человѣкъ. Стройными рядами, подъ звуки пѣсни „Красное знамя“, съ революціонными криками рабочіе двинулись съ Банковой площади вдоль Электоральной ул. На Электоральной, гдѣ въ воскресенье въ это время обыкновенно бываетъ масса гуляющей буржуазной публики и рабочихъ, послѣдніе присоединились къ шествію, такъ что очень скоро число демонстрантовъ достигло свыше 1,000 человѣкъ. Демонстранты дошли до улицы Холодной. Здѣсь на углу ихъ встрѣтилъ отрядъ жандармовъ и полицейскихъ: одни съ шашками наголо, другіе съ револьверами въ рукахъ бросились прямо на демонстрантовъ, но прежде чѣмъ они успѣли настигнуть первые ряды, знамя уже было свернуто и рабочіе въ одно мгновеніе разсѣялись, т. к. Комитетъ постановилъ еще до демонстраціи не допускать кровопролитія и въ случаѣ нападенія болѣе значительнаго отряда полиціи — разсѣяться. Такъ и было сдѣлано. Но, тѣмъ не менѣе, полиція успѣла арестовать 6-10 рабочихъ, стоящихъ внѣ организаціи. Два жандармскихъ офицера особенно при этомъ отличились: съ револьверами въ рукахъ они выскочили изъ пролетки и съ яростью набросились на перваго попавшагося имъ подъ руку прохожаго; на одного изъ пойманныхъ, хромого рабочаго, кинулось нѣсколько полицейскихъ съ помощникомъ пристава во главѣ; рабочій сталъ оказывать упорное сопротивленіе, такъ что лишь съ трудомъ полиція удалось посадить его на извощика, а когда наши попытались его отбить, полицейскіе (въ томъ числѣ и приставъ) прямо направили на нихъ револьверы; волей-неволей, пришлось отступить, такъ какъ никто не былъ вооруженъ...

До чего сильно революціонное настроеніе среди нашихъ рабочихъ, доказываетъ тотъ фактъ, что, вслѣдъ за этой демонстраціей, рабочіе хотѣли устроить другую въ 4 часа на улицѣ Хлодной, но комитетъ не соглашался: весьма вѣроятно, что, несмотря на это, все же демонстрація была устроена.

Кишиневъ. Въ ночь съ 25 на 26 іюня изъ мѣстной тюрьмы бѣжали четыре политическихъ заключенныхъ: Давидъ Кацъ (по Бундовскому дѣлу), Михаилъ Чиканковъ (по дѣлу Екатеринославскихъ телеграфистовъ), Антонъ Гаманюкъ (по дѣлу типографіи с.-р.) и Станиславъ Шашекъ. Они бѣжали въ 11 часовъ вечера изъ помѣщенія, примыкающаго къ мастерскимъ, распиливъ рѣшетку и перебравшись черезъ заборъ посредствомъ веревки, сплетенной изъ простыни. Начальство сейчасъ же обнаружило побѣгъ (совершенно случайно); поднялась ужасная тревога, и одинъ изъ бѣжавшихъ, Чиканковъ, былъ схваченъ недалеко отъ тюрьмы. Остальные благополучно скрылись. Полиція и жандармерія, съ Заверзинымъ (начальникъ охран. отдѣл.) во главѣ, подняли на ноги весь городъ. Творилось нѣчто ужасное. По всѣмъ улицамъ скакали своры „темныхъ силъ“, разыскивая бѣжавшихъ и дѣлая повальные обыски. Въ эту ночь были арестованы по подозрѣнію въ содѣйствіи побѣгу слѣдующія лица: Аронъ Музесъ (столяръ), Яковъ Бѣленькій (интел.), Самуилъ Дляксиль (инт.), Левъ Шварцъ (инт.), Аврамъ Мордхе Пиратиновъ (столяръ), Фишель Кріулянскій (стол.), Израиль Фихманъ (инт.), Хайка Бойко (портниха) и Роза Бернштейнъ (порт.). На допросѣ арестованнымъ предъявили обвиненіе въ „сообществѣ съ цѣлью освобожденія политическихъ преступниковъ“. Дѣло передается судебному слѣдователю по важнѣйшимъ дѣламъ. Въ воскресенье 27 арестованные были освобождены, за исключеніемъ Фихмана и Бойко, у которыхъ кое-что нашли.

Подробности будутъ сообщены послѣ.

Житоміръ. Возмутительное по своей наглости, ужасное по своей жестокости насиліе было совершено полиціей надъ однимъ еврейскимъ рабочимъ по прямому указанію жандармскаго полковника Потоцкаго. Нѣкоторое время тому назадъ были здѣсь распространены прокламаціи редакціи „Искры“ „Ко всему рабочему народу“. Были онѣ разбросаны и на одномъ дворѣ, гдѣ работаютъ каменьщики. Къ несчастію, на этомъ же самомъ дворѣ живутъ двое рабочихъ: Обергрецъ и Сорока. Дорого поплатились они за проживательство на такомъ преступномъ дворѣ: къ нимъ нагрянула полиція и, хотя у нихъ ровно ничего не нашли, они все-таки были арестованы и отправлены во второй полицейскій участокъ. Перваго почему то даже и не допрашивали (можетъ быть потому, что держалъ себя съ достоинствомъ), за то энергично взялись за второго. На другой день послѣ ареста приставъ повезъ Сороку на допросъ въ Жандармское Управленіе. Сначала ему предложили два рубля, чтобы онъ указалъ, гдѣ его товарищъ взялъ прокламаціи для распространенія. Когда рабочій отвѣтилъ, что онъ ничего не знаетъ, полковникъ съ цинизмомъ, свойственнымъ русскому жандарму самодержцу, обратился къ приставу: „Его слѣдовало бы побить, тогда, пожалуй, скажетъ...“ Сороку отправили обратно въ участокъ и, какъ только онъ переступилъ порогъ своей камеры, на него набросились 5-6 городовыхъ, повалили его на полъ, набросили шинель на голову, чтобы кричать не могъ и стали его звѣрски бить, пока послѣдній не потерялъ сознаніе. Послѣ этой экзекуціи приставъ отпустилъ его съ такими милостивыми словами: „ну, теперь ступай домой и смотри, больше къ намъ не попадайся“... Эта дикая расправа надъ беззащитнымъ рабочимъ вызвала замѣтное броженіе среди рабочихъ, и безъ того озлобленныхъ противъ мѣстныхъ башибузуковъ.

Война даетъ себя знать и нашему, сравнительно не промышленному, городу. Въ дѣлахъ полный застой. Крахи крупныхъ и мелкихъ фирмъ слѣдуютъ одинъ за другимъ. Многіе фабриканты сокращаютъ свое производство, и сотни семействъ очутились на улицѣ въ самомъ ужасномъ безвыходномъ положеніи.

смыслѣ слова. Всемогущее центральное учрежденіе со своимъ почти неограниченнымъ правомъ вмѣшательства и контроля, по Ленинскому идеалу, было бы явной безсмыслицей, если бъ оно ограничивало свою власть исключительно чисто *технической* стороной соціальдемократической дѣятельности, регулированіемъ всякихъ вспомогательныхъ средствъ агитаціи — вродѣ доставки партійной литературы и планомѣрнаго распредѣленія агитаторскихъ силъ и денежныхъ суммъ. Политическая цѣль такого учрежденія была бы понятна лишь въ томъ случаѣ, если бы оно могло свои силы обратить на созданіе единой боевой тактики, взять на себя иниціативу крупнаго политическаго дѣйствія. Но что мы, однако, видимъ въ тѣхъ перипетіяхъ, которыя до сихъ поръ переживало русское движеніе? Важнѣйшіе и наиболѣе плодотворные повороты тактики за послѣдніе десять лѣтъ движенія не были выдуманы какими нибудь руководителями движенія, не говоря уже о руководящихъ организаціяхъ, но всякій разъ были самопроизвольнымъ продуктомъ разгоравшагося движенія. Таковъ былъ первый этапъ дѣйствительно пролетарскаго массоваго движенія въ Россіи, начавшійся стихійной вспышкой колоссальной петербургской стачки 1896 г. и впервые открывшій эру массовой экономической борьбы русскаго пролетаріата. Таковъ же былъ и второй фазисъ движенія — періодъ уличныхъ политическихъ демонстрацій, начавшійся совершенно стихійно съ петербургскихъ студенческихъ безпорядковъ въ мартѣ 1901 г. Слѣдующимъ крупнымъ поворотнымъ пунктомъ въ тактикѣ, развернувшимъ новые горизонты, — была возникшая „сама собой“ массовая стачка въ Ростовѣ на Дону съ ея импровизированной ad hoc уличной агитаціей, народными собраніями подъ открытымъ небомъ, публичными рѣчами, которыя показались бы фантазіей и не могли бы придти въ голову и самому смѣлому энтузіасту среди соціальдемократовъ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ „дѣло“ шло впереди. *Иниціатива* и сознательное руководство соціальдемократическихъ организацій играли крайне незначительную роль. Это, однако, происходило не столько отъ недостаточной подготовленности къ своей роли этихъ спеціальныхъ организацій — хотя и этотъ моментъ въ значительной степени также могъ оказывать вліяніе — еще менѣе, конечно, отъ отсутствія въ то время въ россійской соціальдемократіи всемогущей центральной власти въ духѣ развиваемаго Ленинымъ плана. Наоборотъ, очень вѣроятно, что ея наличность привела бы только къ еще большей растерянности отдѣльныхъ комитетовъ партіи и къ противорѣчію между бурнымъ натискомъ массы и выжидательной позиціей соціальдемократіи. Можно даже сказать, что то же самое явленіе — незначительная роль сознательной иниціативы партійныхъ центровъ въ выработкѣ тактики — наблюдается какъ въ Германіи, такъ и повсюду. Боевая тактика соц.-дем. въ своихъ главныхъ чертахъ вообще не „изобрѣтается“, она есть слѣдствіе непрерывнаго ряда крупныхъ творческихъ актовъ ищущей своего пути, часто стихійной классовой борьбы. И здѣсь безсознательное предшествуетъ сознательному, логика объективнаго историческаго процесса субъективной логикѣ его носителей. Роль соціальдемократическихъ руководящихъ учрежденій при этомъ имѣетъ въ значительной мѣрѣ *консервативный* характеръ: какъ показываетъ опытъ, разъ завоевавъ новую почву для борьбы, *они* разрабатываютъ ее до крайнихъ предѣловъ, но въ то же время скоро обращаютъ ее въ оплотъ противъ дальнѣйшихъ новшествъ болѣе крупнаго масштаба.

Всѣ удивляются замѣчательному многообразію, гибкости и въ то же время увѣренности современной тактики нѣмецкой соціальдемократіи. Но это означаетъ только, что наша партія въ своей повседневной борьбѣ до самыхъ мелочей удивительно приспособилась къ современной парламентской почвѣ, что она сумѣла использовать цѣликомъ все то поле борьбы, которое даетъ ей парламентаризмъ, стала хозяиномъ этого поля, оставаясь вѣрной своимъ принципамъ. И, однако, это специфическое приспособленіе тактики уже настолько закрываетъ болѣе широкіе горизонты, что явно выступаетъ склонность разсматривать парламентскую тактику, какъ тактику неизмѣнную, какъ тактику, присущую именно соціальдемократической борьбѣ вообще. Для подобнаго настроенія характерна, напр., безрезультатность многолѣтнихъ усилій *Парвуса* вызвать въ партійной прессѣ обсужденіе вопроса о соотвѣтствующемъ измѣненіи тактики на случай отмѣны всеобщаго избирательнаго права, хотя съ возможностью такой отмѣны серьезно считаются вожди партіи. Эта инертность въ значительной степени объясняется тѣмъ, что очень трудно въ пустомъ пространствѣ абстрактныхъ построеній представить себѣ контуры и конкретныя формы еще не существующей и, слѣдовательно, воображаемой политической конъюнктуры. Что для соц.-дем. всегда важно, такъ это — не предугадываніе и приготовленіе готоваго рецепта для будущей тактики, а то, чтобы въ партіи живо сохранялась правильная историческая оцѣнка господствующихъ въ каждый данный моментъ формъ борьбы, живое пониманіе относительности данной фазы борьбы и необходимости нарастанія революціонныхъ моментовъ съ точки зрѣнія конечной цѣли классовой пролетарской борьбы.

Но надѣлять руководящее партійное учрежденіе такими абсолютными полномочіями *отрицательнаго* характера, какъ это дѣлаетъ Ленинъ, значитъ искусственно усиливать въ очень опасной степени и безъ того неизбѣжно ему присущій консерватизмъ. Если соціальдемократическая тактика создается не Центр. Комит., а всей партіей въ цѣломъ или, — что еще вѣрнѣе, — всѣмъ движеніемъ, то отдѣльнымъ партійнымъ организаціямъ, очевидно, необходима та свобода дѣйствій, которая только и даетъ возможность какъ использовать цѣликомъ предоставляемыя даннымъ положеніемъ средства для развитія борьбы, такъ и развернуть революціонную иниціативу. Отстаиваемый же Ленинымъ ультрацентрализмъ, по всей сущности своей, проникнутъ, на нашъ взглядъ, не положительнымъ творческимъ, но безплоднымъ будочническимъ (Nachtwächter) духомъ. Ходъ его мыслей пріуроченъ, главнымъ образомъ, къ *контролю* надъ партійной дѣятельностью, а не къ ея *оплодотворенію*, къ *суженію*, а не къ *развитію*, къ зашнурованію (Schubriegelung), а не къ объединенію движенія.

Но вдвойнѣ рискованнымъ является подобный экспериментъ для русской соціальдемократіи именно въ данный моментъ. Она находится наканунѣ крупныхъ революціонныхъ схватокъ за низверженіе самодержавія: ей предстоитъ войти, или, вѣрнѣе, она уже вошла, въ полосу самой интенсивной творческой дѣятельности въ области тактики и — что само собой разумѣется для революціонной эпохи — въ полосу лихорадочнаго и скачкообразнаго расширенія и перемѣщенія сферы своего вліянія. Въ такое именно время пытаться сковать иниціативу партійной мысли и воздвигать колючій частоколъ противъ стремленія партіи къ внезапнымъ расширеніямъ — значитъ тѣмъ самымъ дѣлать соціальдемократію совершенно неспособной къ выполненію великихъ задачъ даннаго момента.

Изъ развитыхъ выше общихъ соображеній о своеобразномъ содержаніи соціальдемократическаго централизма, нельзя еще, конечно, вывести конкретнаго проекта организаціоннаго устава для россійской партіи. Такой уставъ, разумѣется, опредѣляется въ послѣднемъ счетѣ тѣми конкретными условіями, въ которыхъ протекаетъ дѣятельность партіи въ данный періодъ, и — такъ какъ въ Россіи дѣло идетъ всего лишь о первой попыткѣ построенія крупной пролетарской партійной организаціи — то едва ли такой уставъ можетъ напередъ претендовать на непогрѣшимость, и онъ, во всякомъ случаѣ, долженъ прежде всего выдержать огненное испытаніе практики.

Но что можетъ быть выведено изъ общаго представленія о типѣ соціальдемократической организаціи, это — крупныя основныя черты ея, *духъ* организаціи, а онъ то именно и обусловливаетъ, особенно на первыхъ шагахъ массоваго движенія, преимущественно координирующія, сплачивающія, а не регламентирующія, не исключительныя тенденціи соціальдемократическаго централизма. И если партія будетъ проникнута этимъ духомъ политической подвижности, соединенной съ строгимъ отношеніемъ къ принципіальной устойчивости движенія и его единству, тогда очень скоро сама практика должнымъ образомъ исправитъ угловатости любого, хотя бы и неудачно составленнаго организаціоннаго устава. Ибо не буква устава, но смыслъ и духъ, вкладываемый активными борцами въ него, рѣшаютъ вопросъ о цѣнности той или иной организаціонной формы.

II.

До сихъ поръ мы разсматривали вопросъ о централизмѣ съ точки зрѣнія общихъ основныхъ положеній соціальдемократіи и, отчасти, русскихъ условій. Но будочническій духъ ультрацентрализма, защищаемаго Ленинымъ и его друзьями, является у него не какимъ-либо случайнымъ результатомъ заблужденій, а связанъ съ проведенной у него до мельчайшихъ деталей организаціоннаго вопроса борьбой противъ *оппортунизма*.

Дѣло „въ томъ, полагаетъ Ленинъ (стр. 52), чтобы сковать при помощи ихъ болѣе или менѣе острое оружіе противъ оппортунизма. Чѣмъ глубже его причины, тѣмъ острѣе должно быть это оружіе“.

Равнымъ образомъ Ленинъ видитъ въ абсолютной власти Центральнаго Комитета и въ строгомъ уставномъ огражденіи партіи надежную плотину противъ оппортунистическаго теченія, специфическимъ признакомъ котораго онъ считаетъ врожденное пристрастіе интеллигента къ автономизму и дезорганизаціи — и его отвращеніе къ суровой партійной дисциплинѣ, ко всякому „бюрократизму“ въ жизни партіи

Эксплуатація труда доведена до чудовищныхъ размѣровъ, чему не мало способствуетъ и армія безработныхъ. На гильзовой фабрикѣ Дуба работницы получаютъ 7 коп. съ тысячи при обязательной безперерывной 12-ти часовой работѣ (обѣдаютъ на фабрикѣ, на что полагается не болѣе четверти часа), вырабатывая такимъ образомъ 25-30 коп. въ день. Теперь „по случаю войны“ онъ уменьшилъ плату на 2 коп. съ тысячи… Работницы сначала протестовали, но за спиной стояли сотни другихъ готовыхъ занять ихъ мѣста, и имъ пришлось уступить. Та же исторія повторилась и на гильзовой фабрикѣ Каца. Фабрикантъ гнутой мебели Эскизъ пошелъ еще дальше. Уплативъ своимъ рабочимъ слѣдуемыя имъ деньги, онъ обратился къ нимъ съ такимъ предложеніемъ: „Хотите продолжать работать, то верните мнѣ каждый изъ васъ по рублю, иначе закрываю мастерскую“. Это просто дневной грабежъ! говорили рабочіе, но, послѣ нѣкотораго раздумья, понесли свои трудовыя рублевки: имъ приходилось выбирать между голодной смертью и нищенской платой за трудъ. Факты эти далеко не единичны.

Возможная мобилизація въ Волынской губ. нагнала страхъ на все населеніе. Многіе удираютъ заграницу. Только и разговоровъ, что про войну. Нерѣдко приходится наблюдать на улицахъ такія картинки: „грамотѣй“, собравъ вокругъ себя большую толпу, читаетъ имъ по складамъ туманныя донесенія генераловъ, вставляя при этомъ свои замѣчанія: „много народу уже погибло“… „бьютъ нашихъ“… Жалобы и стоны раздаются со всѣхъ сторонъ, а вѣдь война только еще начинается!..

Сюда привезены: Андрей Жуковскій, Чацкина (оба арестованы на границѣ съ транспортами нелегальной литературы), студентъ и два матроса изъ Севастополя (имена еще неизвѣстны). Арестованы: Кириллъ Городецкій (ст.), Ф. Горовицъ (интел-ка). У студента Заватскаго былъ обыскъ среди бѣла дня, при томъ не пощадили и бывшихъ въ то время у него гостей.

Либава (сообщ. латыш. тов.). Городовымъ за нѣсколько дней до 1 мая было приказано обходить извѣстныя улицы, ловить распространителей прокламацій, собирать прокламаціи и относить въ участокъ. Нѣкоторые городовые недовольны тѣмъ, что имъ не даютъ покоя и ночью. Двѣ роты стояли наготовѣ каждую минуту, чтобы потушить „возстаніе“ въ потокахъ крови, но бунта не было. За то 5 мая были распространены по фабрикамъ, заводамъ, домамъ латышскія прокламаціи въ количествѣ 4000: „Чего мы требуемъ“. Въ срединѣ мая въ порту и по желѣзнодорожнымъ мастерскимъ распространили 600 экз. майскихъ прокламацій Р. С. Д. Р. П. и листки 300 экз. мѣстной Латышской организаціи. 7 мая на обоихъ лютеранскихъ кладбищахъ распространены прокламаціи: „Чего мы требуемъ“ и „Товарищи!“. Многіе собирались кучками и читали сообща. Ночью съ 18 на 19 мая появился на всѣхъ столбахъ „Высочайшій манифестъ“, въ которыхъ отъ имени Николая Послѣдняго повѣствуется объ его злодѣяніяхъ и преступленіяхъ противъ цѣлыхъ народовъ и отдѣльныхъ лицъ. Несмотря на старанія полиціи соскрести „манифестъ“, на взморьѣ онъ красовался цѣлый день.

Митава. Послѣ майской демонстраціи въ Митавѣ и окрестностяхъ распространено особое 1600 экз. воззваніе „Товарищи!“. Майская прокламація „Чего мы требуемъ“ распространена въ 4500 экз. Изъ нихъ 2000 въ Троицынъ день по окрестнымъ волостямъ.

Якобштатъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и на Пасхѣ было много обысковъ. Синіе мундиры на 20 подводахъ пріѣхали и обшарили всѣ окрестности. Обыскали около 60 крестьянскихъ усадебъ. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ обыскали всѣ усадьбы; не пожалѣли и крышъ сараевъ — и ихъ испытали въ вѣрности царю, не скрываютъ ли онѣ крамолу. Но, увы! все напрасно. Прокламаціи появляются все въ большемъ количествѣ, и чувство недовольства разгорается все ярче и ярче. Забитые батраки, и тѣ поднимаютъ свою голову.

Первая судебная расправа за всеобщую стачку. 14 іюня въ Керчи Одесской Судебной Палатой (съ участіемъ сословныхъ представителей) закончено дѣло о прошлогодней всеобщей забастовкѣ въ этомъ городѣ. Палата признала: крест. Никиту Щеботинца, мѣщ. Ивана Иконова, мѣщ. Акима Левченко, мѣщ. Григорія Бондарева, мѣщ. Моисея Альтшулера виновными по 2-ой ч. 269 ст. ул. о нак.; подсудимыхъ же мѣщ. Бенціона Борца, мѣщанъ: Вульфа Могильницкаго, Дм. Панченко, Самуила Гительмана, Афанасія Найденова, Карпа Кичиджіева, Янкеля Тригера, Илью Юниса, Павла Блюцарда, крест. Андрея Письменнаго, турецко-подданнаго Герасима Безеркіаниди виновными по 1-ой ч. 269 ст.

Приговорила: Щеботница, Иконова и Левченко лишить всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдать въ исправительное арестантское отдѣленіе на 4 года каждаго. Подсудимыхъ: Могильницкаго, Письменнаго, Борца, Панченко и Гительмана, по лишеніи тѣхъ же правъ, заключить въ тюрьму на 8 мѣсяцевъ каждаго. Подсудимыхъ же Бондарева, Альтшулера, Кичиджіева, Тригера, Безеркіаниди, Юниса и Блюцарда заключить въ тюрьму: Бондарева и Альтшулера на 3 года каждаго, а остальныхъ — на 2 мѣс. Подсудимые: кр. Ив. Лапува, поселянинъ Теминаръ Халилъ-Оглу и мѣщане Вульфъ Дранковъ и Гершъ Гройсъ оправданы.

Защищали: Куликовъ и Гонтаревъ изъ Харькова, Ледницкій изъ Москвы, Кануниковъ изъ Керчи и Александровъ изъ Екатеринослава. Другіе защитники изъ Москвы не могли явиться: у нихъ 17-го дѣло въ Тифлисѣ. Защита старалась доказать непримѣнимость 269 ст. (каторга). Прокуроръ, не произнося рѣчи, поддерживалъ обвиненіе по 269 ст. Хотя эта статья и была примѣнена, но не въ высшей мѣрѣ. Судъ примѣнилъ эту статью, повидимому, лишь потому, что это былъ первый процессъ по дѣлу прошлогодняго движенія: надо было установить прецедентъ. Свидѣтели же, даже со стороны обвиненія (офицера, командовавшіе ротами), указывали, что поведеніе толпы было корректное и спокойное: не будь массы войска и перваго трупа, не было бы и процесса.

Изъ Сибири пишутъ: въ дополненіе къ помѣщенной въ „Искрѣ“ хроникѣ обысковъ въ Красноярскѣ нужно добавить, что у фельдшерицы Прейсъ была найдена нелегальная литература. По распоряженію Иркутскаго Генералъ-губернатора, Прейсъ исключена изъ школы и привлечена къ дознанію при Жандармскомъ Управленіи.

Арестованные по дѣлу о взятыхъ 6-го сентября 1903 года въ Красноярскѣ типографіи Сибирскаго Союза и складѣ нелегальной литературы П. Миловидова, М. Келерманъ, Н. и С. Семененко (мужъ и жена), а также и Е. Бражникова (арестованные по тому же дѣлу позже) по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12-го мая преданы суду Иркутской Судебной Палаты. Время суда неизвѣстно.

Какъ извѣстно, раб. Михайловъ, сосланный по дѣлу нижегородской демонстраціи въ маѣ 1902 г. на вѣчное поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ, еще будучи въ Россіи, подалъ прошеніе на высочайшее имя о помилованіи. Оное было имъ получено уже въ Сибири, гдѣ онъ жилъ въ селѣ Ирбейскомъ, Канскаго уѣзда, Енисейской губ. Въ „Искрѣ“ сообщалось, что за свой поступокъ онъ получилъ публичную пощечину отъ товарища по дѣлу — Синевой.

Оставшись послѣ амнистіи въ Сибири, сей почтенный мужъ, изъ любви къ искусству, сталъ заниматься добровольнымъ шпіонствомъ и доносомъ на ссыльныхъ. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ нахальнѣе становилось его поведеніе въ этомъ отношеніи. Одно его столкновеніе съ мѣстными „политиками“ повело къ вооруженной самозащитѣ со стороны одного товарища, во время которой Михайловъ былъ легко раненъ, а двое товарищей М. Гуринъ (потомъ бѣжавшій изъ каталажки) и Мельцеръ были арестованы. Начальство поторопилось убрать Михайлова изъ села и онъ „по дѣламъ службы“ поѣхалъ въ Красноярскъ, гдѣ и поступилъ въ мѣстное желѣзнодорожное депо, какъ агентъ охраннаго отдѣленія.

Томскъ. Къ характеристикѣ полицейскихъ нравовъ.

31-го мая въ два часа утра двѣ дѣвушки возвращались изъ городского сада домой. Ихъ провожали. Не доходя квартала до дома, онѣ отпустили своихъ провожатыхъ, рѣшившись дойти однѣ. Но только что провожавшіе скрылись за угломъ, какъ вдругъ дѣвицы были остановлены двумя городовыми. Эти „молодцы“ приказали имъ идти за собою, угрожая въ противномъ случаѣ арестовать и тащить ихъ силою. Старшей — дѣвушкѣ 19 лѣтъ, — удалось какимъ-то способомъ отбиться и убѣжать. Но младшая — Рахиль Моисеевна Лаксъ, — дочь томскаго ремесленника, дѣвочка 15 лѣтъ — была затащена городовымъ (съ Тверской ул.) въ лѣсъ, гдѣ и изнасилована самымъ варварскимъ образомъ.

По жалобѣ отца пострадавшей возбуждено было дѣло, и негодяи скоро были отысканы. Изнасиловавшій оказался городовой *Свинцовъ*, другой городовой — ***Мышковъ***.

Какъ только слѣдователь энергично взялся за разслѣдованіе, на сцену выступили мѣстныя полицейскія власти, дѣлавшія все, что можно, лишь бы помѣшать выясненію виновниковъ преступленія. Особенно отличился въ этомъ смыслѣ приставъ четвертаго уч. ***Поляковъ*** и помощеймейстеръ *Аршауловъ*, просившій слѣдователя замять дѣло и не доводить до губернатора… На несчастье полиціи слѣдователь попался добросовѣстный, что въ Россіи случается рѣдко… Дѣло передано въ судъ. Мѣстный комитетъ выпустилъ по этому поводу листокъ: „Къ Томичамъ“. (№ 49.)

Въ разгаръ патріотическихъ бѣснованій, нѣкто *врачъ Валеріанъ Васильевъ*, напившись до-пьяна въ гостинницѣ „Россія“, подбитый пріятелями, вздумалъ послать телеграммы: одну — Куропаткину, другую — Николаю II. Содержаніе: почему де его не приглашаютъ на войну, вѣдь онъ числится въ запасѣ флота; видно позабыли, такъ онъ напоминаетъ. Отъ Куропаткина вскорѣ получился отвѣтъ телеграммой, — содержаніе, приблизительно, таково: „благодарю, съ такими сынами Россія не погибнетъ!“ — Итакъ, пьяный патріотизмъ, и тотъ — за неимѣніемъ трезваго — возбуждаетъ восторгъ въ самодержавныхъ слугахъ.

1903 годъ въ Новороссійскѣ. Въ концѣ 1902 г. очень небольшое число жившихъ въ Новороссійскѣ соціальдемократовъ завязали сношенія съ ремесленными рабочими. Фактъ сближенія съ ремесленниками, которыхъ въ городѣ наберется 2-3 сотни, въ то время, какъ въ этомъ же городѣ заводскихъ, желѣзнодорожныхъ и портовыхъ рабочихъ считается не менѣе семи тысячъ, объясняется не сознательно принятымъ на этотъ счетъ рѣшеніемъ, а просто случайностью. До 1902 г. никакой организаціи въ Новороссійскѣ не было и поэтому заводить знакомства съ рабочими соціальдемократамъ приходилось заново. И вотъ одинъ изъ нихъ совершенно случайно (на улицѣ) познакомился съ рабочимъ ремесленникомъ. Знакомство довольно скоро приняло характеръ товарищескихъ отношеній. Черезъ посредство этого рабочаго, также довольно скоро создался одинъ кружокъ ремесленниковъ, за нимъ другой, третій… и наличныя силы пропагандистовъ оказались исчерпанными.

Нелегальной литературы долгое время не было. Отсутствіе ея ставило пропагандистовъ въ чрезвычайно тяжелыя условія. Приходилось, съ одной стороны, учащать занятія, чтобы досугъ товарищей рабочихъ не пропадалъ безполезно (первое время сходились для занятій не рѣже двухъ разъ въ недѣлю, а если на недѣлѣ случались праздники, то занятія происходили каждый праздничный день). Съ другой стороны, приходилось, такъ сказать, собственной натурой замѣнять нелегальную литературу. Для достиженія этой послѣдней цѣли нужно было во 1) держать вниманіе товарищей во время собесѣдованій въ наивысшей степени напряженія и во 2) перечитывать всякую легальную дрянь въ видѣ газетъ, чтобы выкапывать оттуда что-нибудь такое, что могло бы быть использовано, какъ злободневная, животрепещущая новость, указывающая непремѣнно на ростъ соціальдемократическаго движенія и на приближеніе краха теперешняго политическаго режима. Требованія на такія новости были необыкновенны. Занятія велись и съ ремесленниками и съ ремесленницами. Только спустя 6½ мѣс. послѣ начала занятій удалось достать „нелегальщину“. Къ концу года товарищи одного кружка (въ другихъ прошли меньше) были ознакомлены съ основами научнаго соціализма, съ исторіей революціоннаго движенія въ Россіи, съ современными революціонными и оппозиціонными теченіями въ Россіи (соц.-революціонеры, анархисты, „освобожденцы“), съ государственнымъ устройствомъ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ странъ; они не дурно разбирались въ вопросахъ о террорѣ, о „кооперація хъ и соціализація“. Къ „Освобожденію“ обнаруживали прямо таки брезгливость. Пріѣхавшій изъ сосѣдняго города „языкастый“ сіонистъ-соціалистъ потерпѣлъ въ диспутѣ съ рабочими соціальдемократами полное крушеніе. Вообще, пропагандисты чувствовали большое удовлетвореніе. Являлась возможность расширить работу, и два товарища-рабочіе уже вели самостоятельныя занятія съ новыми рабочими. Но въ сентябрѣ случилось неожиданное несчастіе. Одинъ членъ кружка, рабочій, сдѣлался ренегатомъ. Хотя до предательства этотъ мерзавецъ не дошелъ, но среди обывателей языка за зубами держать и не думалъ, а это обстоятельство не могло не повліять задерживающимъ образомъ на дружную прежде работу.

Затѣмъ надо упомянуть о томъ, что у мѣстной группы была касса, наполнявшаяся исключительно членскими взносами. Деньги тратились на пріобрѣтеніе легальной литературы (нелегальную получали даромъ), на „красный крестъ“, на помощь стачечникамъ и вообще на „боевыя цѣли“. За годъ израсходовано до 50 рублей.

Среди ремесленниковъ въ теченіе года были распространены прокламаціи по поводу неисполненія губернаторомъ своего обѣщанія ввести 10-ти часовой рабочій день согласно 431 ст. Р. У. (обѣщаніе губернаторъ былъ вынужденъ сдѣлать въ отвѣтъ на прошеніе рабочихъ ремесленниковъ; подъ прошеніемъ было около 70 подписей). Затѣмъ распространялись: прокламаціи общаго характера (1 разъ), „Пауки и мухи“, „Рѣчь Гольдблата“

По мнѣнію Ленина только соціалиста-интеллигента благодаря врожденной шаткости и индивидуализму могутъ коробить столь неограниченная власть Центральнаго Комитета: настоящій же пролетарій, напротивъ того, уже въ силу своего революціоннаго классового инстинкта, долженъ испытывать нѣкоторое упоеніе всей этой строгостью, твердостью и удальствомъ (schneidigkeit) своего высшаго партійнаго начальства и, съ зажмуренными отъ удовольствія глазами, подвергать себя всяческимъ суровымъ операціямъ „партійной дисциплины“. „Бюрократизмъ versus демократизмъ“, говоритъ Ленинъ: „это и есть организаціонный принципъ революціонной соціальдемократіи по отношенію къ организаціонному принципу оппортунистовъ“ (стр. 151). Онъ настойчиво ссылается на то, что та же самая противоположность централистическихъ и автономистическихъ взглядовъ обнаруживается въ соціальдемократіи всѣхъ странъ, гдѣ только противостоятъ другъ другу революціонное и реформистское или ревизіонистское направленіе. Въ частности онъ оперируетъ съ примѣромъ недавнихъ событій въ нѣмецкой партіи и тѣхъ дебатовъ, которые разыгрались по вопросу объ автономіи избирательнаго округа. Уже по одному этому небезынтересно и не безполезно провѣрить Ленинскія параллели.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что усиленное подчеркиваніе природныхъ способностей пролетаріевъ къ соціальдемократической организаціи и заподазриваніе „интеллигентскихъ“ элементовъ соціальдемократическаго движенія, сами по себѣ еще не являются выраженіемъ „революціоннаго марксизма“; наоборотъ, столь же легко можно показать родство этихъ взглядовъ съ оппортунизмомъ.

Антагонизмъ между чисто пролетарскимъ элементомъ и непролетарской интеллигенціей — это именно тотъ общій идеологическій щитъ, подъ сѣнью котораго протягиваютъ другъ другу руки: французскій полуанархизмъ чистыхъ профессіоналистовъ, съ ихъ старымъ лозунгомъ „Mefiez vous de politiciens! (остерегайтесь политиковъ!) — англійскій трэд-юніонизмъ съ его недовѣріемъ къ соціалистическимъ „фантазерамъ“ и наконецъ, — если вѣрны наши свѣдѣнія, — и чистый „экономизмъ“ бывшей петербургской „Рабочей Мысли“ съ ея перенесеніемъ трэд-юніонистской узости въ самодержавную Россію.

Правда, до сихъ поръ въ практикѣ западно-европейской соціальдемократіи можно замѣтить несомнѣнную связь между оппортунизмомъ и интеллигентскими элементами, равно какъ, — между оппортунизмомъ и децентралистическими стремленіями въ организаціонномъ вопросѣ.

Но отрывать явленія отъ той конкретной исторической почвы, — на которой они возникаютъ, и вычеканивать изъ нихъ абстрактные шаблоны, претендующіе на всеобщее абсолютное значеніе, — значитъ, совершать величайшій грѣхъ противъ „Святого духа“ марксизма, именно — противъ его историко-діалектическаго метода мышленія.

Абстрактно разсуждая, можно только признать, что „интеллигентъ“, какъ элементъ, по своему происхожденію чуждый пролетаріату и вышедшій изъ буржуазіи, приходитъ къ соціализму не въ силу своего классового настроенія, а лишь вопреки ему, идеологическимъ путемъ; поэтому онъ болѣе предрасположенъ къ оппортунистическимъ шатаніямъ, чѣмъ сознательный пролетарій, которому его непосредственный классовой инстинктъ даетъ надежную революціонную опору, если только онъ не утратилъ живой связи со своей родной соціальной почвой, пролетарской массой. Однако, въ какой конкретной формѣ проявляется эта наклонность „интеллигента“ къ оппортунизму, и въ частности какъ именно осязательно выражается она въ организаціонныхъ тенденціяхъ, — это во всякомъ случаѣ зависитъ отъ конкретной соціальной среды даннаго общества.

Тѣ явленія въ жизни нѣмецкой, французской и итальянской соціальдемократіи, на которыя ссылается Ленинъ, выросли на вполнѣ опредѣленной соціальной почвѣ, именно на почвѣ буржуазнаго парламентаризма. И какъ вообще этотъ парламентаризмъ является специфической питательной средой для современныхъ оппортунистическихъ теченій въ западно-европейскомъ соціализмѣ, такъ въ частности изъ него же выростаютъ дезорганизаторскія тенденціи оппортунизма.

Парламентаризмъ не только лишь поддерживаетъ всѣ извѣстныя иллюзіи теперешняго оппортунизма: переоцѣнку значенія реформаторской работы, сотрудничества классовъ и партій, мирнаго развитія и т. д., какъ мы это видѣли во Франціи, Италіи, Германіи. Одновременно обособляя въ соціальдемократіи интеллигентовъ въ роли парламентскихъ дѣятелей отъ пролетарской массы и нѣкоторымъ образомъ возвышая ихъ надъ ней, онъ создаетъ почву, на которой эти иллюзіи могутъ практически проявляться. Наконецъ, съ ростомъ рабочаго движенія, парламентаризмъ превращаетъ его въ орудіе политической карьеры, дѣлая его такимъ образомъ прибѣжищемъ для буржуазныхъ честолюбцевъ и неудачниковъ.

Всѣми этими моментами опредѣляется и извѣстная склонность интеллигента оппортуниста западно-европейской соціальдемократіи къ дезорганизаціи и недисциплинированности.

Второй вполнѣ опредѣленной предпосылкой современнаго оппортунистическаго теченія является наличность уже высокоразвитого соціальдемократическаго движенія и, слѣдовательно, вліятельной соціальдемократической партійной организаціи. Послѣдняя служитъ, при такихъ условіяхъ, тѣмъ оплотомъ революціоннаго класового движенія противъ буржуазно-парламентарныхъ тенденцій, который необходимо разрушить, разстроить, чтобы плотное, активное ядро пролетаріата снова растворить въ аморфной массѣ избирателей.

Такъ возникаютъ исторически выросшія и отлично приспособленныя къ извѣстнымъ политическимъ цѣлямъ „автономистическія“ и децентралистическія тенденціи современнаго оппортунизма; и потому эти тенденціи должны быть объясняемы не врожденной распущенностью и „хлюпкостью“ „интеллигента“, какъ полагаетъ Ленинъ, а потребностями буржуазнаго парламентскаго дѣятеля, не психологіей „интеллигента“, а политикой оппортуниста.

Въ существенно иномъ видѣ представляется дѣло въ самодержавной Россіи, гдѣ оппортюнизмъ въ рабочемъ движеніи является вообще продуктомъ не сильнаго роста соціальдемократіи и разложенія буржуазнаго общества, какъ на западѣ, а, наоборотъ, политической отсталости этого общества.

Та среда, изъ которой въ Россіи вербуются соціалисты интеллигенты, имѣетъ, разумѣется, гораздо менѣе опредѣленный классовой характеръ, гораздо болѣе деклассирована въ точномъ смыслѣ этого слова, чѣмъ западно-европейская интеллигенція. Правда, — въ связи съ юностью пролетарскаго движенія въ Россіи — это, вообще говоря, даетъ значительно большій просторъ теоретической неустойчивости и оппортюнистическимъ шатаніямъ, которыя приводятъ то къ полному отрицанію политической стороны рабочаго движенія, то, наоборотъ, къ обратной вѣрѣ во всеспасительность террора, — и, наконецъ, къ политическому успокоенію въ болотахъ либерализма и къ „философскому“ — въ тинѣ кантовскаго идеализма.

Однако, для возникновенія специфической активной склонности къ дезорганизаціи отсутствуетъ, по нашему мнѣнію, у „интеллигента“ соціальдемократа не только положительная точка опоры въ видѣ буржуазнаго парламентаризма, но и подходящая соціально-психическая среда. Современный западно-европейскій интеллигентъ, который отдается культу своего пресловутаго „я“ и эту „мораль господъ“ тащитъ за собой въ міръ соціалистической борьбы и мысли, это типъ не буржуазной интеллигенціи вообще, а лишь одной опредѣленной фазы ея развитія, — это продуктъ буржуазіи, клонящейся къ упадку, гніющей, застывшей уже въ порочномъ кругу своего классового господства. Напротивъ того, утопическія и оппортюнистическія фантазіи русскихъ „интеллигентовъ“ соціалистовъ обнаруживаютъ скорѣе склонность принимать противоположныя теоретическія формы: самоотреченія, самобичеванія. Вѣдь было же „хожденіе въ народъ“, т. е. обязательное преображеніе интеллигента въ крестьянина, для старыхъ „народниковъ“ такимъ же продуктомъ беззавѣтной интеллигентской рѣшимости, какъ недавній грубый культъ „мозолистаго кулака“ для послѣдователей чистаго „экономизма“.

Совершенно иной результатъ получается, если рѣшать вопросъ о формахъ организаціи не путемъ механическаго перенесенія готовыхъ шаблоновъ изъ Западной Европы въ Россію, а изслѣдованіемъ данныхъ конкретныхъ русскихъ условій. Приписывать оппортюнизму, какъ это дѣлаетъ Ленинъ, постоянную привязанность къ какой-нибудь опредѣленной формѣ организаціи, — скажемъ децентрализаціи, — значитъ, во всякомъ случаѣ, не знать его внутренней природы.

Оппортюнизмъ, въ качествѣ таковаго, и въ организаціонномъ вопросѣ знаетъ единственный принципъ — безпринципность. Свои средства онъ всегда выбираетъ, сообразуясь съ обстоятельствами, лишь бы они соотвѣтствовали преслѣдуемымъ имъ цѣлямъ.

И если мы, заодно съ Ленинымъ, формулируемъ оппортюнизмъ, какъ стремленіе парализовать самостоятельное, революціонное классовое движеніе пролетаріата и сдѣлать его орудіемъ властолюбія буржуазной интеллигенціи, то въ *начальныхъ стадіяхъ* рабочаго движенія, эта цѣль скорѣе всего достигается не децентрализаціей, а именно строгой *централизаціей*, которая малосознательное еще пролетарское движеніе выдаетъ съ головой кучкѣ вождей-интеллигентовъ. Характерно то, что и въ Германіи *въ началѣ* соціальдемократическаго движенія, когда не выработалось еще ни сильнаго ядра сознательныхъ пролетаріевъ, ни испытанной соціальдемократической тактики, обѣ организаціонныя тенденціи имѣли своихъ представителей: крайній

„Извѣщеніе о II съѣздѣ". Кромѣ того, отдѣльныя брошюрки разбрасывались по мастерскимъ. Всѣ эти произведенія нелегальной печати читались рабочими съ захватывающимъ интересомъ. Были среди года двѣ стачки: одна у всѣхъ портныхъ, требовали повышенія поштучной платы *на 100%* и добились желаемаго; другая — въ одной портняжной мастерской, также успѣшно окончившаяся. Кромѣ пропаганды среди ремесленниковъ, соц.-дем. велись занятія съ отдѣльными лицами съ цѣлью подготовить товарищей, могущихъ вести работу среди заводскихъ рабочихъ. Къ этимъ послѣднимъ въ теченіе года обращались съ прокламаціями нѣсколько разъ. Были прокламаціи по поводу неудачной въ ноябрѣ 1902 года стачки, съ выясненіемъ причинъ ея неудачи, съ указаніемъ на необходимость готовиться къ новой стачкѣ и на то, какъ именно слѣдуетъ *готовиться*. Другія прокламаціи говорили о положеніи пролетаріата въ капиталистическомъ обществѣ, объ его исторической роли и призывали рабочихъ примыкать къ борющейся революціонной соціальдемократіи. Распространялись также брошюрки.

Арестованы въ теченіе года были рабочіе Первушинъ, Кривошеинъ, Ерохинъ и интеллигентъ Гогвадзе; было произведено нѣсколько обысковъ.

Для характеристики настроенія заводскихъ и портовыхъ рабочихъ передамъ слѣдующій фактъ. Однажды человѣкъ 90 рабочихъ попросили, чтобы къ нимъ „явились соц.-дем. и организовали бы" ихъ. Когда соц.-дем. пришли къ нимъ на собраніе то они, прослушавъ рѣчь соц.-дем. рабочаго, предложили сейчасъ же дать 50 руб. на литературу и требовали указать средства *для немедленнаго* ниспроверженія существующаго государственнаго строя и для торжества соціализма!! Вслѣдствіе отсутствія интеллигентныхъ силъ, эта сотня осталась почти неиспользованной... Имѣя въ виду, что въ Новороссійскѣ находится очень много рабочихъ, что условія, при которыхъ имъ приходится жить и работать, страшно тяжелыя, что рабочіе въ высокой степени озлоблены и противъ капиталистовъ и противъ администраціи, обнаружившей передъ ними не разъ свою гнусную лживость, что, затѣмъ, въ Новороссійскѣ есть элеваторъ (2-ой въ мірѣ), и стачка элеваторныхъ рабочихъ означала бы потрясеніе значительной части внутренняго рынка юго-восточной Россіи, отправляющей черезъ Новороссійскъ за-границу свой хлѣбъ, что въ этомъ городѣ имѣется незамерзающій портъ, въ который приходитъ очень большое число иностранныхъ пароходовъ, и стачка портовыхъ рабочихъ грузчиковъ, вынуждая экспортныя фирмы платить *громадныя* тысячи въ видѣ неустойки за промедленіе въ нагрузкѣ пароходовъ, является грознымъ оружіемъ для враговъ рабочихъ въ рукахъ рабочихъ, которыхъ теперь друзья Левитскаго превращаютъ въ орудіе для набиванія деньгами кармановъ капиталистовъ, превращаютъ тѣмъ, что соединяютъ ихъ въ артели съ круговой порукой за своевременную погрузку товаровъ въ пароходы (такъ называемыя артели стивидоровъ); опираясь, наконецъ, кромѣ этихъ и другихъ объективныхъ данныхъ, на опытъ работающихъ въ Новороссійскѣ товарищей, глубоко убѣжденныхъ въ продуктивности работы тамъ, я *настойчиво* рекомендую товарищамъ не забывать этого пункта.

30 мая 1904 года. Прохожая.

СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ

Весеннія рабочія демонстраціи. Убійство Бобрикова. Протестъ студентовъ и др. Призывъ новобранцевъ. Аресты. Грабежъ финскаго народа и пр. и пр. и пр.

Недавно Финляндія снова обратила на себя вниманіе всего цивилизованнаго міра: 16 іюня (нов. ст.) палъ, отъ руки самоотверженнаго финляндскаго патріота, въ самомъ зданіи сената оберъ-палачъ Финляндіи Бобриковъ. Подробныя трогательныя сообщенія — „оффиціальныя" и „неоффиціальныя" („Новое Время", „Моск. Вѣд." и пр.) — о послѣднихъ минутахъ сатрапа, его похоронахъ и т. д. извѣстны уже давно всѣмъ и каждому, но тѣмъ не менѣе мы желаемъ отчасти „дополнить", а отчасти „исправить" ихъ на основаніи самыхъ точныхъ и достовѣрныхъ источниковъ. Немного раньше 5 іюня (н. ст.) въ Финляндіи произошло другое еще болѣе важное событіе, которое абсолютно незнакомо читателямъ нашихъ легальныхъ газетъ, да и иностранная печать, за исключеніемъ скандинавской, врядъ ли удѣлила ему заслуженное вниманіе. Мы имѣемъ въ виду внушительный протестъ многихъ тысячъ финляндскихъ рабочихъ — ихъ резолюцію, единогласно принятую въ разныхъ мѣстностяхъ Финляндіи на іюньскихъ соціалистическихъ демонстраціяхъ. 5 іюня 1904 г., безспорно, навсегда останется достопамятнымъ днемъ въ исторіи, не только финляндскаго рабочаго движенія, но и всей освободительной борьбы съ россійскимъ самодержавіемъ: въ этотъ день тысячи нашихъ финскихъ товарищей впервые открыто произнесли свой строгій, но и правый судъ надъ всей преступной системой русскаго правительства — этой шайкой бандитовъ.

Грандіозныя рабочія демонстраціи съ музыкой, красными знаменами и соціалистическими рѣчами сами по себѣ не новинка въ Финляндіи. Годъ тому назадъ мы описывали іюньскія демонстраціи финскихъ рабочихъ, но до сихъ поръ всѣ онѣ отличались „легальнымъ" характеромъ, такъ какъ на нихъ произносились лишь рѣчи на дозволенныя темы: говорилось обыкновенно о 8-час. рабочемъ днѣ, общемъ избирательномъ правѣ и задачахъ соціализма и въ нынѣшнемъ году, какъ два раза раньше, особенно грандіозной была демонстрація въ Гельсингфорсѣ. По словамъ легальной рабочей газеты въ процессіи участвовало 63 различныхъ рабочихъ, мужскихъ и женскихъ профессіональныхъ, юношескихъ, обществъ трезвости и др. — союзовъ съ 32 знаменами и съ нѣсколькими оркестрами. Рабочіе, работницы и дѣти въ своихъ праздничныхъ платьяхъ съ красными демонстраціонными значками торжественно подвигались по главнымъ улицамъ города къ цѣли своего шествія — въ ближайшій лѣсъ. Многочисленные распорядители выдѣлялись своими большими красными шарфами. За городомъ начала играть музыка и раздалось пѣніе, такъ какъ въ городѣ это было запрещено полиціей, которая въ Гельсингфорсѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, за исключеніемъ Або, гдѣ совершенно была запрещена въ послѣднюю минуту демонстрація, Выборга и Гаммерфорса, гдѣ было запрещено *произнесеніе рѣчей*, „милостиво разрѣшила" демонстрацію, тогда какъ представители рабочихъ союзовъ лишь *заявили* о предстоящихъ демонстраціяхъ. Уже эта „снисходительность" властей доказываетъ силу рабочаго класса, съ организаціями котораго вынуждены считаться русскіе ташкенцы. На мѣстѣ гельсингфорскаго рабочаго праздника собралось до 10 000 чел., въ томъ числѣ много интеллигенціи. *По окончаніи* „оффиціальной", т. е. разрѣшенной программы, состоящей въ рѣчахъ на шведскомъ и финскомъ языкахъ, декламированіи и музыкальномъ исполненіи соціалистическихъ произведеній, на каѳедру, украшенную знаменами, вдругъ всходитъ молодой рабочій и громко и внятно по фински предлагаетъ резолюцію, которую съ восторгомъ принимаетъ десяти-тысячное *собраніе*. Во время чтенія постоянно раздаются изъ устъ тысячъ присутствующихъ одобрительные возгласы и гремятъ апплодисменты. Такого энтузіазма не вызвала ни одна рѣчь, хотя было произнесено не мало превосходныхъ рѣчей, пока ораторъ мужественно читалъ резолюцію, текстъ ея, напечатанный на обоихъ языкахъ, во многихъ тысячахъ экземпляровъ искусно разбрасывался среди слушателей.

Намъ приходится пожалѣть лишь о томъ, что въ этой превосходной резолюціи нѣтъ указанія на связь между борьбой финляндскаго и русскаго пролетаріата съ нашимъ общимъ заклятымъ врагомъ — россійскимъ самодержавіемъ. Но не слѣдуетъ забывать, что это первый шагъ нашихъ финскихъ товарищей по новому пути; за нимъ, несомнѣнно, послѣдуютъ многіе еще болѣе *опредѣленные и общіе* протесты.

Что же дѣлала полиція во время чтенія и распространенія протеста? Она... бездѣйствовала!!

На рабочемъ праздникѣ было много явныхъ и тайныхъ держимордъ, но они оказались, разумѣется, совершенно безсильными передъ такимъ единодушіемъ рабочихъ массъ. Въ этомъ безсиліи откровенно и сознался, по словамъ „Fria Ord", одинъ изъ главныхъ заправилъ нынѣшней разбойничьей гельсингфорской полиціи — коммисаръ Андросовъ. Одинъ городовой спросилъ у него, не арестовать ли оратора. „Мы слишкомъ малочисленны", былъ отвѣтъ начальника. — „Не вызвать ли намъ, въ такомъ случаѣ, казаковъ?" — „Нѣтъ, пока они явятся сюда, эта толпа убьетъ насъ". Такое же безсиліе передъ народнымъ энтузіазмомъ высказали власти и 5 февраля (нов. ст.) — въ столѣтнюю годовщину со дня рожденія національнаго поэта Рунеберга. Тогда сама полиція убѣдила нѣсколько наивныхъ человѣкъ обратиться съ „ходатайствомъ" объ иллюминаціи къ „губернатору" Кайгородову, который за недѣлю до праздника, во всѣхъ газетахъ опубликовалъ *запрещеніе* всякихъ публичныхъ чествованій, кромѣ празднованія... царскихъ дней. И, дѣйствительно, 5 февраля никакая полиція въ мірѣ не могла бы воспрепятствовать *всѣмъ* финляндцамъ праздновать свой національный праздникъ.

Своимъ могучимъ протестомъ въ Гельсингфорсѣ и въ другихъ мѣстахъ финскіе рабочіе 5 іюня разъ навсегда опровергли часто возводимыя на нихъ буржуазіей обвиненія въ „непатріотичности" организованныхъ рабочихъ. Подобные упреки особенно часто раздавались въ началѣ разгрома Финляндіи, и иногда рабочіе союзы и газеты, дѣйствительно, подавали нѣкоторый поводъ.

Когда демонстранты разошлись чинно по домамъ, полиція бросилась ловить храбраго оратора, арестовала одного субъекта, осмѣлившагося говорить *„безъ разрѣшенія"*, нѣсколько разъ вызывала распорядителей на допросы, но все дѣлала совершенно зря, такъ какъ главный „зачинщикъ" — ораторъ — во время скрылся и очутился заграницей, а оффиціальные организаторы демонстраціи на самомъ дѣлѣ не были посвящены въ этотъ планъ. Даже финскій органъ рабочей партіи отказывался отъ солидарности съ поступками отдѣльныхъ лицъ, за которые, молъ, не можетъ отвѣчать партія. Осужденіе же этого народнаго протеста органомъ младо-фенноманской партіи вызвало, въ свою очередь, рѣзкій протестъ, опубликованный въ „Fria Ord". Вообще подобная „дипломатія", пускаемая въ ходъ для „спасенія" того или другого учрежденія, начинаетъ встрѣчать все болѣе и болѣе строгое осужденіе со стороны оппозиціонныхъ элементовъ. Теперь сообщимъ нѣкоторыя неизвѣстныя читателямъ подробности, относящіяся къ убійству Бобрикова. Сенатъ немедленно послѣ выстрѣловъ былъ оцѣпленъ полиціей и всѣ находящіяся въ немъ лица переписаны, такъ какъ перепуганнымъ властямъ началъ мерещиться „заговоръ". Фактически же Шауманъ, убившій Бобрикова, не имѣлъ никакихъ абсолютно помощниковъ, что немедленно и выяснилось. Онъ дѣйствовалъ совершенно по своей иниціативѣ и на свой рискъ.

Полиція, несмотря на очевидное отсутствіе соучастниковъ въ „преступленіи", произвела массу самыхъ нелѣпыхъ обысковъ и арестовъ. Число послѣднихъ, по слухамъ, достигаетъ 200. „Арестанты" распадаются на двѣ категоріи: 1) на мнимыхъ сообщниковъ, 2) лицъ, выразившихъ свою радость по случаю смерти сатрапа или симпатіи Шауману. Несмотря на все желаніе полиціи создать крупное „дѣло", ей приходится быстро выпускать всѣхъ „преступниковъ" за отсутствіемъ всякихъ уликъ. Городовые, врываясь въ квартиры мирныхъ гражданъ, держали въ рукахъ револьверы. Шаумана полиція похоронила ночью, на кладбищѣ позволили присутствовать лишь его старому отцу — бывшему сенатору, тайному совѣтнику, и сестрамъ. „Блюстители порядка" старались скрыть могилу Шаумана, сравнявъ ее съ землей; всетаки многіе отправлялись къ ней съ вѣнками, но стоящая у нея стража арестуетъ всѣхъ почитателей покойнаго. Насколько нелѣпы были увѣренія Бобрикова, что народъ „доволенъ" его политикой, что [illegible] финской націи принадлежитъ къ „довольнымъ" („Новое Время"), доказываетъ, кромѣ упомянутой резолюціи рабочихъ, еще и то обстоятельство, что въ числѣ арестованныхъ за сочувствіе Шауману лицъ много крестьянъ и рабочихъ. Вотъ и славное довольство! Нѣтъ, вся Финляндія, отъ всей души ненавидѣла Бобрикова, хотя никто не ожидалъ такого исхода.

ВОПРОСЫ ТРУДА.

Кое-что объ условіяхъ жизни иваново-вознесенскихъ рабочихъ.

Въ № 19 нашей газеты (апрѣль 1902 г.) въ корреспонденціи изъ Иваново-Вознесенска былъ описанъ слѣдующій случай, происшедшій на фабрикѣ насл. Полушиныхъ:

„Одна работница очень сильно захворала; она не одинъ разъ заявляла о своей болѣзни и просила отпуска — поправиться здоровьемъ, но получала отказъ. Когда однажды, уже совсѣмъ больная, она обратилась съ тою же просьбой, ей пригрозили разсчетомъ. На слова, что нечѣмъ кормиться, былъ короткій отвѣтъ:

„Чортъ бы тебя ободралъ, дохни.

„Шатаясь, пошла она съ фабрики, но, задыхаясь, сѣла на лавку, а минутъ черезъ пять умерла; объ этомъ доложили табельщику. Тотъ, испугавшись, тотчасъ же оповѣстилъ всю заводскую администрацію, и вотъ собравшаяся стая, съ цѣлью выгородить себя изъ этой исторіи, придумала гнусную вещь: написала отпускъ для лѣченья, положила его въ карманъ покойницы и отправила ее въ больницу."

Этотъ фактъ, разсказанный самъ по себѣ, производитъ впечатлѣніе возмутительнаго преступленія, исключительной, случайной жестокости.

Но это не такъ.

Его значеніе можетъ быть понято только тогда, когда мы разсмотримъ въ общемъ и цѣломъ обстановку жизни иваново-вознесенскихъ рабочихъ.

Пользуясь оффиціальными данными „Отчета за 1902 г. о числѣ фабрикъ въ Иваново-Вознесенскѣ съ указаніемъ количества работающихъ на нихъ и числѣ заболѣваній по родамъ болѣзни"[1], мы возстановимъ хотя отчасти картину ихъ жизни, — и читатель пойметъ, что палачи — слуги господъ Полушиныхъ, замучивши несчастную дѣвушку работницу, не совершили преступленія противъ закона, царящаго на фабрикѣ.

---

[1] Помѣщенъ въ „Сѣверномъ Краѣ", № 126 отъ 15 мая 1904 г.

централизмъ — въ лицѣ Лассальянскаго всеобщаго нѣмецкаго рабочаго союза, и, наоборотъ, автономизмъ — въ лицѣ Эйзенахцевъ. При всей признанной принципіальной расплывчатости тактики Эйзенахцевъ, она вызвала значительно большее активное участіе пролетарскихъ элементовъ въ духовной жизни партіи, большую иниціативность самихъ рабочихъ — доказательствомъ можетъ служить, между прочимъ, быстрый ростъ провинціальной прессы у этой фракціи — вообще гораздо больше развила здоровое стремленіе къ росту *вширь*, чѣмъ это удавалось сдѣлать Лассальянцамъ, которые, несмотря на всѣ свои опыты съ „диктаторами", приходили неизбѣжно къ все болѣе плачевнымъ результатамъ.

Вообще нетрудно показать, что при условіяхъ, когда революціонная часть рабочей массы еще не сплочена, само движеніе еще шатко, словомъ, — при условіяхъ, подобныхъ современнымъ русскимъ, какъ разъ строгій, деспотическій централизмъ и является специфической организаціонной тенденціей, характерной для интеллигентскаго оппортунизма. Точно такъ же, какъ въ позднѣйшей стадіи — при наличности парламентской среды и передъ лицомъ сильной, крѣпко сплоченной рабочей партіи — соотвѣтственная тенденція интеллигентскаго оппортунизма выражается, наоборотъ, въ *децентрализаціи*.

Именно съ точки зрѣнія Ленинской боязни пагубнаго вліянія интеллигенціи на пролетарское движеніе, его собственные организаціонные взгляды крайне опасны для русской соціальдемократіи.

На самомъ дѣлѣ, ничто такъ легко и вѣрно не порабощаетъ еще юнаго рабочаго движенія властолюбивой интеллигенціи, какъ сковываніе его панцыремъ бюрократическаго централизма[1], принижающаго борющійся пролетаріатъ до роли послушнаго орудія въ рукахъ „комитета".

И, наоборотъ, ничто такъ не застраховываетъ рабочаго движенія отъ всякихъ оппортунистическихъ злоупотребленій со стороны честолюбивой интеллигенціи, какъ революціонная самодѣятельность пролетаріата, какъ повышеніе въ немъ чувства политической отвѣтственности.

И, въ самомъ дѣлѣ, призракъ, который сегодня лишь грезится Ленину, завтра легко можетъ стать реальной дѣйствительностью.

Не будемъ забывать, что революція, канунъ которой мы переживаемъ въ Россіи, — не пролетарская, а буржуазная революція, которая сильно измѣнитъ всю обстановку соціальдемократической борьбы. Тогда и русская интеллигенція очень быстро пропитается ясно выраженнымъ буржуазно-классовымъ содержаніемъ. Если сегодня соціальдемократія является единственной руководительницей русской рабочей массы, то на другой день послѣ революціи буржуазія, и прежде всего ея интеллигенція, естественно будетъ стремиться превратить массу въ пьедесталъ своего парламентскаго владычества.

Чѣмъ менѣе въ переживаемый періодъ борьбы будетъ развиваться самодѣятельность, свободная иниціатива, политическій смыслъ наиболѣе зашевелившагося слоя рабочихъ, чѣмъ болѣе ихъ будетъ водить на помочахъ и муштровать соціальдемократическій Ц. К., тѣмъ легче будетъ игра буржуазныхъ демагоговъ въ обновленной Россіи, тѣмъ вѣрнѣе жатва сегодняшнихъ трудовъ соціальдемократіи попадетъ завтра въ амбары буржуазіи. И, прежде всего, въ корнѣ ошибочна сама основная мысль ультрацентрализма — преградить оппортунизму доступъ въ рабочее движеніе при помощи организаціоннаго устава.

Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ послѣднихъ событій во французской, итальянской и германской соціальдемократіи, и русскіе соціальдемократы, очевидно, стали склонны смотрѣть на оппортунизмъ вообще, какъ на примѣсь, чуждую самому пролетарскому движенію и приносимую въ рабочее движеніе лишь извнѣ буржуазно-демократическими элементами. Если бы это было и такъ, уставныя организаціонныя рамки сами по себѣ были бы совершенно безсильны противъ вторженія элементовъ оппортунизма. Разъ массовой притокъ не-пролетарскихъ элементовъ въ соціальдемократію является слѣдствіемъ такихъ глубокихъ соціальныхъ причинъ, какъ быстрое экономическое крушеніе мелкой буржуазіи и еще болѣе быстрое политическое крушеніе буржуазнаго либерализма, отмираніе буржуазной демократіи, то — наивная иллюзія воображать, будто той или иной формулировкой партійнаго устава можно создать плотину противъ бурнаго напора этой волны. Параграфами можно подчинять себѣ жизнь лишь небольшихъ сектъ и частныхъ обществъ, историческія же теченія всегда умѣли пробиваться сквозь самые хитрые параграфы. Кромѣ того, весьма ошибочна и самая мысль, будто въ интересахъ рабочаго класса преграждать массовый притокъ элементовъ, выдѣляемыхъ прогрессивно-разлагающимся буржуазнымъ обществомъ. Положеніе, что соціальдемократія, классовая представительница пролетаріата, является вмѣстѣ съ тѣмъ представительницей всей совокупности прогрессивныхъ интересовъ общества и интересовъ всѣхъ страдающихъ и угнетенныхъ буржуазнымъ общественнымъ строемъ — не должно понимать лишь въ такомъ смыслѣ, что всѣ эти интересы идейно обнимаются программой соціальдемократіи. Это положеніе воплощается въ дѣйствительность въ формѣ историческаго развитія, въ силу котораго соціальдемократія, какъ *политическая партія*, становится все болѣе и болѣе прибѣжищемъ самыхъ разнообразныхъ недовольныхъ элементовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ — дѣйствительной партіей всего народа противъ ничтожнаго меньшинства господствующей буржуазіи. Нужно только, чтобы соціальдемократія умѣла всѣ непосредственныя печали и надежды этой пестрой, бѣгущей за нею толпы неизмѣнно подчинять конечнымъ цѣлямъ рабочаго класса, духъ не-пролетарской оппозиціи ввести въ рамки революціоннаго пролетарскаго дѣйствія, словомъ, чтобы она умѣла ассимилировать притекающіе къ ней элементы, переварить ихъ. Послѣднее же возможно только тамъ, гдѣ, какъ до нынѣ въ Германіи, тонъ въ соціальдемократіи уже задаетъ сильное, политически воспитанное пролетарское ядро, достаточно сознательное для того, чтобы взять на революціонный буксиръ притекающіе къ партіи деклассированные и мелкобуржуазные элементы. Въ этомъ случаѣ и болѣе строгое проведеніе централистическаго принципа въ организаціонномъ уставѣ и болѣе суровая формулировка партійной дисциплины въ его параграфахъ весьма цѣлесообразны въ качествѣ плотины противъ оппортунистическихъ теченій. При этихъ условіяхъ организаціонный уставъ несомнѣнно можетъ служить орудіемъ въ борьбѣ съ оппортунизмомъ, какъ онъ и послужилъ на самомъ дѣлѣ французской революціонной соціальдемократіи орудіемъ противъ натиска жоресистской мѣшанины; въ этомъ же смыслѣ сталъ теперь необходимъ пересмотръ нѣмецкаго партійнаго устава въ этомъ направленіи. Но и въ этомъ случаѣ партійный уставъ долженъ быть не какимъ то самодовлѣющимъ оружіемъ для борьбы съ оппортунизмомъ, а лишь послѣднимъ принудительнымъ средствомъ для приведенія въ исполненіе руководящей воли фактически имѣющагося на лицо революціоннаго пролетарскаго большинства партіи. Если такого большинства еще нѣтъ, никакіе, самые суровые бумажные параграфы не замѣнятъ его.

Однако, этотъ наплывъ буржуазныхъ элементовъ, какъ сказано, далеко не является единственнымъ источникомъ оппортунистическихъ теченій въ соціальдемократіи. Напротивъ того, другой источникъ заключается въ сущности самой соціальдемократической борьбы, въ ея внутреннихъ противорѣчіяхъ. Всемірно-историческое движеніе пролетаріата къ побѣдѣ есть процессъ, особенность котораго заключается въ томъ, что здѣсь впервые въ исторіи народныя массы сами и вопреки всѣмъ господствующимъ классамъ выполняютъ свою волю, но осуществленіе этой воли должны перенести по ту сторону современнаго общества, за его предѣлы. Но съ другой стороны, выработать въ себѣ эту *волю* массы могутъ лишь въ повседневной борьбѣ съ существующимъ порядкомъ, т. е. только въ его рамкахъ. Широкая народная масса съ одной стороны, и цѣль, выходящая за предѣлы всего существующаго порядка, съ другой, повседневная борьба и революціонный переворотъ, — таково діалектическое противорѣчіе соціальдемократическаго движенія; и отсюда вытекаетъ для него необходимость на протяженіи всего своего развитія пробиваться впередъ межъ двухъ подводныхъ камней: между утратой массового характера и отказомъ отъ конечной цѣли, между возвращеніемъ къ состоянію секты и превращеніемъ въ буржуазное реформистское движеніе.

Поэтому совершенно неисторической иллюзіей является мысль, будто разъ на всегда можетъ быть обезпечено революціонное направленіе соціальдемократической тактики, что разъ на всегда рабочее движеніе можетъ быть застраховано отъ оппортунистическихъ шатаній. Правда, ученіе Маркса даетъ непреоборимое оружіе противъ всѣхъ основныхъ типовъ оппортунистической мысли. Но такъ какъ соціальдемократическое движеніе есть массовое движеніе, и угрожающіе ему подобные камни порождаются не людскими измышленіями, а общественными условіями, то нельзя заранѣе предотвратить возможность оппортунистическихъ шатаній; лишь само движеніе можетъ преодолѣть ихъ — конечно, съ помощью оружія, даваемаго марксизмомъ — послѣ того, какъ они приняли на практикѣ осязательную форму. Разсматриваемый подъ этимъ угломъ зрѣнія, оппортунизмъ представляется продуктомъ и самого рабочаго движенія, неизбѣжнымъ моментомъ его историческаго развитія. Именно въ Рос-

---

[1] *Прим. ред.* Neue Zeit. Въ Англіи именно фабіанцы, особенно Веббы, являются самыми рьяными сторонниками бюрократической централизаціи и противниками демократическихъ формъ организаціи.

Этотъ законъ гласитъ „смерть пролетаріямъ!“ — и табельщикъ, и вся заводская администрація были его исполнителями.

Посмотрите отчетъ. По его *оффиціальнымъ* даннымъ, на 27.316 рабочихъ Иваново-Вознесенска въ 1902 г. пришлось 103.662 случая болѣзни.

Слѣдовательно, на одного рабочаго 3,8 разъ въ годъ, слѣдовательно, каждый рабочій этого города болѣлъ черезъ каждые три мѣсяца. Каждые три мѣсяца фабрика настолько расшатывала его организмъ, что онъ долженъ былъ прибѣгать къ помощи врача.

Отчетъ дѣлаетъ скромную оговорку, что „продолжительныя, тяжелыя заболѣванія, требующія коечнаго лѣченія, не вошли въ нашу таблицу“.

А легкія заболѣванія, хрипота въ горлѣ, насморкъ, общее недомоганіе, зубная, головная боли — всѣ тѣ случаи, въ которыхъ авторы отчета зовутъ къ себѣ доктора — можетъ быть, эти случаи вошли въ вашу таблицу, можетъ быть, они, увеличивая число заболѣваній, дѣлаютъ картину слишкомъ мрачной?

Кто хоть поверхностно, хоть по слухамъ, по двумъ-тремъ разсказамъ знакомъ съ фабричною жизнью, знаетъ, въ *какихъ* случаяхъ обращается рабочій къ помощи врача!

Не желая терять рабочаго времени, не желая лишній разъ нарываться на грубость мастера, которою всегда сопровождается отпускъ къ врачу — рабочій перемогается, сколько можетъ.

Получивъ иногда довольно глубокій порѣзъ — онъ наскоро обматываетъ его тряпкой — лишь бы не текла кровь! — и продолжаетъ работу. Рана засаривается, начинаетъ гнить — и черезъ два-три дня онъ идетъ къ врачу, который часто даже и не осмотритъ внимательно — дастъ свинцовой примочки, цинковой мази — чего-нибудь въ этомъ родѣ.

Зарегистрированные отчетомъ заболѣванія, не включая въ свои числа болѣзней тяжелыхъ (о смертныхъ случаяхъ въ этомъ отчетѣ нѣтъ ни одного слова) представляютъ *норму* страданій, въ которыхъ протекаетъ жизнь иваново-вознесенскаго пролетаріата.

Всѣ заболѣванія указаны по родамъ. 24 столбца цыфръ отмѣчаютъ число 24 родовъ пытки, которой подвергаетъ фабрика своего раба.

Я раздѣлю ихъ на четыре класса, по той зависимости, въ которой находится ихъ происхожденіе отъ условій труда.

Къ первому классу я отношу травмы (пораненія), глазныя болѣзни, происходящія отъ пыли, засаривающей глаза, и ушныя — вслѣдствіе безпрерывнаго стука машинъ, — виды страданія, причиняемыя машиною рабочему непосредственно.

Общее количество травматическихъ пораненій составляло въ 1902 г. 9858 случаевъ.[1]

А какъ они происходятъ? Это достаточно ярко показываетъ корреспонденція, полученная нами на дняхъ изъ Иваново-Вознесенска.

„На ситцевую фабрику Никона Гарелина С-вей нанялся мальчикъ въ отдѣленіе крахмальныхъ барабановъ. Учить новичковъ обращаться съ машиною лежитъ на обязанности завѣдующаго отдѣленіемъ, Сергѣя Жохова, и онъ исполнялъ ее, стращая мальчика штрафами и разсчетами, ругая непечатными словами.

„У мальчика стала загибаться кромка, и онъ, боясь штрафа, разсчета, полѣзъ отгибать ее рукою. Ему оторвало напрочь, по первые суставы, два пальца. А Сергѣй Жоховъ, угрозою прогнать съ фабрики, заставилъ мальчиковъ, работающихъ въ его отдѣленіи, показывать, будто ихъ товарищъ нарочно сунулъ руку въ барабанъ, изъ-за неохоты работать на фабрикѣ.

„Когда же рабочіе изъ другихъ отдѣленій стали стыдить Жохова, онъ заоралъ на нихъ — „не ваше дѣло“, выгналъ вонъ, и мальчики показывали на слѣдствіи такъ, какъ хотѣлъ Жоховъ.“

По даннымъ отчета на этой фабрикѣ происходитъ въ годъ 643 травмат. поврежденія. Работаетъ на ней 2426 рабочихъ. Значитъ, каждый день машины отрываютъ пальцы, дробятъ кости почти двумъ рабочимъ, за годъ изъ каждыхъ 37 чел. 10 оказываются изуродованными.

И эта фабрика — одна изъ самыхъ благоустроенныхъ. На химическомъ заводѣ Лепешкиныхъ на 190 человѣкъ въ 1902 г. было *150* травмъ, 41 глазная болѣзнь и 18 ушныхъ.

Высчитайте, читатель, сколько на этомъ заводѣ было раздроблено пальцевъ, сколько человѣкъ къ концу года остались невредимыми!

Невредимыми! Я до сихъ поръ бралъ числа вѣдь только тѣхъ ранъ, которыя стальной хищникъ — машина непосредственно своими шестернями и зубцами наноситъ рабочему.

Перехожу ко второму классу — болѣзней органовъ пищеваренія, дыхательныхъ органовъ и разстройствамъ общаго питанія. По признанію отчета „эти болѣзни имѣютъ общія причины въ обстановкѣ, при которой производятся работы“.

Болѣзней первыхъ двухъ родовъ было 34.116 случаевъ, болѣе тяжелаго третьяго рода — 2.489.

Это значитъ, что ни у одного рабочаго г. Иваново-Вознесенска не функціонируетъ правильно организмъ.

Тяжелый воздухъ, — отсутствіе вентиляціи, — слѣдовательно — для рабочихъ — недостатокъ кислорода, необходимаго для питанія, а для фабриканта — экономія въ деньгахъ, нужныхъ для предохранительныхъ приспособленій.

Остановимся на минуту на цыфрахъ, касающихся фабрики насл. Полушиныхъ, гдѣ произошелъ описанный выше случай съ дѣвушкой-работницей.

На этой фабрикѣ въ 1902 г. работало 1.710 чел. Общее число заболѣваній было 5.416, т. е. 3,2 случая на человѣка.

Какъ видитъ читатель, эта цыфра ниже общей для Иваново-Вознесенска (3,8 случая на человѣка).

Но, благодаря жестокому обращенью съ заболѣвшими рабочими, которыхъ часто просто не пускаютъ съ фабрики, не всѣ попадаютъ къ врачу, и анализируя цыфры пріемнаго покоя фабрики насл. Полушиныхъ, мы увидимъ, что наибольшій процентъ случаевъ болѣзни падаетъ на такіе виды страданія, которыя обусловлены постоянно-тягостными условіями труда на этой фабрикѣ.

Въ самомъ дѣлѣ — въ то время, какъ на сто больныхъ рабочихъ Иваново-Вознесенска приходится 2,4 случая болѣзни общаго питанія, на фабрикѣ насл. Полушиныхъ приходится 3,1 случая. Въ то время, какъ на сто рабочихъ всего города, бывшихъ у врача, приходится 17,8 случая болѣзни органовъ пищеваренія — полушинскіе рабочіе даютъ 19,5%. Въ то время, какъ простудныя заболѣванія, въ частности, гриппъ, очень мало распространены въ Иваново-Вознесенскѣ — 7,4% общей заболѣваемости — фабрика Полушиныхъ даетъ колоссальный процентъ — 20,3 — процентъ, который близокъ къ проценту распространенія этой болѣзни среди чернорабочихъ (18%).

Такимъ образомъ, болѣе общія страданія, обусловленныя *общимъ изнуреніемъ организма*, наиболѣе распространены на фабрикѣ Полушиныхъ.

Между тѣмъ, случаи такихъ болѣзней — какъ ушныя, заразныя, мочеполовыя — болѣзни отдѣльныхъ органовъ — онѣ — или дѣйствительно мало распространены на этой фабрикѣ, или, скорѣе — просто не регистрируются пріемнымъ покоемъ.

Во всякомъ случаѣ, изъ сопоставленій, сдѣланныхъ выше, читатель видитъ, что условія и обстановка работы на фабрикѣ господъ Полушиныхъ болѣе вредна для рабочихъ, чѣмъ вообще на иваново-вознесенскихъ фабрикахъ.

А потому и случай, разсказанный нашимъ корреспондентомъ (Искра. № 19), является, очевидно, не проявленіемъ исключительной жестокости, а необходимымъ послѣдствіемъ всей постановки дѣла эксплуатаціи на этой фабрикѣ.

Къ третьему классу болѣзней я отношу такія, которыя находятъ себѣ почву въ расшатанномъ организмѣ рабочаго. Болѣзни костно-мышечной системы, гриппъ — вообще простудныя болѣзни, болѣзни кровеносной системы, болѣзни нервной системы, лихорадки — всѣ эти болѣзни набрасываются на рабочаго, когда изнуренный фабричнымъ трудомъ его организмъ не можетъ оказывать имъ сопротивленія.

Эти болѣзни составляютъ 27,3% общей заболѣваемости.

Болѣзни же, которыя происходятъ отъ нечистоты, паразитическія заболѣванія, представляютъ интересъ для нашей характеристики тѣмъ, что открываютъ намъ условія внѣ-фабричной „домашней“ жизни рабочаго.

Машина, вытѣсняя квалифицированный, сложный и тяжелый трудъ взрослаго работника, тянетъ на фабрику его жену, его дѣтей. Семья рабочаго разлагается.

Тогда благодѣтель — фабрикантъ приходитъ къ нему на помощь. Онъ строитъ казармы.

Тамъ, какъ арестанты въ прогнившей камерѣ, располагаются рабы капитала. Двойныя желѣзныя койки, или деревянныя сплошныя нары. На нихъ въ повалку спятъ рабочіе. Тамъ они хранятъ свои пожитки, сушатъ онучи, чулки. Наволоки съ матрасовъ моются два-три раза въ годъ.

Два процента всѣхъ болѣзней приходятся на паразитическія заболѣванія; изъ 13 рабочихъ одинъ не въ силахъ терпѣть отъ паразитовъ — и обращается къ врачу.

Отчетъ дѣлаетъ упрекъ рабочимъ: „Именно съ этими заболѣваніями, наряду съ заболѣваніями мочеполовыхъ органовъ и сифилитическими, упорнѣе всего рабочіе стараются избѣжать врачебнаго осмотра“.

Почему бы это такъ? Авторъ отчета не задалъ себѣ этого вопроса — а вѣдь объясненіе этого явленія само напрашивается.

Рабочему *стыдно* итти къ врачу съ такою болѣзнью, ибо онъ, считая такую болѣзнь слѣдствіемъ своей личной неряшливости, стыдится въ ней признаться.

Смѣшно, конечно, и задумываться даже надъ вопросомъ: виноватъ ли рабочій въ своихъ болѣзняхъ, начиная отъ смертельныхъ и кончая паразитическими заболѣваніями?

Я только хочу обратить вниманіе читателя на одно обстоятельство.

Очень можетъ быть, что врачи, составлявшіе отчетъ, очень хорошіе, всѣ на подборъ добросовѣстные люди. Но они совершенно не понимаютъ *общественнаго характера* региструемыхъ ими явленій — болѣзней фабричныхъ рабочихъ.

Изслѣдуя (если, дѣйствительно, они добросовѣстно это дѣлаютъ) каждаго приходящаго къ нимъ больного рабочаго — они отмѣчаютъ: гриппъ, травма, болѣзни дыхательныхъ органовъ. Затѣмъ, всѣ эти цыфры объединяются въ сумму, и получается столбецъ съ соотвѣтствующей надписью: травма — 9858 случ., гриппъ — 7607 случ. и т. д. . . .

Они умолчали даже о смертности среди рабочихъ. Въ больничномъ отчетѣ!

А какова эта смертность, показываютъ цыфры петербургской статистики: въ Адмиралтейскомъ участкѣ, гдѣ живутъ богатые люди — купцы, крупные чиновники, хозяева фабрикъ, — акціонеры — на 1000 жителей умираетъ ежегодно 11 человѣкъ, а въ Выборгскомъ третьемъ, гдѣ живутъ рабочіе на 1000 жителей ежегодно умираютъ 59.

То есть, рабочихъ въ 5½ разъ умираетъ больше на тысячу, чѣмъ зажиточныхъ людей.

Когда врачъ сидитъ въ своемъ пріемномъ покоѣ — и до него доносится гулъ фабричныхъ машинъ, а тутъ — около него, въ легкихъ у рабочихъ раздаются хрипы — онъ, подчасъ не замѣчаетъ связи этихъ звуковъ.

А между ними самая близкая, самая очевидная связь.

Металлическое гудѣнье колесъ, свистъ ремней, хряскъ дробящихся человѣческихъ костей — сливаются съ послѣднимъ вздохомъ умирающей на порогѣ фабрики работницы — и мы слышимъ живой, сочный голосъ вампира — капитала, высасывающаго жизнь своихъ рабовъ.

На человѣческихъ костяхъ, изъ человѣческаго мяса и крови, строятъ капиталисты свои дворцы, а плечи пока еще живыхъ работниковъ поддерживаютъ ихъ стѣны.

Когда жъ онѣ рухнутъ?

---

[1] Общее число глазныхъ болѣзней — 8789; ушныхъ — 2476; половина (4879 и 1208) приходится на чернорабочихъ.

сіи, гдѣ соціальдемократія еще молода; а политическія условія рабочаго движенія такъ ненормальны, оппортунизмъ пока долженъ возникать въ значительной мѣрѣ изъ этого источника, изъ неизбѣжнаго развитія тактики ощупью и путемъ экспериментовъ, изъ необходимости вести текущую борьбу въ такихъ своеобразныхъ, безпримѣрныхъ условіяхъ и въ то же время въ согласіи съ основными принципами соціализма.

Если же это такъ, то тѣмъ болѣе удивительной кажется мысль — въ самомъ началѣ рабочаго движенія устранить возможность возникновенія оппортунистическихъ теченій той или иной формулировкой организаціоннаго устава. Попытки поразить оппортунизмъ такими бумажными средствами на самомъ дѣлѣ могутъ нанести глубокій ударъ не ему, а лишь самой соціальдемократіи; прекращая въ ней біеніе здоровой жизни, они ослабляютъ ея стойкость въ борьбѣ не только противъ оппортунистическихъ теченій, но и — что вѣдь также должно бы имѣть нѣкоторое значеніе — противъ существующаго общественнаго строя. Средство обращается противъ цѣли.

Въ этомъ боязливомъ стремленіи части русскихъ соціальдемократовъ опекой всевѣдущаго и вездѣсущаго Ц. К. предохранить отъ ложныхъ шаговъ столь многообѣщающее и жизнерадостно развивающееся русское рабочее движеніе, намъ слышится впрочемъ, отголосокъ того самаго *субъективизма*, который уже не одну шутку сыгралъ съ русской соціалистической мыслью. Поистинѣ забавны прыжки, которые бываетъ подчасъ угодно продѣлывать почтенному человѣческому субъекту исторіи въ его собственномъ историческомъ процессѣ. Раздавленное и стертое въ порошокъ русскимъ абсолютизмомъ „я“ беретъ реваншъ тѣмъ, что въ своей революціонной мысли сажаетъ самого себя на тронъ и объявляетъ себя всемогущимъ — въ образѣ заговорщическаго комитета именемъ несуществующей „Народной Воли“. Но „объектъ“ оказывается сильнѣе, и кнутъ скоро празднуетъ побѣду, ибо *онъ* представляетъ собою „законное“ выраженіе данной стадіи историческаго процесса. Наконецъ, на сцену появляется, еще болѣе законное дитя историческаго процесса — русское рабочее движеніе; впервые въ русской исторіи, оно съ величайшимъ успѣхомъ кладетъ начало созданію дѣйствительной народной воли. Но тутъ „я“ русскаго революціонера поспѣшно становится на голову и снова объявляетъ себя всемогущимъ вершителемъ исторіи, — на этотъ разъ въ собственной персонѣ его величества центральнаго комитета соціальдемократическаго рабочаго движенія. При этомъ ловкій акробатъ не замѣчаетъ, что единственнымъ субъектомъ, къ которому теперь перешла роль вершителя судебъ, является *массовое* „я“ рабочаго класса, упорно требующаго себѣ по всей линіи права самому дѣлать ошибки и самому учиться исторической діалектикѣ. И въ концѣ концовъ скажемъ, между нами, открыто: ошибки, совершаемыя дѣйствительнымъ революціоннымъ рабочимъ движеніемъ, исторически неизмѣримо плодотворнѣе и цѣннѣе непогрѣшимости наилучшаго „центральнаго комитета“.

Роза Люксембургъ.

Рабочій вопросъ на послѣднемъ съѣздѣ волжскихъ судопромышленниковъ.

Нынче ни одно собраніе предпринимателей не обходится безъ собесѣдованія на тему „о судьбахъ рабочихъ“. Поэтому, и на названномъ съѣздѣ въ порядкѣ дня значился особый пунктъ, посвященный „нуждамъ судоходныхъ служащихъ“. Впрочемъ, господа судопромышленники повиновались скорѣе нуждѣ, чѣмъ модѣ. Дѣло въ томъ, что сохранившіяся на Волгѣ старинныя формы найма и эксплуатаціи рабочихъ совершенно не гармонируютъ съ современными условіями и вредно отзываются на дальнѣйшемъ веденіи промысла. Предпринимателямъ нуженъ постоянный контингентъ опытныхъ и знающихъ свое дѣло матросовъ. А между тѣмъ, до сихъ поръ матросы для поволжскаго судоходства набираются почти исключительно изъ крестьянъ, живущихъ вдоль по теченію рѣки. Наемъ обыкновенно производится въ Астрахани, гдѣ ко времени открытія навигаціи скопляется около 1500 барокъ и свыше 500 пароходовъ. Такъ какъ у крестьянъ обыкновенно нѣтъ денегъ, чтобы во время поспѣть въ Астрахань, то судовладѣльцы обыкновенно нанимаютъ людей совершенно неопытныхъ, съ тѣмъ, чтобы замѣстить ихъ затѣмъ въ Царицынѣ другими, болѣе опытными. Съ этой цѣлью въ рабочихъ книжкахъ, выдаваемыхъ нанимаемымъ, имѣется примѣчаніе, на которое рабочіе обыкновенно не обращаютъ вниманія и которое гласитъ, что договоръ входитъ въ силу лишь послѣ того, какъ книжка оплачена гербовымъ сборомъ. Но и положеніе окончательно нанятыхъ весьма незавидно: работа очень тяжелая и работать приходится во всякое время дня и ночи, нерѣдко подрядъ цѣлыя сутки, иногда и больше. Заработная плата очень низка — 10 рублей и меньше въ мѣсяцъ. Часто случается, что пароходы и барки по недѣлямъ стоятъ, и тогда матросы вовсе не получаютъ жалованья. Понятно, что матросы бѣгутъ, какъ только имъ удается найти лучшій заработокъ.

Составъ съѣзда опредѣлялъ и характеръ отношенія къ поднятымъ вопросамъ. На съѣздѣ присутствовали: 1) представители судоходной промышленности, 2) высшіе служащіе (капитаны, ихъ помощники и машинисты) и 3) нѣсколько санитарныхъ врачей. Что касается первыхъ, то только меньшинство изъ нихъ начало сознавать, что старыя формы эксплуатаціи отжили свой вѣкъ, что если хочешь имѣть хорошихъ рабочихъ, надо хорошо ихъ содержать, хорошо съ ними обращаться и хорошо имъ платить. Большинство же отстаивало старую форму опеки: „Матросы бѣгутъ потому, что крестьяне избаловались... Надо завести рабочія книжки, чтобы туда вносить всѣ проступки рабочихъ... Хозяину должно быть предоставлено право увольнять рабочихъ за дерзость... Жилища на затонахъ скверны, но, вѣдь, и деревенское населеніе живетъ не лучше... Церковь важнѣе для судорабочихъ, чѣмъ баня“. И т. д. и т. д. Двойственность замѣчалась также и у служащихъ: съ одной стороны, сами они занимаютъ привилегированное положеніе и совершенно заражены цеховымъ духомъ, а съ другой — имъ приходится слишкомъ близко видѣть жалкое положеніе своихъ сослуживцевъ низшаго ранга и, можетъ быть, подчасъ и самимъ почувствовать свое пролетарское происхожденіе. Поэтому, въ то время какъ одни изъ нихъ, чувствуя себя начальствомъ, требовали, чтобы ихъ оградили драконовскими мѣрами отъ вредныхъ служащихъ, другіе указывали на необходимость создать сносныя условія существованія, регулировать условія найма и т. под. Единство возстановлялось у нихъ тогда, когда дѣло шло о сохраненіи собственнаго привилегированнаго положенія. Такъ, они единодушно требовали для себя двухмѣсячнаго срока для расторженія договора о наймѣ и выдачи жалованья за два мѣсяца, тогда какъ для низшихъ служащихъ удовлетворялись двумя недѣлями, а о вознагражденіи для этихъ послѣднихъ и рѣчи не было. Что касается, наконецъ, врачей, то надо отдать имъ справедливость, что они хотѣли отстоять интересы рабочихъ. Не доставало имъ только пониманія, что лучшимъ для этого средствомъ является развитіе самодѣятельности самихъ рабочихъ.

Но въ данномъ случаѣ все же было нѣсколько предпринимателей, готовыхъ ввести нѣкоторыя улучшенія, въ особенности, если это не било ихъ по карману. Но совершенно иначе отнеслись господа предприниматели къ другому „рабочему вопросу“. Вопросъ этотъ поднятъ былъ одними врачами, указавшими на ужасное положеніе *крючниковъ*, принужденныхъ таскать на себѣ тяжести въ 18-20 пудовъ, часто надрывающихся подъ ними и рѣдко выдерживающихъ свою работу дольше семи лѣтъ. Но что за дѣло до всего этого судопромышленникамъ? Крестьянъ, пухнущихъ съ голоду въ деревнѣ и потому всегда готовыхъ на любую каторгу, на ихъ вѣкъ хватитъ. Внесенныя на съѣздѣ предложенія о необходимости устройства на пристаняхъ вагонетныхъ путей, устройства бараковъ съ кухнями и нѣкоторыя другія, не были приняты. А о необходимости здѣсь инспекціи, страхованія больныхъ и неспособныхъ къ труду, о регулированіи рабочаго времени никто не заикнулся. Не заикнулись и о многомъ другомъ, о чемъ сможетъ сказать свое вѣское слово только общероссійская организація судовыхъ рабочихъ. Конечно, не въ современной Россіи возможна такая организація.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Баку. 20 мая закончилась стачка на табачной фабрикѣ Мирзабекянцъ, продолжавшаяся фактически съ 1-го, юридически же, съ 3-го когда рабочими были предъявлены требованія, — и явившаяся, какъ и стачки на нѣсколькихъ другихъ заводахъ и промыслахъ въ Балаханахъ, отголоскомъ неудавшагося плана всеобщей забастовки. Всякія неудачи всегда вызываютъ нареканія, — особенно, со стороны лицъ, неповинныхъ въ нихъ только потому, что они ничего не дѣлаютъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Нашлись даже прозорливые не по разуму люди, которые во всеобщей забастовкѣ съ экономическими требованіями, пріуроченной непосредственно къ 1 мая, увидѣли какую-то особую тактику „меньшинства“. Въ то время какъ обычное сужденіе о „меньшинствѣ“ совершается по формулѣ Кузьмы Пруткова: „меньшинство“ — *слѣдовательно*, „оппортунизмъ“, *слѣдовательно*, „экономизмъ“, въ данномъ случаѣ умозаключали отъ „экономизма“ и приходили къ „меньшинству“.

Но, какъ бы мало вниманія ни заслуживали подобныя сужденія, о майскихъ дняхъ, а, въ связи съ ними, о тактикѣ мѣстнаго комитета того времени, приходится говорить хотя бы уже потому, что тамъ, въ этой тактикѣ, кроются нити дальнѣйшихъ событій. Приближалось 1 мая, и передъ комитетомъ вставалъ вопросъ о формѣ празднованія его. Комитету было извѣстно, что минимумъ празднованія, принятый для всего Кавказа, — однодневная забастовка. Тамъ, гдѣ позволило бы настроеніе массъ, могла быть устроена демонстрація. Третьимъ проектомъ, — по крайней мѣрѣ, такъ былъ понятъ членъ Союзнаго Комитета, — являлась всеобщая забастовка, приблизительно въ серединѣ мая — началѣ іюня. Какъ выяснилось потомъ изъ заявленій мѣстнаго представителя Союзнаго Ком., всеобщая забастовка въ рѣчи члена Союз. Ком. должна была фигурировать не въ качествѣ третьяго проекта, а совершенно независимо отъ празднованія 1 мая. Такъ или иначе, передъ мѣстнымъ комитетомъ стоялъ вопросъ: какъ отпраздновать 1 мая, только ли однодневной забастовкой, демонстраціей ли — или, какъ ставилъ вопросъ комитетъ, — той же однодневной забастовкой, усиленной вслѣдъ затѣмъ длительной всеобщей забастовкой. Исходя изъ заявленій рабочихъ, что однодневная майская забастовка, ставшая за послѣдніе годы традиціоннымъ явленіемъ, не является въ глазахъ самихъ рабочихъ демонстративнымъ актомъ, приходилось обсуждать вопросъ о демонстраціи или длительной всеобщей забастовкѣ. На собраніи изъ представителей районныхъ комитетовъ, на которомъ присутствовали и представители Биби-Эйбатскаго Комитета инчакистовъ[1]), вопросъ этотъ подвергся всестороннему обсужденію, и подробно мотивированное предложеніе всеобщей забастовки было принято значительнымъ большинствомъ голосовъ. Изъ 18 человѣкъ, присутствовавшихъ на собраніи, при голосованіи лишь двое (предст. Бѣло-гор. районнаго комитета) высказались за демонстрацію, да одинъ (представитель городского районнаго ком.) высказалъ свое сомнѣніе въ успѣхѣ стачки. Мотивы, приводившіеся въ пользу стачки, сводились

---

[1]) О вступленіи „инчакистовъ“ — старой армянской революціонной партіи — въ ряды Р. С.-Д. Р. П. ведутся въ настоящее время переговоры.

Прим. Ред.

Этотъ законъ гласитъ „смерть пролетаріямъ!“ — и табельщикъ, и вся заводская администрація были его исполнителями.

Посмотрите отчетъ. По его *оффиціальнымъ* даннымъ, на 27.316 рабочихъ Иваново-Вознесенска въ 1902 г. пришлось 103.662 случая болѣзни.

Слѣдовательно, на одного рабочаго 3,8 разъ въ годъ, слѣдовательно, каждый рабочій этого города болѣлъ черезъ каждые три мѣсяца. Каждые три мѣсяца фабрика настолько расшатывала его организмъ, что онъ долженъ былъ прибѣгать къ помощи врача.

Отчетъ дѣлаетъ скромную оговорку, что „продолжительныя, тяжелыя заболѣванія, требующія коечнаго лѣченія, не вошли въ нашу таблицу“.

А легкія заболѣванія, хрипота въ горлѣ, насморкъ, общее недомоганіе, зубная, головная боли — всѣ тѣ случаи, въ которыхъ авторы отчета зовутъ къ себѣ доктора — можетъ быть, эти случаи вошли въ нашу таблицу, можетъ быть, они, увеличивая число заболѣваній, дѣлаютъ картину слишкомъ мрачной?

Кто хоть поверхностно, хоть по слухамъ, по двумъ-тремъ разсказамъ знакомъ съ фабричною жизнью, знаетъ, въ *какихъ* случаяхъ обращается рабочій къ помощи врача!

Не желая терять рабочаго времени, не желая лишній разъ нарываться на грубость мастера, которою всегда сопровождается отпускъ къ врачу — рабочій перемогается, сколько можетъ.

Получивъ иногда довольно глубокій порѣзъ — онъ наскоро обматываетъ его тряпкой — лишь бы не текла кровь! — и продолжаетъ работу. Рана засаривается, начинаетъ гнить — и черезъ два-три дня онъ идетъ къ врачу, который часто даже и не осмотритъ внимательно — дастъ свинцовой примочки, цинковой мази — чего-нибудь въ этомъ родѣ.

Зарегистрированные отчетомъ заболѣванія, не включая въ свои числа болѣзней тяжелыхъ (о смертныхъ случаяхъ въ этомъ отчетѣ нѣтъ ни одного слова) представляютъ *норму* страданій, въ которыхъ протекаетъ жизнь иваново-вознесенскаго пролетаріата.

Всѣ заболѣванія указаны по родамъ. 24 столбца цыфръ отмѣчаютъ число 24 родовъ пытки, которой подвергаетъ фабрика своего раба.

Я раздѣлю ихъ на четыре класса, по той зависимости, въ которой находится ихъ происхожденіе отъ условій труда.

Къ первому классу я отношу травмы (пораненія), глазныя болѣзни, происходящія отъ пыли, засаривающей глаза, и ушныя — вслѣдствіе безпрерывнаго стука машинъ, — виды страданія, причиняемыя машиною рабочему непосредственно.

Общее количество травматическихъ пораненій составляло въ 1902 г. 9858 случаевъ.[1])

А какъ они происходятъ? Это достаточно ярко показываетъ корреспонденція, полученная нами на дняхъ изъ Иваново-Вознесенска.

„На ситцевую фабрику Никона Гарелина С-вей нанялся мальчикъ въ отдѣленіе крахмальныхъ барабановъ. Учить новичковъ обращаться съ машиною лежитъ на обязанности завѣдующаго отдѣленіемъ, Сергѣя Жохова, и онъ исполнялъ ее, стращая мальчика штрафами и разсчетами, ругая непечатными словами.

„У мальчика стала загибаться кромка, и онъ, боясь штрафа, разсчета, полѣзъ отгибать ее рукою. Ему оторвало напрочь, до первые суставы, два пальца. А Сергѣй Жоховъ, угрозою прогнать съ фабрики, заставилъ мальчиковъ, работающихъ въ его отдѣленіи, показывать, будто ихъ товарищъ нарочно сунулъ руку въ барабанъ, изъ-за неохоты работать на фабрикѣ.

„Когда же рабочіе изъ другихъ отдѣленій стали стыдить Жохова, онъ заоралъ на нихъ — „не ваше дѣло“, выгналъ вонъ, и мальчики показывали на слѣдствіи такъ, какъ хотѣлъ Жоховъ.“

По даннымъ отчета на этой фабрикѣ происходитъ въ годъ 643 травмат. поврежденія. Работаетъ на ней 2426 рабочихъ. Значитъ, каждый день машины отрываютъ пальцы, дробятъ кости почти двумъ рабочимъ, за годъ изъ каждыхъ 37 чел. 10 оказываются изуродованными.

И эта фабрика — одна изъ самыхъ благоустроенныхъ. На химическомъ заводѣ Лепешкиныхъ на 100 человѣкъ въ 1902 г. было *150* травмъ, 41 глазная болѣзнь и 18 ушныхъ.

Высчитайте, читатель, сколько на этомъ заводѣ было раздроблено пальцевъ, сколько человѣкъ къ концу года остались невредимыми!

Невредимыми! Я до сихъ поръ бралъ числа вѣдь только тѣхъ ранъ, которыя стальной хищникъ — машина непосредственно своими шестернями и зубцами наноситъ рабочему.

Перехожу ко второму классу — болѣзней органовъ пищеваренія, дыхательныхъ органовъ и разстройствамъ общаго питанія. По признанію отчета „эти болѣзни имѣютъ общія причины въ обстановкѣ, при которой производятся работы“.

Болѣзней первыхъ двухъ родовъ было 34.116 случаевъ, болѣе тяжелаго третьяго рода — 2.489.

Это значитъ, что ни у одного рабочаго г. Иваново-Вознесенска не функціонируетъ правильно организмъ.

Тяжелый воздухъ, — отсутствіе вентиляціи, — слѣдовательно — для рабочихъ — недостатокъ кислорода, необходимаго для питанія, а для фабриканта — экономія въ деньгахъ, нужныхъ для предохранительныхъ приспособленій.

Остановимся на минуту на цыфрахъ, касающихся фабрики насл. Полушиныхъ, гдѣ произошелъ *описанный* выше случай съ дѣвушкой-работницей.

На этой фабрикѣ въ 1902 г. работало 1.710 чел. Общее число заболѣваній было 5.416, т. е. 3,2 случая на человѣка.

Какъ видитъ читатель, эта цыфра ниже общей для Иваново-Вознесенска (3,8 случая на человѣка).

Но, благодаря жестокому обращенью съ заболѣвшими рабочими, которыхъ часто просто не пускаютъ съ фабрики, не всѣ попадаютъ къ врачу, и анализируя цыфры пріемнаго покоя фабрики насл. Полушиныхъ, мы увидимъ, что наибольшій процентъ случаевъ болѣзни падаетъ на такіе виды страданія, которыя обусловлены постоянно-тягостными условіями труда на этой фабрикѣ.

Въ самомъ дѣлѣ — въ то время, какъ на сто больныхъ рабочихъ Иваново-Вознесенска приходится 2,4 случая болѣзни общаго питанія, на фабрикѣ насл. Полушиныхъ приходится 3,1 случая. Въ то время, какъ на сто рабочихъ всего города, бывшихъ у врача, приходится 17,8 случая болѣзни органовъ пищеваренія — полушинскіе рабочіе даютъ 19,5%. Въ то время, какъ простудныя заболѣванія, въ частности, гриппъ, очень мало распространены въ Иваново-Вознесенскѣ — 7,4% общей заболѣваемости — фабрика Полушиныхъ даетъ колоссальный процентъ — 20,3 — процентъ, который близокъ къ проценту распространенія этой болѣзни среди чернорабочихъ (18%).

Такимъ образомъ, болѣе общія страданія, обусловленныя *общимъ изнуреніемъ организма*, наиболѣе распространены на фабрикѣ Полушиныхъ.

Между тѣмъ, случаи такихъ болѣзней — какъ ушныя, заразныя, мочеполовыя — болѣзни отдѣльныхъ органовъ — онѣ — или дѣйствительно мало распространены на этой фабрикѣ, или, скорѣе — просто не регистрируются пріемнымъ покоемъ.

Во всякомъ случаѣ, изъ сопоставленій, сдѣланныхъ выше, читатель видитъ, что условія и обстановка работы на фабрикѣ господъ Полушиныхъ болѣе вредна для рабочихъ, чѣмъ вообще на иваново-вознесенскихъ фабрикахъ.

А потому и случай, разсказанный нашимъ корреспондентомъ (Искра, № 19), является, очевидно, не проявленіемъ исключительной жестокости, а необходимымъ послѣдствіемъ всей постановки дѣла эксплуатаціи на этой фабрикѣ.

Къ третьему классу болѣзней я отношу такія, которыя находятъ себѣ почву въ расшатанномъ организмѣ рабочаго. Болѣзни костно-мышечной системы, гриппъ — вообще простудныя болѣзни, болѣзни кровеносной системы, болѣзни нервной системы, лихорадки — всѣ эти болѣзни набрасываются на рабочаго, когда изнуренный фабричнымъ трудомъ его организмъ не можетъ оказывать имъ сопротивленія.

Эти болѣзни составляютъ 27,3% общей заболѣваемости.

Болѣзни же, которыя происходятъ отъ нечистоты, паразитическія заболѣванія, представляютъ интересъ для нашей характеристики тѣмъ, что открываютъ намъ условія внѣфабричной „домашней“ жизни рабочаго.

Машина, вытѣсняя квалифицированный, сложный и тяжелый трудъ взрослаго работника, тянетъ на фабрику его жену, его дѣтей. Семья рабочаго разлагается.

Тогда благодѣтель — фабрикантъ приходитъ къ нему на помощь: онъ строитъ казармы.

Тамъ, какъ арестанты въ прогнившей камерѣ, располагаются рабы капитала. Двойныя желѣзныя койки, или деревянныя сплошныя нары. На нихъ вповалку спятъ рабочіе. Тамъ они хранятъ свои пожитки, сушатъ онучи, чулки. Наволоки съ матрасовъ моются два-три раза въ годъ.

Два процента всѣхъ болѣзней приходятся на паразитическія заболѣванія; изъ 13 рабочихъ одинъ не въ силахъ терпѣть отъ паразитовъ — и обращается къ врачу.

Отчетъ дѣлаетъ упрекъ рабочимъ: „Именно съ этими заболѣваніями, наряду съ заболѣваніями мочеполовыхъ органовъ и сифилитическими, упорнѣе всего рабочіе стараются избѣжать врачебнаго осмотра“.

Почему бы это такъ? Авторъ отчета не задалъ себѣ этого вопроса — а вѣдь объясненіе этого явленія само напрашивается.

Рабочему *стыдно* итти къ врачу съ такою болѣзнью, ибо онъ, считая такую болѣзнь слѣдствіемъ своей личной неряшливости, стыдится въ ней признаться.

Смѣшно, конечно, и задумываться даже надъ вопросомъ: виноватъ ли рабочій въ своихъ болѣзняхъ, начиная отъ смертельныхъ и кончая паразитическими заболѣваніями?

Я только хочу обратить вниманіе читателя на одно обстоятельство.

Очень можетъ быть, что врачи, составлявшіе отчетъ, очень хорошіе, всѣ на подборъ добросовѣстные люди. Но они совершенно не понимаютъ *общественнаго характера* региструемыхъ ими явленій — болѣзней фабричныхъ рабочихъ.

Изслѣдуя (если дѣйствительно они добросовѣстно это дѣлаютъ) каждаго приходящаго къ нимъ больного рабочаго — они отмѣчаютъ: гриппъ, травма, болѣзни дыхательныхъ органовъ. Затѣмъ, всѣ эти цыфры объединяются въ сумму, и получается столбецъ съ соотвѣтствующей надписью: травма — 9858 случ., гриппъ — 7607 случ. и т. д.

Они умолчали даже о смертности среди рабочихъ. Въ больничномъ отчетѣ.

А какова эта смертность, показываютъ цыфры петербургской статистики: въ Адмиралтейскомъ участкѣ, гдѣ живутъ богатые люди — купцы, крупные чиновники, хозяева фабрикъ, — акціонеры — на 1000 жителей умираетъ ежегодно 11 человѣкъ, а въ Выборгскомъ третьемъ, гдѣ живутъ рабочіе, на 1000 жителей ежегодно умираютъ [illegible].

То есть рабочихъ въ 5 разъ умираетъ больше на тысячу, чѣмъ зажиточныхъ людей.

Когда врачъ сидитъ въ своемъ пріемномъ покоѣ — и до него доносится гулъ фабричныхъ машинъ, а тутъ — около него, въ легкихъ у рабочихъ раздаются хрипы — онъ подчасъ не замѣчаетъ связи этихъ звуковъ.

А между ними самая близкая, самая очевидная связь.

Металлическое гудѣнье колесъ, свистъ ремней, хряскъ дробящихся человѣческихъ костей — сливаются съ послѣднимъ вздохомъ умирающей на порогѣ фабрики работницы — и мы слышимъ живой, сочный голосъ вампира — капитала, высасывающаго жизнь своихъ рабовъ.

На человѣческихъ костяхъ, изъ человѣческаго мяса и крови строятъ капиталисты свои дворцы, а плечи пока еще живыхъ работниковъ поддерживаютъ ихъ стѣны.

Когда жъ онѣ рухнутъ?

гдѣ соціальдемократія еще молода, а политическія условія рабочаго движенія такъ ненормальны, оппортунизмъ пока долженъ возникать въ значительной мѣрѣ изъ этого источника, изъ неизбѣжнаго развитія тактики ощупью и путемъ экспериментовъ, изъ необходимости вести текущую борьбу въ такихъ своеобразныхъ, безпримѣрныхъ условіяхъ и въ то же время въ согласіи съ основными принципами соціализма.

Если же это такъ, то тѣмъ болѣе удивительной кажется мысль — въ самомъ началѣ рабочаго движенія устранить возможность возникновенія оппортунистическихъ теченій той или иной формулировкой организаціоннаго устава. Попытки поразить оппортунизмъ такими бумажными средствами на самомъ дѣлѣ могутъ нанести глубокій ударъ не ему, а лишь самой соціальдемократіи: прекращая въ ней біеніе здоровой жизни, они ослабляютъ ея стойкость въ борьбѣ не только противъ оппортунистическихъ теченій, но и — что вѣдь также должно бы имѣть нѣкоторое значеніе — противъ существующаго общественнаго строя. Средство обращается противъ цѣли.

Въ этомъ боязливомъ стремленіи части русскихъ соціальдемократовъ опекой всевѣдущаго и вездѣсущаго Ц. К. предохранить отъ ложныхъ шаговъ столь многообѣщающее и жизнерадостно развивающееся русское рабочее движеніе, намъ слышится, впрочемъ, отголосокъ того самаго *субъективизма*, который уже не одну шутку сыгралъ съ русской соціалистической мыслью. Поистинѣ забавны прыжки, которые бываетъ подчасъ угодно продѣлывать почтенному человѣческому субъекту исторіи въ его собственномъ историческомъ процессѣ. Раздавленное и стертое въ порошокъ русскимъ абсолютизмомъ „я“ беретъ реваншъ тѣмъ, что въ своей революціонной мысли сажаетъ самого себя на тронъ и объявляетъ себя всемогущимъ — въ образѣ заговорщическаго комитета именемъ несуществующей „Народной Воли“. Но „объектъ“ оказывается сильнѣе, и кнутъ скоро празднуетъ побѣду, ибо *онъ* представляетъ собою „законное“ выраженіе данной стадіи историческаго процесса. Наконецъ, на сцену появляется еще болѣе законное дитя историческаго процесса — русское рабочее движеніе; впервые въ русской исторіи оно съ величайшимъ успѣхомъ кладетъ начало созданію дѣйствительной народной воли. Но тутъ „я“ русскаго революціонера поспѣшно становится на голову и снова объявляетъ себя всемогущимъ вершителемъ исторіи — на этотъ разъ въ собственной персонѣ его величества центральнаго комитета соціальдемократическаго рабочаго движенія. При этомъ ловкій акробатъ не замѣчаетъ, что единственнымъ субъектомъ, къ которому теперь перешла роль вершителя судебъ, является *массовое* „я“ рабочаго класса, упорно требующаго себѣ по всей линіи права самому дѣлать ошибки и самому учиться исторической діалектикѣ. И въ концѣ концовъ скажемъ, между нами, открыто: ошибки, совершаемыя дѣйствительнымъ революціоннымъ рабочимъ движеніемъ, исторически неизмѣримо плодотворнѣе и цѣннѣе непогрѣшимости наилучшаго „центральнаго комитета“.

Роза Люксембургъ.

Рабочій вопросъ на послѣднемъ съѣздѣ волжскихъ судопромышленниковъ.

Нынче ни одно собраніе предпринимателей не обходится безъ собесѣдованія на тему „о судьбахъ рабочихъ“. Поэтому, и на названномъ съѣздѣ въ порядкѣ дня значился особый пунктъ, посвященный „нуждамъ судоходныхъ служащихъ“. Впрочемъ, господа судопромышленники повиновались скорѣе нуждѣ, чѣмъ модѣ. Дѣло въ томъ, что сохранившіяся на Волгѣ старинныя формы найма и эксплуатаціи рабочихъ совершенно не гармонируютъ съ современными условіями и вредно отзываются на дальнѣйшемъ веденіи промысла. Предпринимателямъ нуженъ постоянный контингентъ опытныхъ и знающихъ свое дѣло матросовъ. А между тѣмъ, до сихъ поръ матросы для поволжскаго судоходства набираются почти исключительно изъ крестьянъ, живущихъ вдоль по теченію рѣки. Наемъ обыкновенно производится въ Астрахани, гдѣ ко времени открытія навигаціи скопляется около 1500 барокъ и свыше 500 пароходовъ. Такъ какъ у крестьянъ обыкновенно нѣтъ денегъ, чтобы во время поспѣть въ Астрахань, то судовладѣльцы обыкновенно нанимаютъ людей совершенно неопытныхъ, съ тѣмъ, чтобы замѣстить ихъ затѣмъ въ Царицынѣ другими, болѣе опытными. Съ этой цѣлью въ рабочихъ книжкахъ, выдаваемыхъ нанимаемымъ, имѣется примѣчаніе, на которое рабочіе обыкновенно не обращаютъ вниманія и которое гласитъ, что договоръ входитъ въ силу лишь послѣ того, какъ книжка оплачена гербовымъ сборомъ. Но и положеніе окончательно нанятыхъ весьма незавидно: работа очень тяжелая и работать приходится во всякое время дня и ночи, нерѣдко подрядъ цѣлыя сутки, иногда и больше. Заработная плата очень низка — 10 рублей и меньше въ мѣсяцъ. Часто случается, что пароходы и барки по недѣлямъ стоятъ, и тогда матросы вовсе не получаютъ жалованья. Понятно, что матросы бѣгутъ, какъ только имъ удается найти лучшій заработокъ.

Составъ съѣзда опредѣлилъ и характеръ отношенія къ поднятымъ вопросамъ. На съѣздѣ присутствовали: 1) представители судоходной промышленности, 2) высшіе служащіе (капитаны, ихъ помощники и машинисты) и 3) нѣсколько санитарныхъ врачей. Что касается первыхъ, то только меньшинство изъ нихъ начало сознавать, что старыя формы эксплуатаціи отжили свой вѣкъ, что если хочешь имѣть хорошихъ рабочихъ, надо хорошо ихъ содержать, хорошо съ ними обращаться и хорошо имъ платить. Большинство же отстаивало старую форму опеки: „Матросы бѣгутъ потому, что крестьяне избаловались... Надо завести рабочія книжки, чтобы туда вносить всѣ проступки рабочихъ... Хозяину должно быть предоставлено право увольнять рабочихъ за дерзость... Жилища на затонахъ скверны, но, вѣдь, и деревенское населеніе живетъ не лучше... Церковь важнѣе для судорабочихъ, чѣмъ баня“. И т. д. и т. д. Двойственность замѣчалась также и у служащихъ: съ одной стороны, сами они занимаютъ привилегированное положеніе и совершенно заражены цеховымъ духомъ, а съ другой — имъ приходится слишкомъ близко видѣть жалкое положеніе своихъ сослуживцевъ низшаго ранга и, можетъ быть, подчасъ и самимъ почувствовать свое пролетарское происхожденіе. Поэтому, въ то время какъ одни изъ нихъ, чувствуя себя начальствомъ, требовали, чтобы ихъ оградили драконовскими мѣрами отъ вредныхъ служащихъ, другіе указывали на необходимость создать сносныя условія существованія, регулировать условія найма и т. под. Единство возстановлялось у нихъ тогда, когда дѣло шло о сохраненіи собственнаго привилегированнаго положенія. Такъ, они единодушно требовали для себя двухмѣсячнаго срока для расторженія договора о наймѣ и выдачи жалованья за два мѣсяца, тогда какъ для низшихъ служащихъ удовлетворялись двумя недѣлями, а о вознагражденіи для этихъ послѣднихъ и рѣчи не было. Что касается, наконецъ, врачей, то надо отдать имъ справедливость, что они хотѣли отстоять интересы рабочихъ. Не доставало имъ только пониманія, что лучшимъ для этого средствомъ является развитіе самодѣятельности самихъ рабочихъ.

Но въ данномъ случаѣ все же было нѣсколько предпринимателей, готовыхъ ввести нѣкоторыя улучшенія, въ особенности, если это не било ихъ по карману. Но совершенно иначе отнеслись господа предприниматели къ другому „рабочему вопросу“. Вопросъ этотъ поднятъ былъ одними врачами, указавшими на ужасное положеніе *крючниковъ*, принужденныхъ таскать на себѣ тяжести въ 18-20 пудовъ, часто надрывающихся подъ ними и рѣдко выдерживающихъ свою работу дольше семи лѣтъ. Но что за дѣло до всего этого судопромышленникамъ? Крестьянъ, пухнущихъ съ голоду въ деревнѣ и потому всегда готовыхъ на любую каторгу, на ихъ вѣкъ хватитъ. Внесенныя на съѣздѣ предложенія о необходимости устройства на пристаняхъ вагонетныхъ путей, устройства бараковъ съ кухнями и нѣкоторыя другія, не были приняты. А о необходимости здѣсь инспекціи, страхованія больныхъ и неспособныхъ къ труду, о регулированіи рабочаго времени никто не заикнулся. Не заикнулись и о многомъ другомъ, о чемъ сможетъ сказать свое вѣское слово только общероссійская организація судовыхъ рабочихъ. Конечно, не въ современной Россіи возможна такая организація.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Баку. 20 мая закончилась стачка на табачной фабрикѣ Мирзабекянцъ, продолжавшаяся фактически съ 1-го, юридически же, съ 3-го, когда рабочими были предъявлены требованія, — и явившаяся, какъ и стачки на нѣсколькихъ другихъ заводахъ и промыслахъ въ Балаханахъ, отголоскомъ неудавшагося плана всеобщей забастовки. Всякія неудачи всегда вызываютъ нареканія, — особенно, со стороны лицъ, неповинныхъ въ нихъ только потому, что они ничего не дѣлаютъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Нашлись даже прозорливые не по разуму люди, которые во всеобщей забастовкѣ съ экономическими требованіями, пріуроченной непосредственно къ 1 мая, увидѣли какую-то особую тактику „меньшинства“. Въ то время какъ обычное сужденіе о „меньшинствѣ“ совершается по формулѣ Кузьмы Пруткова: „меньшинство“ — *слѣдовательно*, „оппортунизмъ“, *слѣдовательно*, „экономизмъ“, въ данномъ случаѣ умозаключали отъ „экономизма“ и приходили къ „меньшинству“.

Но, какъ бы мало вниманія ни заслуживали подобныя сужденія о майскихъ дняхъ, а, въ связи съ ними, о тактикѣ мѣстнаго комитета того времени, приходится говорить хотя бы уже потому, что тамъ, въ этой тактикѣ, кроются нити дальнѣйшихъ событій. Приближалось 1 мая, и передъ комитетомъ вставалъ вопросъ о формѣ празднованія его. Комитету было извѣстно, что минимумъ празднованія, принятый для всего Кавказа, — однодневная забастовка. Тамъ, гдѣ позволило бы настроеніе массъ, могла быть устроена демонстрація. Третьимъ проектомъ, — по крайней мѣрѣ, такъ былъ понятъ членъ Союзнаго Комитета, — являлась всеобщая забастовка, приблизительно въ серединѣ мая — началѣ іюня. Какъ выяснилось потомъ изъ заявленій мѣстнаго представителя Союзнаго Ком., всеобщая забастовка въ рѣчи члена Союз. Ком. должна была фигурировать не въ качествѣ третьяго проекта, а совершенно независимо отъ празднованія 1 мая. Такъ или иначе, передъ мѣстнымъ комитетомъ стоялъ вопросъ: какъ отпраздновать 1 мая, только ли однодневной забастовкой, демонстраціей ли, — или, какъ ставилъ вопросъ комитетъ, — той же однодневной забастовкой, усиленной вслѣдъ затѣмъ длительной всеобщей забастовкой. Исходя изъ заявленій рабочихъ, что однодневная майская забастовка, ставшая за послѣдніе годы традиціоннымъ явленіемъ, не является въ глазахъ самихъ рабочихъ демонстративнымъ актомъ, приходилось обсуждать вопросъ о демонстраціи или длительной всеобщей забастовкѣ. На собраніи изъ представителей районныхъ комитетовъ, на которомъ присутствовали и представители Биби-Эйбатскаго Комитета инчакистовъ[1]), вопросъ этотъ подвергся всестороннему обсужденію, и подробно мотивированное предложеніе всеобщей забастовки было принято значительнымъ большинствомъ голосовъ. Изъ 18 человѣкъ, присутствовавшихъ на собраніи, при голосованіи лишь двое (предст. Бѣло-гор. районнаго комитета) высказались за демонстрацію, да одинъ (представитель городского районнаго ком.) высказалъ свое сомнѣніе въ успѣхѣ стачки. Мотивы, приводившіеся въ пользу стачки, сводились къ слѣдующему: 1) настроеніе рабочихъ, какъ оно было передано на собраніи, сейчасъ не таково, чтобы можно было разсчитывать на внушительную демонстрацію; 2) въ настоящій моментъ, когда правительство занято войной, забастовка даже съ чисто-экономическими требованіями является въ то же время и демонстраціей; 3) начиная съ забастовки, мы не откажемся отъ демонстраціи, когда, слѣдя за настроеніемъ рабочихъ въ ходѣ забастовки, найдемъ, что моментъ для нея назрѣлъ; 4) на почвѣ чисто экономическихъ требованій, соотвѣтствующихъ настроенію рабочихъ въ данный моментъ, мы сможемъ подвинуть къ активному участію болѣе широкіе слои рабочаго населенія; 5) экономической забастовкой мы отнимаемъ почву у правительства для разжиганія въ настоящій моментъ націоналистической вражды среди рабочихъ, а въ то же время поставимъ его въ щекотливое положеніе или, какъ говорилось потомъ, сдѣлаемъ правительству „очную ставку" съ рабочими; 6) принимая во вниманіе ставшій извѣстнымъ намъ фактъ раздачи солдатамъ къ 1 мая по 120 боевыхъ патроновъ и вообще учитывая предстоящее поведеніе правительства въ случаѣ демонстраціи, можно ожидать, что демонстрація превратится въ кровопусканіе. По мѣрѣ же того, какъ всеобщая забастовка будетъ развертываться, тактика правительства опредѣлится вполнѣ и можетъ быть учтена вѣрно; 7) не предсказывая непремѣннаго выигрыша стачки (въ случаѣ проигрыша, за ней осталось бы лишь значеніе демонстраціи), есть основаніе думать, что требованія рабочихъ будутъ удовлетворены хотя отчасти, что благотворно отразилось бы на настроеніи рабочихъ; 8) наконецъ, длительная забастовка несравненно лучше можетъ быть использована въ агитаціонныхъ цѣляхъ.

---

[1] Общее число глазныхъ болѣзней — 8789, ушныхъ — 2476; половина (4879 и 1208) приходится на чернорабочихъ.

[1] О вступленіи „инчакистовъ“ — старой армянской революціонной партіи — въ ряды Р. С.-Д. Р. П. ведутся въ настоящее время переговоры.
Прим. Ред.

На этомъ собраніи выработаны были требованія, вошедшія, съ однимъ измѣненіемъ, въ призывной листокъ. Засѣданіе затянулось до трехъ часовъ ночи, поэтому, рѣшено было собраться второй разъ для выработки деталей использованія всеобщей забастовки въ цѣляхъ агитаціи. Но уже послѣ того, какъ были приняты рѣшенія, когда нужно было проводить ихъ въ жизнь, въ періодъ, когда нужно было вести энергичную подготовительную работу, на сцену выступили разногласія въ комитетѣ. Одному члену комитета стало теперь казаться, что съ его стороны будетъ лучше помѣшать длительной забастовкѣ, чѣмъ „принизить" забастовку, пріуроченую къ 1 мая, до экономическихъ требованій. Мѣстный представитель Союзнаго Ком. возражалъ противъ экономической забастовки съ точки зрѣнія конъюнктуры промышленности. И, хотя возраженія эти, какъ было показано съ цифрами въ рукахъ на второмъ собраніи, посвященномъ перерѣшенію заново вопроса, — быть или не быть забастовкѣ, были признаны неосновательными, тѣмъ не менѣе, до опроверженія ихъ они подкрѣпляли позицію одумавшагося члена комитета въ его стремленіи перерѣшить рѣшенный вопросъ по новому. Второе собраніе подтвердило рѣшеніе перваго, но нужно имѣть въ виду, что оно происходило за день, за два до 1 мая, когда нужно было дѣйствовать, а не передумывать. Въ результатѣ получилось, что прокламаціи Комитета съ требованіями не были своевременно готовы. Онѣ появились только перваго, — когда поздно было широко распространять ихъ, — а извѣстно, что, напр., на Биби-Эйбатѣ наканунѣ 1 мая рабочіе съ многихъ промысловъ приходили за листками съ требованіями. Словомъ, если не всецѣло, то въ значительной степени неуспѣхъ предпріятія долженъ быть отнесенъ на счетъ раздумыванія въ моментъ, когда нужно дѣйствовать. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ районахъ сказался недостатокъ въ организаторской распорядительности, благодаря чему даже однодневная забастовка не можетъ считаться вполнѣ удавшейся. Въ общемъ, въ заводскомъ районѣ (Черный и Бѣлый городки) работали почти на половину, въ городскомъ районѣ не работали много ремесленныхъ мастерскихъ и фабрика Мирзабекянца, но многія мастерскія, а также магазины и конка продолжали функціонировать, какъ обычно. Въ Балаханахъ — самомъ крупномъ промышленномъ рабочемъ районѣ, — работу прекратили лишь механическія мастерскія, за немногими исключеніями. Буровыя же работали всѣ. Полнѣе всего забастовка была на Биби-Эйбатѣ, гдѣ не успѣли остановить лишь три промысла, такъ какъ къ этому времени подоспѣли казаки.

Стачка на фабрикѣ Мирзабекянцъ, гдѣ занято 750-790 чел., продолжавшаяся почти три недѣли, является незаурядной въ исторіи нашего стачечнаго движенія. Но, съ другой стороны, въ своемъ постепенномъ развитіи стачка явила намъ обычный при нашихъ условіяхъ переходъ отъ экономики къ политикѣ, отъ провозглашенія рабочими чисто-экономическихъ требованій до возгласовъ арестованныхъ стачечниковъ: „кончилась экономика, да здравствуетъ политика!" Вмѣшательство администраціи началось съ того, что уже 5 мая губернаторъ вывѣсилъ на стѣнахъ фабрики свое первое объявленіе, предлагавшее рабочимъ получить расчетъ въ полиціи... Дѣйствія объявленіе не произвело, поэтому, 10-го послѣдовало второе, грозившее высылкой на родину; тѣмъ временемъ арестовано было 28 чел., по указанію управляющаго фабрикой г. Тарханъ Перевердіева. Всѣ подобныя мѣры неспособны были сломить стойкости рабочихъ фабрики, имѣющихъ устойчивую организацію, порождая въ нихъ лишь озлобленіе къ администраціи, къ отдѣльнымъ лицамъ, на почвѣ котораго въ ихъ умахъ зародилась мысль объ убійствѣ управляющаго. Съ этой мыслью рабочіе упорно носились, обращались за совѣтомъ и содѣйствіемъ къ комитету. Комитету удалось отклонить рабочихъ отъ этой затѣи, выяснивъ имъ соц.-дем. точку зрѣнія на фабричный терроръ. Но, несмотря на это, управляющій все же былъ убитъ, по частной иниціативѣ одного изъ озлобленныхъ рабочихъ.

Богатый агитаціонный матеріалъ дала администрація; начиная съ губернаторскихъ объявленій, арестовъ, задабриваній и запугиванія рабочихъ, когда 60 рабочимъ-татарамъ полиція обѣщала удовлетвореніе для нихъ только всѣхъ выставленныхъ рабочими требованій, лишь бы они стали на работу, грозя въ противномъ случаѣ высылкой въ Персію, гдѣ имъ должны будутъ отрубить уши, носы, руки, ноги... и кончая отвѣтомъ губернатора на обращеніе къ нему депутаціи отъ рабочихъ объ освобожденіи арестованныхъ товарищей: „Товарищей?!... Нельзя сегодня арестовывать (хотя бы и невинныхъ), а завтра освобождать. Это будетъ колебаніе власти". Въ тотъ же день часть депутаціи была арестована и выслана изъ Баку. Высылка депутаціи и арестованныхъ раньше товарищей была обставлена со всею подобающею самодержавію пышностью. Отъ тюрьмы до вокзала черезъ весь городъ рабочихъ сопровождалъ почетный караулъ изъ солдатъ и казаковъ. Казаки впереди, — казаки сзади — и притомъ казаковъ было такъ много, что встрѣчавшіеся на пути мирные обыватели съ тревогой спрашивали себя: „не бунтъ ли?", пока не узнавали въ чемъ дѣло. Стачка закончилась удовлетвореніемъ требованій рабочихъ, правда не полностью. По поводу стачки у Мирзабекянца Комитетомъ было выпущено нѣсколько листковъ къ рабочимъ какъ этой фабрики, такъ и къ остальнымъ рабочимъ, и призывъ къ денежной поддержкѣ, позволившей рабочимъ продержаться дольше, чѣмъ то допускали ихъ средства.

Вскорѣ послѣ окончанія стачки однимъ рабочимъ былъ убитъ управляющій фабрики Мирзабекянца. О своемъ дѣйствіи рабочій пошелъ заявить въ полицію, объяснивъ, что убилъ по личной непріязни къ убитому. 29 мая хоронили этого самаго управляющаго. Словно, чтобы испытать всю силу ненависти, которую сумѣлъ пробудить къ себѣ покойный управляющій своими сыщическими продѣлками, къ рабочимъ явился на фабрику довѣренный Мирзабекянца и предложилъ имъ идти хоронить своего бывшаго управляющаго, обѣщая, что въ такомъ случаѣ рабочимъ будетъ уплачено за всѣ прогульные дни въ періодъ стачки. Рабочіе отказались наотрѣзъ и позвали къ себѣ хозяина. Тотъ явился на свою фабрику къ рабочимъ подъ охраной казаковъ. Въ свою очередь, онъ предлагалъ имъ проводить на кладбище тѣло убитаго, обѣщая, сверхъ уплаты за дни стачки, прибавку жалованья въ 5%. Со злобой рабочіе отвѣчали: „Пусть подождетъ три недѣли. Три недѣли мы голодали". Нѣсколько человѣкъ, которыхъ прельстило было заманчивое предложеніе прибавки и которые выразили было свое согласіе на предложеніе, поспѣшили отказаться отъ своего намѣренія, когда кто-то изъ рабочихъ замѣтилъ, что они могутъ не вернуться съ кладбища.

Вскорѣ послѣ похоронъ управляющаго случились похороны одной изъ работницъ. И въ то время, какъ рабочіе отказались даже отъ повышенія заработной платы, только чтобы не идти провожать на кладбище тѣло ненавистнаго управляющаго, — они не задумались бросить работу, чтобы отдать послѣдній долгъ своему товарищу. На кладбище явилось чел. 200, остальные оставались по домамъ, на фабрику явилось не болѣе 60-70 человѣкъ. Видя такую настойчивость рабочихъ, новый управляющій рѣшилъ примѣнить старое, но вѣчно юное средство, извѣстное подъ именемъ зубатовщины. Рабочимъ „не возбраняется" хоронить своихъ товарищей, но рекомендуется не ходить гурьбой, не бросать работы, а посылать выборныхъ. Наряду съ этимъ, новый управляющій предложилъ выбрать старостъ, освѣдомился у рабочихъ, въ какіе часы они желали бы, чтобы былъ пріемъ больныхъ. Но всѣ эти заигрыванія не находятъ себѣ сочувствія среди рабочихъ. Отъ выбора старостъ рабочіе рѣшили отказаться, на счетъ посылки выборныхъ рѣшили подождать политической свободы, а пока дѣйствовать скопомъ и т. п.

Одновременно со стачкой на фабрикѣ Мирзабекянцъ, привлекавшей къ себѣ все вниманіе и общества, и рабочихъ, — почти незамѣтно прошли стачки въ Балаханахъ на заводѣ Мирзоева (требованія удовлетворены) и на промыслахъ Шибаева, Таранъ, Радуга, Кавказъ, еще на одномъ промыслѣ и на одномъ участкѣ промысла Каспійскаго Товарищества.

Баку. Хроника стачечнаго движенія въ Баку наполнилась за послѣднее время стачками въ Балаханахъ. 24 мая прекратилъ работу небольшой механическій заводъ (чел. 100 рабочихъ) Т-ва „Дружелюбія". Причина стачки — невыдача жалованья 21 мая. Стачка продолжалась одинъ день и рабочіе получили заработную плату.

Днемъ двумя раньше, 22-23 мая, забастовали рабочіе промысла Оріонъ. Причина стачки — невыдача жалованья втеченіе четырехъ мѣсяцевъ. Четыре мѣсяца рабочіе не получали регулярно жалованія, перебиваясь, кто какъ можетъ. Наконецъ, терпѣніе лопнуло. Стачка тянется вотъ уже нѣсколько дней и, конечно, закончится удовлетвореніемъ требованій рабочихъ, ибо какой же дуракъ станетъ работать, не надѣясь получить заработанное. Требованія, выставленныя рабочими: уплата жалованія и введеніе разсчетныхъ книжекъ.

Черниговъ. 18 апрѣля въ Черниговѣ были распространены прокламаціи мѣстной группой Р. С.-Д. Р. П. Прокламація была составлена очень хорошо и понравилась рабочимъ. Организованные рабочіе (ремесленники) еще до наступленія майскаго праздника, на собраніяхъ обсуждали вопросъ, какъ праздновать этотъ день; хотѣли даже устроить демонстрацію, но мѣстная соціальдемократическая группа, взвѣсивъ мѣстныя условія, признала, что устраивать демонстрацію было бы нецѣлесообразно. Рабочіе подчинились этому рѣшенію. Вмѣсто демонстраціи рабочіе пытались устроить загородомъ собранія, что не совсѣмъ удалось, такъ какъ полиція приняла мѣры предосторожности: были поставлены ею пикеты вдоль берега Десны, гдѣ обыкновенно происходитъ катанье на лодкахъ; конные жандармы разогнали собраніе рабочихъ возлѣ Троицкаго монастыря. Здѣсь жандармамъ удалось даже задержать одного или двухъ рабочихъ, но, къ чести остальныхъ товарищей, послѣднимъ удалось отбить у жандармовъ ихъ жертвы. Также не удалось полиціи захватить распространителей майскихъ прокламацій. Двое изъ замѣченныхъ успѣли убѣжать.

Если сравнить теперешнее состояніе рабочаго движенія въ Черниговѣ съ бывшимъ лѣтъ семь тому назадъ, то успѣхъ нужно признать значительнымъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что по состоянію мѣстной промышленной жизни, здѣсь вообще не можетъ быть крупнаго движенія на манеръ тѣхъ большихъ и малыхъ городовъ, гдѣ промышленность приняла болѣе или менѣе опредѣленную капиталистическую физіономію. Въ Черниговѣ же, напримѣръ, въ одномъ изъ преобладающихъ здѣсь ремесленныхъ предпріятій (по общему числу рабочихъ) очень распространена такая промежуточная форма: данный портной; *съ одной стороны*, онъ обыкновенный рабочій, ибо онъ беретъ на домъ работу отъ болѣе крупныхъ хозяевъ; съ другой — онъ самъ хозяинъ, т. е. обыкновенный эксплуататоръ чужого труда, ибо взятую работу онъ *уже отъ себя* сдаетъ другимъ, настоящимъ наемнымъ рабочимъ, пролетаріямъ. Извольте-ка объединить этихъ двуликихъ „представителей труда" съ настоящимъ рабочимъ. Далѣе *мелкота* ремесленныхъ предпріятій представляетъ не меньшее препятствіе для пропаганды и агитаціи. Наконецъ, слѣдуетъ указать на недостатокъ въ Черниговѣ соціальдемократической интеллигенціи... „Интеллигенція"-то въ Черниговѣ хоть отбавляй, но эта интеллигенція способна только на душеспасительные разговоры да на засѣданіе въ своей узкой скорлупѣ. На какую „активность" со стороны интеллигенціи здѣсь можно разсчитывать, для этого характернымъ примѣромъ можетъ служить слѣдующій фактъ: на одномъ „конспиративномъ" либеральномъ сговорѣ одинъ мѣстный интеллигентъ человѣкъ, участвующій въ легальной литературѣ, когда зашла рѣчь объ обязательствахъ, которыя долженъ взять на себя каждый, примыкающій къ движенію, прямо заявилъ, что онъ готовъ принимать участіе, но никакихъ *обязательствъ* заранѣе принять на себя не можетъ...

Какъ бы тамъ ни было, жизнь въ Россіи даже въ глухихъ уголкахъ, не стоитъ... Послушайте, что говоритъ „публика" о мѣстныхъ рабочихъ. Одинъ земецъ, бывшій земскій начальникъ, а теперь выдвинутый губернаторомъ на постъ важнаго чиновника въ губерніи, раскасывалъ намъ объ „удивительной корпоративности и сплоченности" мѣстныхъ ремесленниковъ. О томъ же самомъ говорятъ и сами хозяева мастерскихъ. Съ ненавистью говоря о требованіяхъ рабочихъ (10-тичасовой рабочій день, удовлетворительная пища, гуманное обращаніе), они, какъ говорится, скрѣпя сердце, боятся нарушить сдѣланныя уступки. Къ сожалѣнію, далеко еще не во всѣхъ ремеслахъ практикуется 10-тичасовой рабочій день (малярамъ, напримѣръ, не удалось добиться этого). Но нужно надѣяться, что это — не за горами. Кромѣ мѣстныхъ прокламацій, въ Черниговѣ, время отъ времени, распространяются прокламаціи Кіевскаго Комитета Р. С. Д. Р. П. Чувствуется страшный недостатокъ нелегальной соціальдемократической литературы.

Иваново-Вознесенскъ. 10-го мая 1904 г. У насъ кризисъ, вызванный войною, еще не сказался такъ сильно, какъ въ Лодзи или Бѣлостокѣ, но грозная туча медленно надвигается и на наши головы. Массовыхъ разсчетовъ еще не было, но на мѣсто выбывшихъ рабочихъ новыхъ уже не берутъ. Во многихъ мѣстахъ можно видѣть машины и станки, которые въ ходъ болѣе не пускаются. На фабрикѣ Маргунина работаютъ четыре дня въ недѣлю, поговариваютъ о сокращеніи числа рабочихъ дней и на другихъ фабрикахъ. Склады завалены готовымъ товаромъ. О сверхурочныхъ работахъ давно уже не слышно. Отношеніе къ рабочимъ дѣлается грубѣе и беззастѣнчивѣе. Дѣлаются попытки понизить и безъ того низкій заработокъ. Случаи кулачной расправы становятся чаще. На ткацкой Никона Гарелина С-ья подмастерье Рябчиковъ таскаетъ женщину за волосы за то, что „она просила удѣлать станокъ", подмастерье Хохловъ бьетъ другую кулакомъ за то, что „она бросила клубокъ путанки" и т. д. Впрочемъ, здѣсь самъ директоръ Ѳедоръ Козловъ подаетъ примѣръ: мальчикъ Михаилъ Воробьевъ, шнуровщикъ, наткнулся на этого царька своихъ подданныхъ и получилъ за это плюху. Глухое недовольство чувствуется среди рабочихъ и хозяева стараются избавиться отъ наиболѣе сознательныхъ пролетаріевъ, выбирая на мѣсто нихъ самыхъ сѣрыхъ. Только „чуйки" являющіеся изъ глуши Рязанской или Тамбовской губерніи, иногда получаютъ работу. „Только знайте, ребята, — говоритъ у воротъ мастеръ, — у насъ больше 10-12 рублей не заработаешь"; — „Помилуй, батюшка, — взываютъ „сѣрые" — мы и за 9, и за 8 рады служить".

Понятно, какое озлобленіе эти „тамбовскіе волки" вызываютъ среди рабочихъ такими словами. Были уже случаи избіенія этой сѣрой массы и ихъ вагонами отправляли на родину.

Вообще, съ рабочими не стѣсняются. Мѣстная администрація не считается съ положеніемъ рабочихъ и, по своему произволу, накладываетъ на нихъ *новые налоги*. Развѣ можно иначе назвать *такіе* сборы? Послѣ объявленія войны, *по всѣмъ фабрикамъ* высчитывали съ каждаго рабочаго 5-10-20 коп. на Красный Крестъ. „Меньше пяти копѣекъ нельзя, сколько жертвуешь? —Не хочешь жертвовать, получи разсчетъ." То же самое произошло послѣ гибели Петропавловска: собирали на усиленіе флота. Въ Россіи скоро, говорятъ, каждый урядникъ получитъ формальное право накладывать на населеніе налоги по своему усмотрѣнію. Фактически они этимъ правомъ уже пользуются.

Все это вызываетъ озлобленіе среди рабочихъ и настроеніе массъ растетъ. Хотя рабочіе хорошо понимаютъ, что теперь не время стачекъ, но слишкомъ „здоровые аппетиты" хозяевъ вызываютъ иногда и теперь попытки добиться чего-нибудь путемъ стачки.

Въ срединѣ апрѣля забастовали литейщики Калашниковскаго завода. Стачка вызвана была пониженіемъ расцѣнокъ. Продержались нѣсколько дней и снова вышли на работу, ничего не добившись. Иваново-Вознесенская группа Сѣвернаго Комитета выпустила гектографированные листки.

Особенно ужасны условія работы на прядильной Бакулина. Работаютъ „съ пуда" и съ каждаго пуда обманываютъ и обвѣшиваютъ. Если на другихъ прядильныхъ зарабатываютъ до 35 коп., здѣсь заработокъ около 25 коп. Напрасно требовали прядильщицы работы „съ номерами" (автоматическіе указатели количества работы), напрасно обращались къ фабричному инспектору. Первый разъ прядильщицы бросили работу въ январѣ. Но когда голодъ и холодъ сейчасъ же загналъ ихъ обратно. Послѣ Пасхи бросаютъ вторично. Фабричный инспекторъ обѣщаетъ „похлопотать". Наконецъ, 27 мая 80 ватерщицъ въ третій разъ бросаютъ работу и снова выставляютъ свои требованія. Полиціи надоѣла эта возня, являются тридцать казаковъ[1] и начинается „война съ бабами". Сильно обозлились лихіе воины, ибо жестоко осмѣивали ихъ „наши бабы". Одну беременную женщину отправили въ больницу. Работницы собирались вмѣстѣ съ организованными рабочими и обсуждали положеніе. За разброску листковъ была арестована одна женщина, которая назвала другихъ двухъ. Теперь всѣ три уже выпущены. Первую приняли на работу, а двѣ послѣднія, по распоряженію полиціймейстера, оставлены на улицѣ. Ничтожнаго увеличенія заработка все же добились. Эта стачка кое чему научила работницъ. Въ послѣднее время къ организованному движенію примыкаетъ гораздо болѣе женщинъ.

---

[1] Въ городѣ всего тридцать казаковъ съ вахмистромъ во главѣ. Содержатся на городской счетъ, получая по 30 руб. въ мѣсяцъ. „Сами содержимъ эту сволочь, на наши денежки и нагайки куплены" — говорятъ рабочіе.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Агитація противъ войны. Редакціей „Искры" изданы листки № 14 — „Къ солдатамъ"; № 15 — „Пора!" (къ рабочимъ о безработицѣ). **Харьк. Комитетемъ** переизданы прокламаціи „Искры": „Почему царское правительство начало войну?" (1000 экз.), „Ко всему рабочему народу" (2000 экз.) — обѣ печатныя — и „Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ" (500 экз.) и „Кому помогать?" (200 экз.) — гектогр. **Тверской Комитетъ** издалъ по поводу мобилизаціи листокъ „Ко всѣмъ тверскимъ рабочимъ и крестьянамъ тверского уѣзда" (2000 экз.). **Одесскій Комитетъ** — Резолюцію собранія 286 рабочихъ противъ войны (7000 экз.). **Сибирскій Союзъ** — „Къ солдатамъ".

За апрѣль-май **Прибалтійская латышская соц.-дем. раб. организація** выпустила прокламаціи: 1) „Къ борьбѣ" — 6000 экз. 2) „Съ первымъ мая" — 4000 экз., 3) „Рабочіе" — 10.000 экз., 4) „Чего мы требуемъ?" — 15.000 экз. Кромѣ того 2 номера „Борьбы"[1] въ 3000 и 2000 экз. **Харьк. Комитетъ** за время съ 1 января по 1 іюля 1904 г. издалъ слѣдующіе листки: 1) О войнѣ (1500 экз.), 2) По поводу сборовъ съ рабочихъ на войну (1000 экз.), 3) Къ рабочимъ паровозостр. завода о сдѣльныхъ работахъ — 800 экз., 4) Къ рабочимъ завода Тельферихъ Саде (300), 5) Къ рабочимъ завода Мельгазе (200), 6) Къ обществу (по поводу смерти Михайловскаго — 500 экз.), 7) Объ избіеніи студентовъ при демонстраціи передъ Русскимъ Собраніемъ (300), 8) О голодовкахъ въ тюрьмѣ (600), 9) Къ молодежи (оконч. средн.-учебн. заведенія — 300 экз.), 10) „Циркуляръ СП-бургскаго попечителя объ отмѣнѣ патріотическихъ манифестацій (200), 11) Первомайское воззваніе „Искры" (1000), 12) Война противъ войны (2500), 13) За что долженъ умирать русскій солдатъ? (3000), 14) „Кто долженъ быть самодержцемъ всероссійскимъ?" (переиздано съ изданія „Искры") въ 2000 экз. Вмѣстѣ съ отмѣченными выше переизданными листками „Искры" — всего 17.900 экз. Сверхъ того изданъ въ типографіи Комитета листокъ „Краснаго Креста" по поводу голодовокъ въ тюрьмѣ (3000 экз.). Комитетомъ распространено сверхъ того: оттискъ изъ „Искры": „Въ ожиданіи успѣховъ" (изд. Ц. К. — 800 экз.) и значительное количество №№ 55, 56, 59 и 61 „Искры". **Севастоп. Ком. Крымскаго Союза** издано: 1) „Къ портовымъ грузчикамъ"; 2) Листокъ по поводу предмайскихъ арестовъ; 3) О сверхурочныхъ работахъ въ портовыхъ мастерскихъ; 4) О задѣльныхъ работахъ въ портовыхъ мастерскихъ. **Керченской Орг—ціей** того же Союза изданъ листокъ по поводу суда надъ участниками всеобщей стачки. **Тверскимъ Ком.** — „Къ рабочимъ ситцевой фабрики Тверской мануфактуры" 600 экз. **Томск. Ком.** — „Къ томичамъ" (по поводу изнасилованія дѣвушки чинами полиціи). **Группой Соц.-Дем. Дальняго Сѣвера** (въ Архангельскѣ) — листокъ: „Къ народнымъ учителямъ и учительницамъ".

Продолженіе отдѣла „изъ Партіи" см. въ приложеніи.

---

[1] И прокламаціи, и журналъ печатаются въ Россіи.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Редакціи доставлены листки: **Главн. Управленія Соц.-Дем. Ц. П. и Л.**: „Къ польскому обществу" и „Правительственныя насилія надъ политическими заключенными въ Калашѣ"; **Комитета Союза учащихся въ Гомелѣ**: „Ко всѣмъ" и „Къ учащимся".

Сибирскому Союзу, Тверскому Комитету, Гомельскому Союзу учащихся: Заявленія отложены, за недостаткомъ мѣста. **Рядовому**: „Наконецъ-то" пойдетъ въ слѣдующемъ номерѣ.

Отъ Ц. К.: Адресъ № 47 (бывшій VIII) отмѣняется.

Отъ представителя Р. С.-Д. Р. П. въ Женевскую Кассу помощи ссыльнымъ и заключеннымъ въ Россіи: Получено изъ Лондона для якутскихъ товарищей — 12 фр. 60 с.; отъ Н. К. С. для якутскихъ товарищей — 24 фр. 60 с.; изъ Breslau — 5 фр.; отъ А. М. — 100 рублей. Передано черезъ него въ Ц. К. для якутскихъ товарищей — 20 фр.; С—ому — 53 фр. 30 с.; въ Л—скую тюрьму — 92 фр. 70 с.

Адресъ для всякого рода сношеній съ Центр. Комитетомъ:
V. OULIANOFF, 3, RUE DE LA COLLINE (rue de Carouge, pres Pont-Neuf) GENEVE (Suisse).

Адресъ для редакціи „Искры" и „Зари" и „Лиги Русской Революціонной Соціальдемократіи":
Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENEVE (Suisse).
(Просятъ обозначать: „для редакціи" или „для Лиги").

Типографія Партіи. Geneve, Rue de la Coulouvreniere, 27.

ИЗЪ ПАРТІИ (продолженіе).

Впередъ или назадъ?

II. Пролетаріи и интеллигенты въ русской соціальдемократіи.

Организація, которая на второмъ съѣздѣ составила себѣ уставъ, въ опредѣленномъ смыслѣ толкуемый „большинствомъ“, есть, на европейскій масштабъ, всего только организація *руководителей* пролетарской борьбы, а не организація борющихся пролетаріевъ. Рабочей партіей наша партія пока еще является только идейно, а не по преимущественному составу ея организацій (комитетовъ), въ числѣ членовъ которыхъ процентъ рабочихъ весьма незначителенъ. Съ самаго своего зарожденія, эти организаціи принимали различныя мѣры, направленныя къ тому, чтобы измѣнить отношеніе между пролетарскими и интеллигентскими элементами въ болѣе *благопріятную для* первыхъ сторону. Но до сихъ поръ имъ это не удавалось и не удавалось потому, что процессъ классового развитія русскаго пролетаріата, выдѣляющій изъ него новые и новые пригодные для введенія въ партію элементы, постоянно опережался процессомъ революціонизированія демократической интеллигенціи, выдѣлявшимъ изъ нея новыхъ рекрутовъ соціальдемократіи. Со времени „экономизма“ характеръ нашей партійной организаціи, со стороны ея личнаго состава, сталъ — относительно — болѣе „интеллигентскимъ“, хотя вліяніе ея на массу усилилось. И особенно рѣзко этотъ преимущественно интеллигентскій характеръ сталъ вырисовываться въ „искровскую“ эпоху, когда въ борьбѣ за революціонно-пролетарскіе *принципы* движенія и соотвѣтствующія имъ формы организаціи этого движенія, мы вступили въ столкновеніе съ естественно-выросшими „чисто-рабочими“ организаціями, противостоявшими нашимъ комитетамъ и ставшими тормазомъ для развитія движенія въ направленіи революціонной классовой борьбы. Отсталые, сравнительно съ Комитетами, по своимъ организаціоннымъ методамъ и по содержанію своей работы, эти „широкія рабочія организаціи“ должны были уступать Комитетамъ и — сойти со сцены[1]. *По мысли* большинства тогдашнихъ „искровцевъ“, это устраненеіе „широкихъ рабочихъ организацій“ отнюдь не означало усиленія преимущественно-интеллигентскаго характера партійной организаціи, и только когда этотъ результатъ былъ „стихійно“ достигнутъ, нашлись, какъ всегда, по ленинской несуразной терминологіи, „хвостисты“, которые санкціонировали этотъ отрицательный результатъ и со всѣмъ жаромъ наивнаго недомыслія стали чуть ли не гордиться тѣмъ, что въ организаціяхъ пролетарской партіи пролетаріи фигурируютъ въ роли rara avis, рѣдкой птицы. Напротивъ, въ періодъ борьбы съ „демократическими“ организаціями предполагалось, что распущеніе этихъ послѣднихъ сниметъ всѣ искусственныя перегородки между „интеллигентскими“ комитетами и безотвѣтственными агитаторскими и пропагандистскими кружками рабочихъ и, тѣмъ самымъ, позволитъ первымъ построить „сверху внизъ“ такую прочную и достаточно широкую организацію, въ которой найдутъ свое мѣсто всѣ сознательные и революціонные элементы пролетаріата и въ которой автоматически будетъ совершаться „снизу вверхъ“ процессъ „завоеванія“ пролетаріями того положенія въ партіи, которое опредѣляется ея пролетарской программой. Предполагалось, однимъ словомъ, что реформированная мѣстная организація будетъ *политически воспитывать* охваченные ею пролетарскіе элементы и вырабатывать изъ нихъ „будущихъ Бебелей и Ауэровъ“, которые постепенно и овладѣютъ нашими Комитетами. Въ „Что дѣлать?“, какъ и въ „Письмѣ къ товарищу“, тов. Ленинъ указываетъ на такія именно перспективы.

Вотъ эта именно организація *руководителей* движенія, только что разрушившая стихійно выросшія „широкія рабочія организаціи“ и только еще собиравшаяся возмѣстить ихъ систематическимъ „отборомъ“ передовыхъ пролетарскихъ элементовъ, вотъ эта-то именно организація и создала тѣ нормы, которыя были формулированы въ уставѣ, принятомъ вторымъ съѣздомъ, и которыя защищаются нынѣшнимъ „большинствомъ“. Эта организація руководителей движенія, какъ нельзя менѣе, похожа на организацію пролетаріата, ибо послѣдній не составляетъ ея ядра, а цѣликомъ находится *внѣ* ея. Если изъ нашего устава вычесть такъ рѣзко дисгармонирующій съ нимъ § 1, то получится уставъ организаціи руководителей рабочаго движенія, состоящій изъ Ц. О. + Ц. К. + Комитеты и Союзы. Но Комитеты и Союзы не суть простыя составныя части организацій пролетаріата, выполняющія лишь опредѣленныя функціи руководства. Комитеты и Союзы суть составившіяся, путемъ добровольнаго соединенія единомыслящихъ, коллективности „профессіональныхъ революціонеровъ“, берущія на себя иниціативу *внести порядокъ* въ хаосъ мѣстнаго движенія и объединять дѣятельность многочисленныхъ кружковъ, группъ и единицъ, выдѣляемыхъ этимъ движеніемъ. Такъ возникли наши комитеты и такую роль играли они ко времени съѣзда. Организаціонной задачей послѣдняго было регулировать взаимоотношенія между отдѣльными комитетами и равносильными имъ организаціями для того, чтобы внести планомѣрность и единство въ систему воздѣйствія ихъ на рабочее движеніе и на всю массу, болѣе или менѣе оформленныхъ кружковъ и группъ, разсѣянныхъ въ немъ. Если мы имѣли основаніе назвать совокупность нормъ, опредѣляющихъ эти взаимоотношенія, уставомъ *Партіи*, — то лишь потому, что предпосылкой нашего строительства являлся завоеванный предыдущей нашей работой значительный авторитетъ Комитетовъ въ глазахъ всей массы русскихъ соціальдемократовъ и сознательныхъ рабочихъ. Но эта то предпосылка, скажу мимоходомъ, требовала отъ насъ величайшей осторожности въ дѣлѣ регулированія нашихъ собственныхъ отношеній внутри того цѣлаго, которое я называю — въ отличіе отъ партіи — *партійной организаціей* или, если хотите, организаціей *руководителей*: всякое *ненужное* раскалываніе этой организаціи, неоправдываемое существенными непримиримыми разногласіями, означало бы необходимо и неизбѣжно аппеляцію отъ нея *къ Партіи въ цѣломъ* и подрывъ авторитета этой организаціи въ глазахъ массы соціальдемократовъ. А это, въ свою очередь, поставило бы съ такой же неизбѣжностью, вновь на очереди вопросъ объ остающихся до сихъ поръ не регулированными никакимъ общимъ уставомъ организаціонныхъ отношеніяхъ комитетовъ къ совокупности сознательныхъ пролетаріевъ каждой мѣстности. Отсюда уже видно, какую медвѣжью услугу оказалъ дѣлу централизма нашъ великій стратегъ, когда во имя своего безшабашнаго „интеллигентскаго индивидуализма“, не признающаго подчиненія своей воли волѣ коллективности, *замѣнилъ* рѣшеніе важнѣйшихъ организаціонныхъ вопросовъ на съѣздѣ рѣшеніемъ ихъ на „пропѣжженномъ“ собраніи „24-хъ“, которое онъ систематически терроризировалъ угрозой „сдѣлать партію несчастной“ своимъ выходомъ въ отставку. Это значило — расколоть *партійную организацію* и тѣмъ самымъ *устранить всякую возможность* опираться на ея авторитетъ въ дѣлѣ регулированія „сверху внизъ“ всѣхъ организаціонныхъ отношеній внутри партіи въ широкомъ смыслѣ слова. И у него хватаетъ все еще наивности вопрошать меня (стр. 91): „Не попробуетъ ли онъ (Мартовъ) показать намъ, что былъ на свѣтѣ такой партійный съѣздъ, что мыслимъ, вообще, такой партійный съѣздъ, въ которомъ бы большинство не закрѣпляло завоеваннаго вліянія 1) проведеніемъ большинства же въ центры, 2) врученіемъ имъ власти для парализованія шаткости, неустойчивости и расплывчатости?“ Тов. Ленину за меня отвѣтилъ уже Каутскій и изъ его простыхъ словъ о невозможности строить нелегальную (да и одну ли только нелегальную?) соціалистическую партію на „принципѣ“ подавленія числомъ голосовъ — вытекаетъ ясно, какимъ въ сущности „русскимъ дакаремъ“ является авторъ „Шага“ въ вопросахъ политической организаціи.

Изъ сказаннаго мною уже видно, что мы — „меньшинство“ — не такъ уже чужды, какъ это кажется тов. Ленину, идеѣ „построенія партіи сверху внизъ, исходя отъ съѣзда“, если только подъ „построеніемъ партіи“ понимать не канцелярскую мечту творенія „изъ ничего“, а реальное революціонное дѣло *оформленія фактически слагающейся рабочей партіи*. Но именно, чтобы можно было строить „сверху внизъ“, надо съѣздомъ партійныхъ организацій воспользоваться для того, чтобы усилить въ высшей степени то *начало довѣрія*, на которомъ — при нелегальныхъ нашихъ условіяхъ, при отсутствіи гласности и демократическаго контроля — держится вліяніе комитетовъ на всѣхъ соціальдемократовъ и — черезъ нихъ — на рабочую массу. И, конечно, объединеніе руководящихъ организацій нужно было *не для того*, чтобы совмѣстными усиліями накинуть и затянуть на шеѣ сознательнаго пролетаріата „мертвую петлю“ какого нибудь ультра-централистическаго „плана“. Значительное вліяніе, которое воплощало бы въ себѣ такая объединенная и крѣпкая своимъ единствомъ партійная организація, позволило бы ей безъ всякаго „кровопролитія“, безъ лишнихъ треній, выполнить трудную работу проведенія сложной организаціонной сѣти отъ „центровъ“ къ массѣ дѣйствительныхъ соціальдемократовъ, группирующихся около нашихъ комитетовъ. Безъ всякой „игры въ демократизмъ“ и въ „выборное начало“ могла бы быть совершена эта реформа, въ результатѣ которой мы бы имѣли развившуюся изъ нынѣшняго зародыша *пролетарскую партію*, начинающуюся отъ „всѣхъ сознательныхъ пролетаріевъ“ и кончающуюся „конспиративнымъ ядромъ профессіональныхъ революціонеровъ“. Этой стороны „организаціоннаго вопроса“ для тов. Ленина, очевидно, не существовало, и *намекомъ* на эту сторону дѣла явился злосчастный § 1 устава, смыслъ котораго заключался въ напоминаніи партійнымъ организаціямъ, что онѣ — пока еще — являются только тѣми кадрами, изъ которыхъ, путемъ повторной мобилизаціи, должна еще образоваться партійная армія.

Большинство съѣзда смутно, по крайней мѣрѣ, чувствовало, что прошлое позволяетъ намъ учесть силы только этого организованнаго ядра и лишь *внутри* его оформить юридически организаціонныя отношенія. Вопросъ о типѣ мѣстной организаціи, объ отношеніяхъ между комитетами и подчиненными имъ группами, *нашъ уставъ вовсе не касается*, и тов. Ленинъ клевещетъ на съѣздъ, когда приписываетъ ему санкціонированіе тѣхъ канцелярскихъ плановъ мѣстной организаціи, которые содержатся въ „Письмѣ къ товарищу“.

Какъ же должна была идти постройка партіи „сверху внизъ“, „исходя изъ партійнаго съѣзда и имъ созданныхъ учрежденій?“ „Меньшинство“ отвѣтило на этотъ вопросъ *послѣ съѣзда*, когда показало, что стоящія передъ нами задачи *организаціи* не могутъ быть разрѣшены иначе, какъ по мѣрѣ разрѣшенія выдвинутыхъ развитіемъ нашей партіи вопросовъ *тактики*. Это значитъ слѣдующее. Работа недавняго прошлаго была, по существу своему, работой вовлеченія широкихъ массъ пролетаріата въ борьбу съ самодержавіемъ, какъ „обще-національнымъ“ врагомъ Россіи. Для выполненія этой работы намъ достаточно было имѣть единомыслящіе комитеты, пользующіеся въ глазахъ массы достаточнымъ революціоннымъ авторитетомъ, чтобы періодически мобилизовать ее для всякаго рода политическихъ „оказательствъ“ и связанные съ массой черезъ посредство разныхъ группъ и кружковъ, служащихъ техническими помощниками комитетовъ въ дѣлѣ руководства массовымъ проявленіемъ борьбы. Ведущаяся комитетами въ этихъ кружкахъ пропаганда и попадающія въ массу, черезъ посредство газетъ, брошюръ и прокламацій, обрывки соціальдемо[illegible]кратическаго содержанія, вносимаго въ „чисто-политическую“, революціонно-демократическую агитацію противъ царизма.

Такого рода политическое руководство пролетаріатомъ не можетъ считаться дѣйствительнымъ соціальдемократическимъ руководствомъ. Чтобы оно стало таковымъ, наша работа должна существенно реформироваться въ томъ направленіи, чтобы дальнѣйшему расширенію и революціонизированію массового движенія соотвѣтствовали и развитіе и ростъ самостоятельной *классовой партіи пролетаріата*, въ которой „комитеты“ являлись бы признанными ею ея *политическими представителями*. Самая агитація наша должна стать разностороннѣе и глубже, чтобы вмѣстить всѣ составные элементы нашей классовой программы; политика Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи должна не „идеально“ лишь, не со стороны чистоты руководящихъ ея „вождями“ принциповъ, а реально, на дѣлѣ, стать активной политикой сознательнаго слоя россійскаго пролетаріата, уполномоченными котораго являлись бы эти „вожди“ (какой „хвостизмъ“, неправла ли, тов. Ленинъ?); этотъ сознательный слой пролетаріата долженъ принимать, слѣдовательно, активное участіе во всѣхъ проявленіяхъ партійной жизни, въ процессѣ выработки партіей ея программы, принциповъ ея тактики и методовъ ея организаціи. Когда это будетъ на лицо, тогда мы сможемъ съ полнымъ правомъ назвать себя *авангардомъ* россійскаго пролетаріата, тогда и только тогда мы сможемъ надѣяться, что неминуемо-предстоящій моментъ ликвидаціи царизма будетъ одновременно моментомъ вторженія русскаго пролетаріата, *какъ сознательнаго класса*, въ тѣ сферы открытой политической жизни, которыя попытается захватить въ свое монопольное владѣніе россійская буржуазія.

Вотъ какая громадная политическая задача стояла непосредственно передъ нами въ моментъ „ликвидаціи третьяго періода“ на второмъ съѣздѣ; вотъ какую задачу намъ придется рѣшать въ тотъ, надѣемся, *близкій* уже моментъ, когда мы исправимъ ошибки второго съѣзда и возстановимъ единство внутри своей „организаціи руководителей“ для того, чтобы приступить, непосредственно и не покладая рукъ, къ работѣ по превращенію этой организаціи въ остовъ *самостоятельной классовой пролетарской партіи*.

Еслибы второй съѣздъ не совершилъ указанной ошибки, еслибы онъ не закончился новымъ расколомъ „организаціи руководителей“, — первымъ дѣломъ созданныхъ имъ учрежденій было бы: принятыя съѣздомъ политическихъ представителей рѣшенія *сдѣлать достояніемъ всего сознательнаго пролетаріата*. Вернувшіеся со съѣзда делегаты, выбранный ими Ц. К. не должны были бы ознакомлять мѣстные комитеты разсказами о вновь объявившемся неуловимомъ теченіи „мягкаго искровства“, а тѣмъ паче, о внезапномъ впаденіи Засуличъ и Аксельрода въ „оппортюнизмъ“, да еще такой, о которомъ ни делегаты, ни члены Ц. К. не могли сообщить „комитетчикамъ“ ничего вразумительнаго, впредь до того, какъ тов. Ленинъ „покажетъ“, что это за новый оппортюнизмъ. Но за то они должны были бы, черезъ посредство мѣстныхъ комитетовъ, ознакомить передовые слои пролетаріата съ принятой на съѣздѣ *программой*, съ рѣшеніями съѣзда о принципахъ политической дѣятельности партіи и съ конкретными вопросами организаціи, разсмотрѣнными на съѣздѣ. Обсужденіе во всевозможныхъ группахъ и собраніяхъ результатовъ съѣзда сдѣлало бы самый съѣздъ, въ которомъ участвовали только представители комитетовъ, дѣйствительнымъ съѣздомъ *партіи*, рамки которой сами собой опредѣлялись бы въ ходѣ этого обсужденія. Планомѣрная пропаганда рѣшеній съѣзда очертила бы, такимъ образомъ, около комитетовъ кругъ дѣйствительныхъ *членовъ партіи*, раздѣляющихъ ея программу и готовыхъ работать подъ руководствомъ комитетовъ. Эта пропаганда связала бы съ комитетами и ихъ съѣздомъ, а, слѣдовательно, и съ Ц. К., самыми прочными узами многія тысячи передовыхъ рабочихъ. И это же обсужденіе позволило бы „провѣрить“ рѣшенія съѣзда въ вопросахъ тактики и организаціи, какъ провѣрилъ поведеніе своей делегаціи „Бундъ“, проведшій черезъ многіе десятки агитаторскихъ собраній вопросъ о федераціи и автономіи. И только по совершеніи такой „провѣрки“, мы имѣли бы нравственное право *говорить*, что рѣшенія нашего съѣзда были не только приняты съ *точки зрѣнія* пролетаріата, но и исходили, по существу, *отъ пролетаріата*.

Да что вопросъ о „Бундѣ“! Мы приняли одно опредѣленное рѣшеніе по очень конкретному вопросу тактики — по вопросу объ отношеніи пролетаріата къ закону о „фабричныхъ старостахъ“. Какъ могло случиться, что теперь, черезъ годъ послѣ съѣзда мы не имѣемъ голоса сознательнаго пролетаріата по этому практическому вопросу? что мы *не знаемъ*, гдѣ и какъ была принята пролетаріями наша резолюція, встрѣтившая столь различную оцѣнку среди насъ — „профессіональныхъ революціонеровъ“? Не означаетъ ли этотъ фактъ, что у насъ еще нѣтъ партійной жизни за предѣлами „интеллигентскихъ“ комитетовъ?[1]

Но партія развивается не однимъ обсужденіемъ принциповъ своей политической дѣятельности, а больше всего самымъ процессомъ этой дѣятельности. И если бы мы ушли со съѣзда, какъ единая партійная организація, передъ нами встала бы задача такой работы на мѣстахъ, въ которой могла бы *проявиться*, какъ живой организмъ, пролетарская партія.

Сдѣлать отдѣльныя проявленія нашей агитаціи отдѣльными актами политической самодѣятельности сознательныхъ рабочихъ; ввести ихъ въ кругъ вопросовъ общественной жизни, монополизированныхъ до сихъ поръ реакціонной, либеральной и радикальной буржуазіей; добиться коллективнаго вмѣшательства ихъ въ сферу этихъ вопросовъ, какъ самостоятельной политической силы; использовать, слѣдовательно, организуемыя нами и независимо отъ насъ организующіяся рабочія собранія для выработки *коллективнаго мнѣнія* пролетаріата по вопросамъ политической жизни; пріурочить къ проявленіямъ этого коллективнаго мнѣнія наши манифестаціи и протесты — и во всей этой работѣ дѣйствительнаго *политическаго руководства* вести одну, опредѣляемую нашей программой, линію — линію самостоятельной классовой политики пролетаріата, внѣ которой немыслимо существованіе классовой пролетарской партіи.

Эта громадная и новая работа не можетъ быть осуществлена разрозненными силами слабыхъ мѣстныхъ комитетовъ. Въ ней намъ необходимъ центральный комитетъ. И нашъ Ц. К. (продолжимъ свою „утопію“) беретъ въ свои руки дѣло качественнаго подъема уровня нашей работы, въ цѣляхъ выработки, въ процессѣ политической борьбы, дѣйствительно пролетарской партіи. Ц. К. непосредственнымъ вліяніемъ и разсылкой своихъ агитаторовъ и пропагандистовъ помогаетъ мѣстнымъ комитетамъ справиться съ работой ознакомленія сознательныхъ рабочихъ съ результатами съѣзда. Онъ пропагандируетъ въ комитетахъ *методы* систематическаго воздѣйствія на рабочую массу въ цѣляхъ выработки въ ней элементовъ классового самосознанія. Наступаетъ японская война. Ц. К. беретъ въ свои руки дѣло мобилизаціи россійскаго пролетаріата для систематическаго протеста противъ войны во имя его классовыхъ интересовъ. Небольшая группа толковыхъ агитаторовъ объѣзжаетъ всѣ центры движенія, съ помощью мѣстныхъ комитетовъ собираетъ рядъ сходокъ, проводитъ опредѣленныя резолюціи, знакомитъ возможно-широкіе круги рабочихъ съ перипетіями авантюристской политики самодержавія, съ конкретнымъ соотношеніемъ выступающихъ на политической сценѣ общественныхъ силъ, съ поведеніемъ буржуазіи, съ зигзагами либераловъ. Время отъ времени, изъ подполья нелегальныхъ собраній волна пролетарскаго протеста выливается въ открытую уличную демонстрацію. Политическая дѣятельность соціальдемократіи выражается уже не въ разрозненныхъ прокламаціяхъ комитетовъ и статьяхъ Ц. О., она становится политической дѣятельностью борьбы класса [illegible] можетъ идти успѣшно дѣло „*формальной организаціи*“ его передовыхъ элементовъ.

Въ дѣлѣ этой организаціи мы идемъ „сверху внизъ, исходя отъ съѣзда“. Но мы „идемъ“ не въ пустое мѣсто, не въ царство тѣней, а въ такую среду, въ которой „снизу вверхъ“ совершается процессъ „самовольнаго“ объединенія пролетаріевъ, ихъ „стихійной“ организаціи. Мы привѣтствуемъ этотъ „самовольный“ процессъ, потому что онъ является прямымъ результатомъ нашей агитаціи, потому что при условіи, что содержаніе этой агитаціи дѣйствительно соціальдемократическое, и сама организація „стихійно“ стремится служить не ограниченнымъ какимъ нибудь цѣлямъ „самопомощи“ на профессіональной почвѣ, а цѣлямъ классовой борьбы. Но мы знаемъ хорошо, что намъ нужна централизованная партійная организація. Не боясь создаваемыхъ рабочими „самовольныхъ“ организацій, мы, однако, не думаемъ подчинять *этимъ* организаціямъ всецѣло своей боевой, сверху внизъ строющейся, конспиративной организаціи, мы не „строимъ партіи снизу вверхъ“. Мы заявляемъ право нашей конспиративной организаціи, санкціонированной съѣздомъ и „общественнымъ мнѣніемъ“ сознательнаго пролетаріата, подчинять своему революціонному контролю дѣятельность этихъ „самовольныхъ“ рабочихъ организацій въ цѣляхъ поддержанія единства политическаго дѣйствія и въ цѣляхъ „конспиративнаго отбора“. И чѣмъ содержательнѣе въ соціальдемократическомъ смыслѣ слова будетъ наша агитація, чѣмъ болѣе развита будетъ политическая жизнь всѣхъ этихъ рабочихъ организацій, тѣмъ меньше опасности, что централизующая руководство ихъ дѣятельностью „организація профессіональныхъ революціонеровъ“ идейно и матеріально „оторвется отъ массы“, тѣмъ меньше опасности, что она превратится въ *заговорщическій кружокъ*.

Вотъ тотъ „оппортюнизмъ“ нынѣшняго „меньшинства“, который, по Ленину, является результатомъ психологіи „интеллигентскаго индивидуализма“, возставшаго противъ „пролетарской дисциплины“! Страшное слово, нечего сказать; но, если посмотрѣть „въ глубь вещей“, то появленіе этого страшнаго слова найдетъ свое достаточное объясненіе.

Въ самомъ дѣлѣ, если поставить вопросъ: въ какомъ отношеніи стоитъ „пролетарская дисциплина“ къ той организаціонной утопіи Ленина, которую мы подвергаемъ критикѣ, то отвѣтъ будетъ одинъ: то, что Ленинъ идеализируетъ въ своей системѣ, какъ высшее проявленіе прирожденной пролетарской дисциплины, есть не что иное, какъ политическая пассивность и сравнительная партійная незрѣлость большинства сознательныхъ пролетаріевъ; пассивность и незрѣлость, на которыхъ держится нехитрое зданіе „доселѣшней“ нашей партійной организаціи.

Группы соціальдемократовъ интеллигентовъ — среди которыхъ въ ничтожномъ количествѣ теряются отдѣльные пролетаріи — руководятъ очень еще неразвитымъ рабочимъ движеніемъ на мѣстахъ. Основные кадры этого движенія — сознательные рабочіе — плохо организованы, плохо воспитаны политически, не проявляютъ достаточной степени активности въ вопросахъ *общаго* направленія движенія, въ вопросахъ партійной тактики. Отдѣльныя попытки проявить свою активность („бунты“ рабочихъ организацій противъ комитетовъ) терпятъ жалкое фіаско, потому что *содержаніе* ихъ протеста черезчуръ узко, слишкомъ примитивно, чтобы оказать вліяніе на общее направленіе работы партіи, которая давленіемъ внѣшнихъ условій *вынуждена* ставить себѣ широкія цѣли, въ масштабѣ, опредѣляемомъ громадностью исторической задачи, въ рѣшеніи которой мы, — соціальдемократы, — должны принять участіе. Но — въ массѣ

---

[1] Попытка — въ противовѣсъ объединенію Комитетовъ — создать объединеніе этихъ организацій въ „дѣйствительно-рабочую“ партію, дѣлавшаяся около времени второго съѣзда, должна была потерпѣть фіаско, въ силу политической отсталости ея иниціаторовъ.

[1] Судя по нѣкоторымъ сообщеніямъ изъ Баку, Екатеринослава, Одессы, вопросъ этотъ занималъ сознательныхъ рабочихъ. Органъ московскихъ типографовъ („Вѣстникъ“ № 5) выступилъ противъ тактики, предписанной съѣздомъ.

ИЗЪ ПАРТІИ (продолженіе).

Впередъ или назадъ?

II. Пролетаріи и интеллигенты въ русской соціальдемократіи.

Организація, которая на второмъ съѣздѣ составила себѣ уставъ, въ опредѣленномъ смыслѣ толкуемый „большинствомъ“, есть, на европейскій масштабъ, всего только организація *руководителей* пролетарской борьбы, а не организація борющихся пролетаріевъ. Рабочей партіей наша партія пока еще является только идейно, а не по преимущественному составу ея организацій (комитетовъ), въ числѣ членовъ которыхъ процентъ рабочихъ весьма незначителенъ. Съ самаго своего зарожденія, эти организаціи принимали различныя мѣры, направленныя къ тому, чтобы измѣнить отношеніе между пролетарскими и интеллигентскими элементами въ болѣе благопріятную для первыхъ сторону. Но до сихъ поръ имъ это не удавалось и не удавалось потому, что процессъ классового развитія русскаго пролетаріата, выдѣляющій изъ него новые и новые пригодные для введенія въ партію элементы, постоянно опережался процессомъ революціонизированія демократической интеллигенціи, выдѣлявшимъ изъ нея новыхъ рекрутовъ соціальдемократіи. Со времени „экономизма“ характеръ нашей партійной организаціи, со стороны ея личнаго состава, сталъ — относительно — болѣе „интеллигентскимъ“, хотя вліяніе ея на массу усилилось. И особенно рѣзко этотъ преимущественно интеллигентскій характеръ сталъ вырисовываться въ „искровскую“ эпоху, когда въ борьбѣ за революціонно-пролетарскіе *принципы* движенія и соотвѣтствующія имъ формы организаціи этого движенія, мы вступили въ столкновеніе съ естественно-выросшими „чисто-рабочими“ организаціями, противостоявшими нашимъ комитетамъ и ставшими тормазомъ для развитія движенія въ направленіи революціонной классовой борьбы. Отсталые, сравнительно съ Комитетами, по своимъ организаціоннымъ методамъ и по содержанію своей работы, эти „широкія рабочія организаціи“ должны были уступить Комитетамъ и — сойти со сцены[1]. *По мысли* большинства тогдашнихъ „искровцевъ“, это устраненеіе „широкихъ рабочихъ организацій“ отнюдь не означало усиленія преимущественно-интеллигентскаго характера партійной организаціи, и только когда этотъ результатъ былъ „стихійно“ достигнутъ, нашлись, какъ всегда, по ленинской несуразной терминологіи, „хвостисты“, которые санкціонировали этотъ отрицательный результатъ и со всѣмъ жаромъ наивнаго недомыслія стали чуть ли не гордиться тѣмъ, что въ организаціяхъ пролетарской партіи пролетаріи фигурируютъ въ роли rara avis, рѣдкой птицы. Напротивъ, въ періодъ борьбы съ „демократическими“ организаціями предполагалось, что распущеніе этихъ послѣднихъ сниметъ всѣ искусственныя перегородки между „интеллигентскими“ комитетами и безотвѣтственными агитаторскими и пропагандистскими кружками рабочихъ и, тѣмъ самымъ, позволитъ первымъ построить „сверху внизъ“ такую прочную и достаточно широкую организацію, въ которой найдутъ свое мѣсто всѣ сознательные и революціонные элементы пролетаріата и въ которой автоматически будетъ совершаться „снизу вверхъ“ процессъ „завоеванія“ пролетаріями того положенія въ партіи, которое опредѣляется ея пролетарской программой. Предполагалось, однимъ словомъ, что реформированная мѣстная организація будетъ *политически воспитывать* охваченные ею пролетарскіе элементы и вырабатывать изъ нихъ „будущихъ Бебелей и Ауэровъ“, которые постепенно и овладѣютъ нашими Комитетами. Въ „Что дѣлать?“, какъ и въ „Письмѣ къ товарищу“, тов. Ленинъ указываетъ на такія именно перспективы.

Вотъ эта именно организація *руководителей* движенія, только что разрушившая стихійно выросшія „широкія рабочія организаціи“ и только еще собиравшаяся возмѣстить ихъ систематическимъ „отборомъ“ передовыхъ пролетарскихъ элементовъ, вотъ эта-то именно организація и создала тѣ нормы, которыя были формулированы въ уставѣ, принятомъ вторымъ съѣздомъ, и которыя защищаются нынѣшнимъ „большинствомъ“. Эта организація руководителей движенія, какъ нельзя менѣе, похожа на организацію пролетаріата, ибо послѣдній не составляетъ ея ядра, а цѣликомъ находится *внѣ* ея. Если изъ нашего устава вычесть такъ рѣзко дисгармонирующій съ нимъ § 1, то получится уставъ организаціи руководителей рабочаго движенія, состоящій изъ Ц. О. + Ц. К. + Комитеты и Союзы. Но Комитеты и Союзы не суть простыя составныя части организацій пролетаріата, выполняющія лишь опредѣленныя функціи руководства. Комитеты и Союзы суть составившіяся, путемъ добровольнаго соединенія единомыслящихъ, коллективности „профессіональныхъ революціонеровъ“, берущія на себя иниціативу *внести порядокъ* въ хаосъ мѣстнаго движенія и объединять дѣятельность многочисленныхъ кружковъ, группъ и единицъ, выдѣляемыхъ этимъ движеніемъ. Такъ возникли наши комитеты и такую роль играли они ко времени съѣзда. Организаціонной задачей послѣдняго было регулировать взаимоотношенія между отдѣльными комитетами и равносильными имъ организаціями для того, чтобы внести планомѣрность и единство въ систему воздѣйствія ихъ на рабочее движеніе и на всю массу, болѣе или менѣе оформленныхъ кружковъ и группъ, разсѣянныхъ въ немъ. Если мы имѣли основаніе назвать совокупность нормъ, опредѣляющихъ эти взаимоотношенія, уставомъ *Партіи*, — то лишь потому, что предпосылкой нашего строительства являлся завоеванный предыдущей нашей работой значительный авторитетъ Комитетовъ въ глазахъ всей массы русскихъ соціальдемократовъ и сознательныхъ рабочихъ. Но эта то предпосылка, скажу мимоходомъ, требовала отъ насъ величайшей осторожности въ дѣлѣ регулированія нашихъ собственныхъ отношеній внутри того цѣлаго, которое я называю — въ отличіе отъ партіи — *партійной организаціей* или, если хотите, организаціей *руководителей*: всякое *ненужное* раскалываніе этой организаціи, неоправдываемое существенными непримиримыми разногласіями, означало бы необходимо и неизбѣжно апелляцію отъ нея къ *Партіи въ цѣломъ* и подрывъ авторитета этой организаціи въ глазахъ массы соціальдемократовъ. А это, въ свою очередь, поставило бы съ такой же неизбѣжностью, вновь на очереди вопросъ объ остающихся до сихъ поръ не регулированными никакимъ общимъ уставомъ организаціонныхъ отношеніяхъ комитетовъ къ совокупности сознательныхъ пролетаріевъ каждой мѣстности. Отсюда уже видно, какую медвѣжью услугу оказалъ дѣлу централизма нашъ великій стратегъ, когда во имя своего безшабашнаго „интеллигентскаго индивидуализма“, не признающаго подчиненія своей воли волѣ коллективности, *замѣнилъ* рѣшеніе важнѣйшихъ организаціонныхъ вопросовъ на съѣздѣ рѣшеніемъ ихъ на „пропѣженномъ“ собраніи „24-хъ“, которое онъ систематически терроризировалъ угрозой „сдѣлать партію несчастной“ своимъ выходомъ въ отставку. Это значило — расколоть *партійную организацію* и тѣмъ самымъ *устранить всякую возможность* опираться на ея авторитетъ въ дѣлѣ регулированія „сверху внизъ“ всѣхъ организаціонныхъ отношеній внутри партіи въ широкомъ смыслѣ слова. И у него хватаетъ все еще наивности вопрошать меня (стр. 91): „Не попробуетъ ли онъ (Мартовъ) показать намъ, что былъ на свѣтѣ такой партійный съѣздъ, что мыслимъ, вообще, такой партійный съѣздъ, въ которомъ бы большинство не закрѣпляло завоеваннаго вліянія 1) проведеніемъ большинства же въ центры, 2) врученіемъ имъ власти для парализованія шаткости, неустойчивости и расплывчатости?“ Тов. Ленину за меня отвѣтилъ уже Каутскій и изъ его простыхъ словъ о невозможности строить нелегальную (да и одну ли только нелегальную?) соціалистическую партію на „принципѣ“ подавленія числомъ голосовъ — вытекаетъ ясно, какимъ въ сущности „русскимъ дикаремъ“ является авторъ „Шага“ въ вопросахъ политической организаціи.

Изъ сказаннаго мною уже видно, что мы — „меньшинство“ — не такъ уже чужды, какъ это кажется тов. Ленину, идеѣ „построенія партіи сверху внизъ, исходя отъ съѣзда“, если только подъ „построеніемъ партіи“ понимать не канцелярскую мечту творенія „изъ ничего“, а реальное революціонное дѣло *оформленія фактически слагающейся рабочей партіи*. Но именно, чтобы можно было строить „сверху внизъ“, надо съѣздомъ партійныхъ организацій воспользоваться для того, чтобы усилить въ высшей степени то *начало довѣрія*, на которомъ — при нелегальныхъ нашихъ условіяхъ, при отсутствіи гласности и демократическаго контроля — держится вліяніе комитетовъ на всѣхъ соціальдемократовъ и — черезъ нихъ — на рабочую массу. И, конечно, объединеніе руководящихъ организацій нужно было *не для того*, чтобы совмѣстными усиліями накинуть и затянуть на шеѣ сознательнаго пролетаріата „мертвую петлю“ какого нибудь ультра-централистическаго „плана“. Значительное вліяніе, которое воплощало бы въ себѣ такая объединенная и крѣпкая своимъ единствомъ партійная организація, позволило бы ей безъ всякаго „кровопролитія“, безъ лишнихъ треній, выполнить трудную работу проведенія сложной организаціонной сѣти отъ „центровъ“ къ массѣ дѣйствительныхъ соціальдемократовъ, группирующихся около нашихъ комитетовъ. Безъ всякой „игры въ демократизмъ“ и въ „выборное начало“ могла бы быть совершена эта реформа, въ результатѣ которой мы бы имѣли развившуюся изъ нынѣшняго зародыша *пролетарскую партію*, начинающуюся отъ „всѣхъ сознательныхъ пролетаріевъ“ и кончающуюся „конспиративнымъ ядромъ профессіональныхъ революціонеровъ“. Этой стороны „организаціоннаго вопроса“ для тов. Ленина, очевидно, не существовало, и *намекомъ* на эту сторону дѣла являлся злосчастный § 1 устава, смыслъ котораго заключался въ напоминаніи партійнымъ организаціямъ, что онѣ — пока еще — являются только тѣми кадрами, изъ которыхъ, путемъ повторной мобилизаціи, должна еще образоваться партійная армія.

Большинство съѣзда смутно, по крайней мѣрѣ, чувствовало, что прошлое позволяетъ намъ учесть силы только этого организованнаго ядра и лишь *внутри* его оформить юридически организаціонныя отношенія. Вопросъ о типѣ мѣстной организаціи, объ отношеніяхъ между комитетами и подчиненными имъ группами, *нашъ уставъ вовсе не касается*, и тов. Ленинъ клевещетъ на съѣздъ, когда приписываетъ ему санкціонированіе тѣхъ канцелярскихъ плановъ мѣстной организаціи, которые содержатся въ „Письмѣ къ товарищу“.

Какъ же должна была идти постройка партіи „сверху внизъ“, „исходя изъ партійнаго съѣзда и имъ созданныхъ учрежденій?“ „Меньшинство“ отвѣтило на этотъ вопросъ *послѣ съѣзда*, когда показало, что стоящія передъ нами задачи *организаціи* не могутъ быть разрѣшены иначе, какъ по мѣрѣ разрѣшенія выдвинутыхъ развитіемъ нашей партіи вопросовъ *тактики*. Это значитъ слѣдующее. Работа недавняго прошлаго была, по существу своему, работой вовлеченія широкихъ массъ пролетаріата въ борьбу съ самодержавіемъ, какъ „обще-національнымъ“ врагомъ Россіи. Для выполненія этой работы намъ достаточно было имѣть единомыслящіе комитеты, пользующіеся въ глазахъ массы достаточнымъ революціоннымъ авторитетомъ, чтобы періодически мобилизовать ее для всякаго рода политическихъ „оказательствъ“ и связанные съ массой черезъ посредство разныхъ группъ и кружковъ, служащихъ техническими помощниками комитетовъ въ дѣлѣ руководства массовымъ проявленіемъ борьбы. Ведущаяся комитетами въ этихъ кружкахъ пропаганда и попадающія въ массу, черезъ посредство газетъ, брошюръ и прокламацій, обрывки соціальдемократическаго содержанія, вносимаго въ „чисто политическую“, революціонно-демократическую агитацію противъ царизма.

Такого рода политическое руководство пролетаріатомъ не можетъ считаться дѣйствительнымъ соціальдемократическимъ руководствомъ. Чтобы оно стало таковымъ, наша работа должна существенно реформироваться въ томъ направленіи, чтобы дальнѣйшему расширенію и революціонизированію массового движенія соотвѣтствовали и развитіе и ростъ самостоятельной *классовой партіи пролетаріата*, въ которой „комитеты“ являлись бы признанными ею ея *политическими представителями*. Сама агитація наша должна стать разностороннѣе и глубже, чтобы вмѣстить всѣ составные элементы нашей классовой программы, политика Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи должна не „идеально“ лишь, не со стороны чистоты руководящихъ ея „вождями“ принциповъ, а реально, на дѣлѣ, стать активной политикой сознательнаго слоя россійскаго пролетаріата, уполномоченными котораго являлись бы эти „вожди“ (какой „хвостизмъ“, неправда ли, тов. Ленинъ?), этотъ сознательный слой пролетаріата долженъ принимать, слѣдовательно, активное участіе во всѣхъ проявленіяхъ партійной жизни, въ процессѣ выработки партіей ея программы, принциповъ ея тактики и методовъ ея организаціи. Когда это будетъ на лицо, тогда мы сможемъ съ полнымъ правомъ назвать себя *авангардомъ* россійскаго пролетаріата, тогда и только тогда мы сможемъ надѣяться, что неминуемо-предстоящій моментъ ликвидаціи царизма будетъ одновременно моментомъ вторженія русскаго пролетаріата, *какъ сознательнаго класса*, въ тѣ сферы открытой политической жизни, которыя попытается захватить въ свое монопольное владѣніе россійская буржуазія.

Вотъ какая громадная политическая задача стояла непосредственно передъ нами въ моментъ „ликвидаціи третьяго періода“ на второмъ съѣздѣ; вотъ какую задачу намъ придется рѣшать въ тотъ, надѣемся, близкій уже моментъ, когда мы исправимъ ошибки второго съѣзда и возстановимъ единство внутри своей „организаціи руководителей“ для того, чтобы приступить, непосредственно и не покладая рукъ, къ работѣ по превращенію этой организаціи въ остовъ *самостоятельной классовой пролетарской партіи*.

Если бы второй съѣздъ не совершилъ указанной ошибки, если бы онъ не закончился новымъ расколомъ „организаціи руководителей“, — первымъ дѣломъ созданныхъ имъ учрежденій было бы: принятыя съѣздомъ политическихъ представителей рѣшенія *сдѣлать достояніемъ всего сознательнаго пролетаріата*. Вернувшіеся со съѣзда делегаты, выбранный ими Ц. К. не должны были бы ознакомлять мѣстные комитеты разсказами о вновь объявившемся неуловимомъ теченіи „мягкаго искровства“, а тѣмъ паче, о внезапномъ впаденіи Засуличъ и Аксельрода въ „оппортюнизмъ“, да еще такой, о которомъ ни делегаты, ни члены Ц. К. не могли сообщить „комитетчикамъ“ ничего вразумительнаго, впредь до того, какъ тов. Ленинъ „покажетъ“, что это за новый оппортюнизмъ. Но за то они должны были бы, черезъ посредство мѣстныхъ комитетовъ, ознакомить передовые слои пролетаріата съ принятой на съѣздѣ *программой*, съ рѣшеніями съѣзда о принципахъ политической дѣятельности партіи и съ конкретными вопросами организаціи, разсмотрѣнными на съѣздѣ. Обсужденіе во всевозможныхъ группахъ и собраніяхъ результатовъ съѣзда сдѣлало бы самый съѣздъ, въ которомъ участвовали только представители комитетовъ, дѣйствительнымъ съѣздомъ *партіи*, рамки которой сами собой опредѣлялись бы въ ходѣ этого обсужденія. Планомѣрная пропаганда рѣшеній съѣзда очертила бы, такимъ образомъ, около комитетовъ кругъ дѣйствительныхъ *членовъ партіи*, раздѣляющихъ ея программу и готовыхъ работать подъ руководствомъ комитетовъ. Эта пропаганда связала бы съ комитетами и ихъ съѣздомъ, а, слѣдовательно, и съ Ц. К., самыми прочными узами многія тысячи передовыхъ рабочихъ. И это же обсужденіе позволило бы „провѣрить“ рѣшенія съѣзда въ вопросахъ тактики и организаціи, какъ провѣрилъ поведеніе своей делегаціи „Бундъ“, проведшій черезъ многіе десятки агитаторскихъ собраній вопросъ о федераціи и автономіи. И только по совершеніи такой „провѣрки“, мы имѣли бы нравственное право говорить, что рѣшенія нашего съѣзда были не только приняты съ *точки зрѣнія* пролетаріата, но и исходили, по существу, *отъ пролетаріата*.

Да что вопросъ о „Бундѣ“! Мы приняли одно опредѣленное рѣшеніе по очень конкретному вопросу тактики — по вопросу объ отношеніи пролетаріата къ закону о „фабричныхъ старостахъ“. Какъ могло случиться, что теперь, черезъ годъ послѣ съѣзда мы не имѣемъ голоса сознательнаго пролетаріата по этому практическому вопросу? что мы *не знаемъ*, гдѣ и какъ была принята пролетаріями наша резолюція, встрѣтившая столь различную оцѣнку среди насъ — „профессіональныхъ революціонеровъ“? Не означаетъ ли этотъ фактъ, что у насъ еще нѣтъ партійной жизни за предѣлами „интеллигентскихъ“ комитетовъ?[1])

Но партія развивается не однимъ обсужденіемъ принциповъ своей политической дѣятельности, а больше всего самымъ процессомъ этой дѣятельности. И если бы мы ушли со съѣзда, какъ единая партійная организація, передъ нами встала бы задача такой работы на мѣстахъ, въ которой могла бы проявиться, какъ живой организмъ, пролетарская партія.

Сдѣлать отдѣльныя проявленія нашей агитаціи отдѣльными актами политической самодѣятельности сознательныхъ рабочихъ; ввести ихъ въ кругъ вопросовъ общественной жизни, монополизированныхъ до сихъ поръ реакціонной, либеральной и радикальной буржуазіей; добиться коллективнаго вмѣшательства ихъ въ сферу этихъ вопросовъ, какъ самостоятельной политической силы; использовать, слѣдовательно, организуемыя нами и независимо отъ насъ организующіяся рабочія собранія для выработки *коллективнаго мнѣнія* пролетаріата по вопросамъ политической жизни; пріурочить къ проявленіямъ этого коллективнаго мнѣнія наши манифестаціи и протесты — и во всей этой работѣ дѣйствительнаго *политическаго руководства* вести одну, опредѣляемую нашей программой, линію — линію самостоятельной классовой политики пролетаріата, внѣ которой немыслимо существованіе классовой пролетарской партіи.

Эта громадная и новая работа не можетъ быть осуществлена разрозненными силами слабыхъ мѣстныхъ комитетовъ. Въ ней намъ необходимъ центральный комитетъ. И нашъ Ц. К. (продолжимъ свою „утопію“) беретъ въ свои руки дѣло качественнаго подъема уровня нашей работы, въ цѣляхъ выработки, въ процессѣ политической борьбы, дѣйствительно пролетарской партіи. Ц. К. непосредственнымъ вліяніемъ и разсылкой своихъ агитаторовъ и пропагандистовъ помогаетъ мѣстнымъ комитетамъ справиться съ работой ознакомленія сознательныхъ рабочихъ съ результатами съѣзда. Онъ пропагандируетъ въ комитетахъ *методы* систематическаго воздѣйствія на рабочую массу въ цѣляхъ выработки въ ней элементовъ классового самосознанія. Наступаетъ японская война. Ц. К. беретъ въ свои руки дѣло мобилизаціи россійскаго пролетаріата для систематическаго протеста противъ войны во имя его классовыхъ интересовъ. Небольшая группа толковыхъ агитаторовъ объѣзжаетъ всѣ центры движенія, съ помощью мѣстныхъ комитетовъ собираетъ рядъ сходокъ, проводитъ опредѣленныя резолюціи, знакомитъ возможно-широкіе круги рабочихъ съ перипетіями авантюристской политики самодержавія, съ конкретнымъ соотношеніемъ выступающихъ на политической сценѣ общественныхъ силъ, съ поведеніемъ буржуазіи, съ зигзагами либераловъ. Время отъ времени, изъ подполья нелегальныхъ собраній волна пролетарскаго протеста выливается въ открытую уличную демонстрацію. Политическая дѣятельность соціальдемократіи выражается уже не въ разрозненныхъ прокламаціяхъ комитетовъ и статьяхъ Ц. О., она становится политической дѣятельностью борьбы класса. Можетъ идти успѣшно дѣло „*формальной организаціи*“ его передовыхъ элементовъ.

Въ дѣлѣ этой организаціи мы идемъ „сверху внизъ, исходя отъ съѣзда“. Но мы „идемъ“ не въ пустое мѣсто, не въ царство тѣней, а въ такую среду, въ которой „снизу вверхъ“ совершается процессъ „самовольнаго“ объединенія пролетаріевъ, ихъ „стихійной“ организаціи. Мы привѣтствуемъ этотъ „самовольный“ процессъ, потому что онъ является прямымъ результатомъ нашей агитаціи, потому что при условіи, что содержаніе этой агитаціи дѣйствительно соціальдемократическое, и сама организація „стихійно“ стремится служить не ограниченнымъ какимъ нибудь цѣлямъ „самопомощи“ на профессіональной почвѣ, а цѣлямъ классовой борьбы. Но мы знаемъ хорошо, что намъ нужна централизованная партійная организація. Не боясь создаваемыхъ рабочими „самовольныхъ“ организацій, мы, однако, не думаемъ подчинять *этимъ* организаціямъ всецѣло своей боевой, сверху внизъ строящейся, конспиративной организаціи, мы не „строимъ партіи снизу вверхъ“. Мы заявляемъ право нашей конспиративной организаціи, санкціонированной съѣздомъ и „общественнымъ мнѣніемъ“ сознательнаго пролетаріата, подчинять своему революціонному контролю дѣятельность этихъ „самовольныхъ“ рабочихъ организацій — въ цѣляхъ поддержанія единства политическаго дѣйствія и въ цѣляхъ „конспиративнаго отбора“. И чѣмъ содержательнѣе въ соціальдемократическомъ смыслѣ слова будетъ наша агитація, чѣмъ болѣе развита будетъ политическая жизнь всѣхъ этихъ рабочихъ организацій, тѣмъ меньше опасности, что централизующая руководство ихъ дѣятельностью „организація профессіональныхъ революціонеровъ“ идейно и матеріально „оторвется отъ массы“, тѣмъ меньше опасности, что она превратится въ *заговорщическій кружокъ*.

Вотъ тотъ „оппортюнизмъ“ нынѣшняго „меньшинства“, который, по Ленину, является результатомъ психологіи „интеллигентскаго индивидуализма“, возставшаго противъ „пролетарской дисциплины“! Страшное слово, нечего сказать, но, если посмотрѣть „въ глубь вещей“, то появленіе этого страшнаго слова найдетъ свое достаточное объясненіе.

Въ самомъ дѣлѣ, если поставить вопросъ: въ какомъ отношеніи стоитъ „пролетарская дисциплина“ къ той организаціонной утопіи Ленина, которую мы подвергаемъ критикѣ, то отвѣтъ будетъ одинъ: то, что Ленинъ идеализируетъ въ своей системѣ, какъ высшее проявленіе прирожденной пролетарской дисциплины, есть не что иное, какъ политическая пассивность и сравнительная партійная незрѣлость большинства сознательныхъ пролетаріевъ; пассивность и незрѣлость, на которыхъ держится нехитрое зданіе „доселѣшней“ нашей партійной организаціи.

Группы соціальдемократовъ-интеллигентовъ — среди которыхъ въ ничтожномъ количествѣ теряются отдѣльные пролетаріи — руководятъ очень еще неразвитымъ рабочимъ движеніемъ на мѣстахъ. Основные кадры этого движенія — сознательные рабочіе — плохо организованы, плохо воспитаны политически, не проявляютъ достаточной степени активности въ вопросахъ *общаго* направленія движенія, въ вопросахъ партійной тактики. Отдѣльныя попытки проявить свою активность („бунты“ рабочихъ организацій противъ комитетовъ) терпятъ жалкое фіаско, потому что *содержаніе* ихъ протеста черезчуръ узко, слишкомъ примитивно, чтобы оказать вліяніе на общее направленіе работы партіи, которая давленіемъ внѣшнихъ условій *вынуждена* ставить себѣ широкія цѣли, въ масштабѣ, опредѣляемомъ громадностью исторической задачи, въ рѣшеніи которой мы, — соціалдемократы, — должны принять участіе. Но — въ массѣ своей — сознательные рабочіе слишкомъ еще политически неопытны; не имѣя ни нашего (интеллигентовъ) опыта предыдущихъ революціонныхъ поколѣній, ни достаточно теоретическихъ знаній и знакомства съ рабочимъ движеніемъ передовыхъ странъ, они слишкомъ далеко отстаютъ отъ „сливокъ“ соціальдемократической интеллигенціи, чтобы, какъ равные съ равными, соучаствовать съ ними въ рѣшеніи вопросовъ партійной политики. И тѣ вопросы, которые на „высотахъ“ партіи ставились въ широкомъ объемѣ крупныхъ проблемъ программы и тактики — ортодоксія или бернштейніанизмъ, самостоятельная революціонная политика или политика credo? — эти вопросы для массы „рядовыхъ“ принимали „упрощенный“ видъ — стачка или демонстрація? экономическое улучшеніе или „долой самодержавіе“? профессіональная касса или революціонная организація? При такихъ условіяхъ, какъ только наступила должная „гармонія настроенія“ между „управляющими“ и „управляемыми“, какъ только сознательные рабочіе вошли цѣликомъ въ интересы непосредственной *борьбы* за свержение самодержавія, а комитеты поставили сколько-нибудь сносно агитацію въ интересахъ этой борьбы, — между тѣми и другими установились организаціонныя отношенія, исключающія прежнія мучительныя тренія и основанныя на болѣе или менѣе полномъ довѣріи рабочихъ къ комитетамъ и къ ихъ, *недоступной* контролю рабочихъ, политикѣ. Опираясь на такую гармонію, комитеты на второмъ съѣздѣ выработали свою „внутреннюю конституцію“. И вотъ теперь тов. Ленинъ, принимая за данное *абсолютизмъ* комитетовъ въ мѣстномъ движеніи, какъ результатъ партійной незрѣлости широкихъ круговъ рабочихъ, хочетъ сдѣлать этотъ абсолютизмъ организаціоннымъ принципомъ всей партіи, причемъ наивно выводитъ этотъ свой принципъ изъ исторически-преходящаго момента пролетарской пассивности, которую онъ возводитъ въ санъ прирожденной „пролетарской дисциплины“.

---

[1]) Попытка — въ противовѣсъ объединенію Комитетовъ — создать объединеніе этихъ организацій въ „дѣйствительно-рабочую“ партію, дѣлавшаяся около времени второго съѣзда, должна была потерпѣть фіаско, въ силу политической отсталости ея иниціаторовъ.

[1]) Судя по нѣкоторымъ сообщеніямъ изъ Баку, Екатеринослава, Одессы, вопросъ этотъ занималъ сознательныхъ рабочихъ. Органъ московскихъ типографовъ („Вѣстникъ“ № 5) выступилъ противъ тактики, предписанной съѣздомъ.

Рабочіе спокойно присутствовали при томъ, какъ ихъ комитеты изъ „бернштейніанскихъ“ становились „ортодоксальными“, въ то время какъ убогая мѣстная практика, въ сферѣ которой они только и жили, была равно далека и отъ бернштейніанскихъ и отъ рев. соц.-дем. принциповъ. Рабочіе спокойно терпятъ, какъ комитеты выносятъ резолюціи противъ „меньшинства“ и въ пользу „меньшинства“, оставаясь при самомъ смутномъ пониманіи „большинства и меньшинства“ и при полномъ невѣдѣніи того отношенія, какое имѣютъ споры между ними къ вопросамъ мѣстной практики. Такова печальная дѣйствительность, кричащая о томъ, сколько намъ еще нужно работать, чтобы сдѣлать партію нашу пролетарской не по субъективнымъ только настроеніямъ, ее одушевляющимъ, а и по характеру ея внутренняго строенія. И эту печальную дѣйствительность тов. Ленинъ идеализируетъ, какъ высшее выраженіе присущей пролетарію дисциплины! „Клевещутъ на пролетаріатъ по вопросу о неподготовленности (его) къ организаціи“, демагогически восклицаетъ онъ (стр. 145). „Не пролетаріату, а нѣкоторымъ интеллигентамъ изъ нашей партіи не достаетъ самовоспитанія въ духѣ организаціи и дисциплины...“. „Пролетаріатъ не боится организаціи и дисциплины, господа“ (ibid). И все это по тому случаю, что пролетаріатъ *еще не* поднялся на такую высоту политическаго пониманія, которая позволила бы ему *взять подъ свой контроль* всю работу руководства „нѣкоторыхъ интеллигентовъ“, возмнившихъ, что они, помощью ежевыхъ рукавицъ и „уставчика“, спасутъ пролетаріатъ отъ его собственной „стихійности“, влекущей его въ сторону „буржуазной идеологіи“... Тов. Ленинъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что, какъ карась „любитъ“, чтобы его жарили въ сметанѣ, такъ и пролетарій „предпочитаетъ“, чтобы политика *рабочей* партіи велась комитетами изъ интеллигентовъ (изъ тѣхъ, которые получатъ отъ Ц. К. свидѣтельство въ самоосвобожденіи отъ „индивидуализма“), чтобы вопросы партійной тактики оставались вѣчно достояніемъ интеллигентскихъ „верховъ“ партіи. А кто не раздѣляетъ этой „любви“ пролетаріата, кто не вѣритъ въ спасительность такой — вытекающей изъ политической неопытности — дисциплины, кто желаетъ влить новую струю въ эту партійную жизнь, тотъ — „буржуазный индивидуалистъ“.

Да, карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ. До такой степени любитъ, что готовъ воспѣвать ту сковородку, на которой онъ жарится. Вы не вѣрите? „Попытки эти (попытки „меньшинства“ систематизировать свои взгляды. Л. М.) замѣчательно подтверждаютъ высказанное уже на съѣздѣ партіи соображеніе о различіи точекъ зрѣнія буржуазнаго интеллигента, присоединяющагося къ соціальдемократіи, и пролетарія, сознавшаго свои классовые интересы. Напр., тотъ же „Практикъ“ новой „Искры“... изобличаетъ меня въ томъ, что партія представляется мнѣ, какъ „огромная фабрика“ съ директоромъ, въ видѣ Ц. К., во главѣ ея. „Практикъ“ и не догадывается, что выдвинутое имъ страшное слово сразу *выдаетъ психологію буржуазнаго интеллигента, незнакомаго ни съ практикой, ни съ теоріей пролетарской организаціи*“. (стр. 147)

Остановимся пока на этихъ словахъ. Тов. Ленинъ, когда писалъ ихъ, долженъ былъ знать досконально, что тов. „Практикъ“ — *пролетарій*, которому фабрика знакома не по изслѣдованію Туганъ-Барановскаго, а на собственной шкурѣ. Тов. Ленинъ не могъ не знать этого, но, такъ какъ для него „истина есть результатъ судоговоренія“, то онъ считаетъ себя вправѣ говорить, по поводу Практика, о „точкѣ зрѣнія буржуазнаго интеллигента, присоединяющагося къ соціальдемократіи“, о „психологіи буржуазнаго интеллигента“, незнакомаго... даже съ „практикой пролетарской организаціи“.

По существу вопроса, Ленину отвѣчаетъ тов. Р. Люксембургъ. Нужна удивительная примитивность мысли, чтобы, какъ это дѣлаетъ Ленинъ, сказать: „дисциплина и организація, которыя съ такимъ трудомъ даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетаріатомъ, именно благодаря этой фабричной „школѣ“. Ленинъ заявляетъ, что фабрика „научила пролетаріатъ организаціи“ и упускаетъ при этомъ изъ виду, что фабрика организуетъ только *техническую дѣятельность* людей, тогда какъ въ развитіи ихъ *политической* дѣятельности фабричная дисциплина является тѣмъ первымъ *препятствіемъ*, которое пролетаріямъ приходится преодолѣть борьбой. Воображать, поэтому, что пролетарская партійная организація такъ и должна быть *копіей съ организаціи фабрики*, — это значитъ подтвердить худшія изъ обвиненій, какія доселѣ были предъявлены нашему дезорганизатору.

„Смертельная боязнь передъ этой (фабричной) школой, непониманіе ея организующаго значенія, характерны именно для пріемовъ мысли, отражающихъ мелкобуржуазныя условія существованія“. Сильно сказано, тов. Ленинъ! Только не кажется ли вамъ, что представленіе рабочей партіи въ видѣ большой „политической фабрики“ очень типично отражаетъ взгляды весьма „индивидуалистичнаго“ *для себя* просвѣщеннаго русскаго администратора, который для „подлой черни“ не можетъ и представить себѣ другой „организующей школы“, какъ школы пассивнаго механическаго повиновенія, а „политическое руководство“ надъ этой „чернью“ отождествляетъ съ „руководствомъ“ *фабричнаго надсмотрщика*?

Въ разговорахъ объ „интеллигентскомъ индивидуализмѣ“ и въ ссылкахъ на примѣръ зап.-европейскихъ рабочихъ партій авторъ „Шага впередъ“ снова проявляетъ поразительное отсутствіе *исторической перспективы*. Послушать его, такъ „массовой“ интеллигентъ-революціонеръ *при всякихъ условіяхъ и вездѣ*, сообразно своей „природѣ“, является въ политической организаціи индивидуалистомъ-автономистомъ. Но, какъ же быть съ „интеллигентскими“ организаціями старыхъ бланкистовъ? какъ быть съ нечаевцами? какъ быть съ Народной Волей? какъ быть съ P. P. S? какъ быть, наконецъ, съ нашимъ нынѣшнимъ „большинствомъ“, строящимъ ультра-централистически свою чисто „интеллигентскую“ организацію? Впрочемъ, о „большинствѣ“ или, по крайней мѣрѣ, о тов. Ленинѣ еще не сказано здѣсь послѣднее слово. Мы, по крайней мѣрѣ, не теряемъ надежды увидѣть современемъ, *когда тов. Ленинъ разойдется съ нынѣшнимъ „большинствомъ“*, возстаніе „индивидуальности“ тов. Ленина противъ имъ же созданной организаціи. И тогда, быть можетъ, всѣ члены партіи будутъ имѣть матеріалъ для того, чтобы судить, насколько тов. Ленинъ *въ своей индивидуальной политической дѣятельности даннаго момента считается съ дисциплиной той коллегіи, въ которую онъ входитъ?*

Клевещутъ на пролетаріатъ, — плачется Ленинъ, — говоря объ его неспособности къ организаціи. Тов. Ленинъ, напротивъ, благоговѣйно вѣритъ въ способность русскаго пролетаріата къ организаціи. Онъ только хорошо помнитъ, что „организовать, это — прежде всего — написать уставъ“. При такомъ опредѣленіи, способность пролетаріата къ организаціи означаетъ способность принимать „уставную грамоту“, какъ „принимали“ ее въ свое время „освобождаемые“ крестьяне. А пролетарская склонность къ организаціи означаетъ жгучую любовь къ управленію помощью присланныхъ „сверху“ уставовъ. Не скверная ли это насмѣшка тов. Ленина надъ нынѣшней далеко не идеальной степенью политическаго развитія нашихъ пролетаріевъ, надъ ихъ политической пассивностью, благодаря которой они не умѣютъ, *подобно* нѣмецкимъ, напр., рабочимъ, сами *организоваться* въ политическіе союзы, самоуправляющіеся, воспитывающіе своихъ членовъ и самостоятельно „переваривающіе“ всю сложность соціальдемократической программы? То положеніе дѣлъ, при которомъ, пока не появилось „интеллигентскаго“ комитета, передовые рабочіе, большей частью, не могутъ сами пойти дальше образованія кружка саморазвитія, цеховой кассы или разрозненной (lose) организаціи, распространенія литературы, — это положеніе, свидѣтельствующее о громадности работы организаціоннаго самовоспитанія, предстоящей пролетаріату, тов. Ленинъ идеализируетъ, какъ полную готовность пролетаріевъ къ тому, чтобы ихъ „заѣзжали“ — виноватъ, организовали „сверху“, строя всю организацію на базисѣ пассивности! И этотъ человѣкъ, до мозга костей пропитанный психологіей заговорщикъ, для котораго политическая пассивность широкихъ слоевъ пролетаріата является необходимымъ базисомъ для развитія ихъ активной революціонности, въ роли пушечнаго мяса, идущаго въ бой подъ командой „крѣпкой организаціи профессіональныхъ революціонеровъ“, — и этотъ человѣкъ утверждаетъ, что „онъ даетъ рабочимъ стимулъ къ организаціи“. *Онъ* „защищаетъ“ рабочихъ, увѣряя, что они „склонны“ къ той *специфической* организаціи, которую онъ проповѣдуетъ, которая считается съ рабочими, не какъ съ субъектами всесторонней политической дѣятельности, а какъ съ объектами упрощеннаго политическаго воздѣйствія „профессіонально революціонныхъ“ комитетовъ, какъ съ пассивными орудіями въ рукахъ этихъ комитетовъ. Еще разъ — не скверная ли это насмѣшка *такъ* „защищать“ русскихъ рабочихъ отъ „клеветы“ „меньшинства“? Не означаютъ ли, слѣдовательно, слова о „пролетарской дисциплинѣ“ перефразировки того положенія, что карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ?

Сознательные рабочіе должны обратить самое серьезное вниманіе на этотъ вопросъ. Дальнѣйшая ихъ политическая пассивность въ дѣлахъ партіи является серьезной опасностью для всего пролетарскаго дѣла. Дальнѣйшее *безусловное* довѣріе къ политическому руководительству нынѣшнихъ интеллигентскихъ организацій, руководимыхъ, въ свою очередь, „ленинцами“, можетъ привести къ вытравленію изъ нашей партіи и тѣхъ чертъ пролетарской партіи, которыя она уже себѣ привила. Пусть знаютъ сознательные пролетаріи, что жупелъ „оппортунизма въ организаціонныхъ вопросахъ“ есть просто вздоръ, *придуманный* для гипноза „несознательныхъ интеллигентовъ“, ибо оппортунизмъ не можетъ ограничиваться *вопросами* организаціи, и оппортунистическое рѣшеніе послѣднихъ должно быть связано съ оппортунистическимъ пониманіемъ самыхъ задачъ партіи. А оппортунистическое пониманіе этихъ задачъ бываетъ весьма разнообразно, но всѣ виды его могутъ быть сведены къ одному источнику. Этотъ источникъ — отрицаніе (сознательное или безсознательное) задачи самостоятельной классовой политики пролетаріата, а, слѣд., въ области организаціонной — отрицаніе работы надъ выработкой самостоятельной пролетарской политической партіи. Кто, словомъ или дѣломъ, отрицаетъ *такую* организа[illegible] интересовъ борьбы съ самодержавіемъ, во имя ли превратныхъ представленій о сущности организаціи, т. е. во имя идеализаціи „организаціи сверху“, покоящейся на полной пассивности механически организуемыхъ массъ, во имя ли недовѣрія къ „стихійности массъ“, — кто, по какимъ бы то ни было причинамъ, ставитъ препятствія процессу политическаго *самовоспитанія* пролетаріата, путемъ его активнаго участія въ выработкѣ политики *его* партіи; кто, по какимъ бы то ни было побужденіямъ, противодѣйствуетъ такому углубленію нашей политической работы, при которой пролетаріи въ самой повседневной борьбѣ получали бы импульсы къ политическому самовоспитанію въ ходѣ постояннаго ихъ вмѣшательства, какъ сознательной силы, въ общественную жизнь современной Россіи; кто пытается (см. „Шагъ впередъ“) отвлечь ихъ вниманіе отъ *этихъ* тактическихъ задачъ къ чисто механической работѣ организаціи сверху на предметъ выработки изъ массы соціальдемократовъ простого техническаго аппарата *управленія* пролетарскими массами, — тотъ оппортунистически приспособляетъ задачи соціальдемократіи къ убожеству той политической обстановки, въ которой пролетаріатъ дѣлаетъ свои первые шаги, къ потребностямъ „общенаціональной“ революціи, нуждающейся въ рабочихъ, только какъ въ революціонно-настроенной массѣ. Тотъ — несмотря на революціонность своего настроенія — является оппортунистомъ постольку, поскольку онъ отказывается *теперь же* работать надъ формированіемъ изъ пролетаріата самостоятельной классовой силы. И противъ этого оппортунизма сознательные рабочіе должны повести самую рѣшительную борьбу. И этотъ оппортунизмъ, въ отличіе отъ выдуманнаго Ленинымъ, никогда не сможетъ ограничиться областью организаціонныхъ вопросовъ, онъ непремѣнно проявится и въ области тактики, и въ области программы, и въ области текущей *политики*.

Дѣйствительные принципіальные сторонники пролетаріата изъ „интеллигенціи“ должны, въ свою очередь, освободиться отъ гипноза *этого* вида оппортунизма, проводящаго, подъ флагомъ „пролетарской дисциплины“, самое „хвостистское“ санкціонированіе такихъ тенденцій нашего движенія, которыя означаютъ временную неспособность пролетаріата играть иную роль, чѣмъ роль пассивнаго орудія буржуазной революціи.

Пролетарская партія или организація интеллигентскихъ руководителей несознательныхъ пролетарскихъ массъ — такъ стоитъ теперь вопросъ, который тов. Ленинъ пытается окутать туманомъ абстрактно-метафизическихъ противопоставленій. Разносторонняя соціальдемократическая тактика, развивающая элементы *такой* партіи, или упрощенная тактика „вовлеченія массъ“ въ общереволюціонную борьбу съ самодержавіемъ, на неизмѣнномъ базисѣ политической пассивности передового слоя пролетаріата? Политическая самодѣятельность пролетаріевъ или вѣчная опека надъ ними непролетарской организаціи? Такъ стоитъ вопросъ, на который каждый членъ партіи долженъ дать себѣ отчетливый и ясный отвѣтъ.

И если сознательные рабочіе, дѣйствительно, „оклеветаны“ Ленинымъ, пытающимся увѣрить своихъ интеллигентныхъ читателей, что карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ, — то они приложатъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы отвѣтъ партіи на этотъ вопросъ гласилъ:

„Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія сознательно хочетъ быть и остаться классовымъ движеніемъ организованныхъ рабочихъ массъ“ (Ман. Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи 1898 г.). Л. М.

Съ Урала. (Запоздало за недост. мѣста.) На II съѣздѣ нашей Пар. Уралъ былъ представленъ только делегатами Уфим. Ком. Группа соціальдемократовъ въ Перми, не примыкавшая къ покойному „Союзу соціальдемократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ“, образовала Пермскій комитетъ только въ іюлѣ 1902 года и съ сентября этого же года начала еженедѣльно издавать летучіе листки. Связи этото комитета въ рабочей средѣ постепенно крѣпли и развивались. Послѣ провала 7-8 октября 1903 года издательская дѣятельность этого комитета сократилась, но Ц. К. послалъ немедленно въ Пермь свѣжія силы, при помощи которыхъ удалось поддержать связи въ рабочей средѣ. Послѣ провала изданы были листки: 1) О кассахъ борьбы, 2) За что судятъ рабочихъ Златоуста? (составлена Уфимскимъ комитетомъ), 3) По поводу арестовъ 7-8 октября. Къ первому января текущаго года распространенъ листокъ „Новый годъ“. Въ январѣ же выпущена прокламація къ рабочимъ Мотовилихинскаго пушечнаго завода и переиздано „Извѣщеніе о второмъ съѣздѣ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи“, составленное Цент. Ком. За это же время (съ октября) Пермскимъ комитетомъ распространялись: 1) тридцатые, 41 и 43 номера „Искры“ (въ десяткахъ экземпляровъ), 2) оттиски изъ „Искры“ („Революціонный годъ“, „Рабочая партія и крестьянство“ (изъ № 3), „Начало германской соціальдемократіи“) въ сотняхъ экземпляровъ, 3) брошюры: „Рабочій день“ и „Софья Перовская“ (сотни экземпляровъ), „Іюльскія событія въ Одессѣ“ (300 экземпляровъ), „Пауки и мухи“ (700 экземпляровъ). Эта литература, доставляемая сначала черезъ О. К., а затѣмъ черезъ Ц. К., могла удовлетворить литературный голодъ лишь въ самой минимальной степени.

До послѣдняго съѣзда наша Партія не могла регулярно проявлять себя въ громадномъ заводскомъ районѣ Средняго Урала на востокъ отъ Уральскаго хребта. Весною 1903 года О. К., а затѣмъ Ц. К. постарался сосредоточить въ этомъ районѣ силы и средства, необходимыя для организованія „Средне-Уральскаго комитета“.

Въ первомъ листкѣ (*сентябрь*) „Ко всѣмъ“ (о революціонномъ движеніи послѣдняго времени и о роли революціонной соціальдемократіи) и въ краткомъ „Заявленіи“ этотъ комитетъ объявилъ о своемъ существованіи и о томъ, что онъ будетъ работать въ духѣ программы, тактическихъ и организаціонныхъ взглядовъ, формулированныхъ „Искрой“. За первое полугодіе своего существованія Средне-Уральскій комитетъ издалъ на гектографѣ (100-200 экземпляровъ) 1) Листокъ Уфимскаго комитета „За что судятъ рабочихъ Златоуста?“ 2) Листокъ Сибирскаго союза (о южныхъ событіяхъ), 3) Прокламацію „Новый годъ“ (къ первому января 1904 года), 4) Письмо къ заводскимъ рабочимъ № 1 (исторія возникновенія нашей партіи, чего она хочетъ и къ чему идетъ, второй съѣздъ), 5) „Извѣщеніе о второмъ съѣздѣ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи“. Въ то же время черезъ руки комитета прошли 1) сотни экземпляровъ печатныхъ листковъ о златоустовской бойнѣ, о кишиневской рѣзнѣ, о крестьянскихъ волненіяхъ и т. д., 2) десятки экземпляровъ „Искры“ до № 43 и оттиски упомянутыхъ выше статей изъ нея, 3) сотни экземпляровъ агитаціонныхъ брошюръ („Хитрая механика“, „Кто чѣмъ живетъ“, „Рабочій день“, „Софья Перовская“, „Іюльскія событія въ Одессѣ“, „Пауки и мухи“ и т. д.) и по нѣсколько экземпляровъ Туна, Эрфуртская программа, Къ деревенской бѣднотѣ и такъ дальше.

Безъ регулярной доставки значительнаго количества литературы и безъ *постояннаго* притока свѣжихъ революціонныхъ силъ изъ Россіи Уралъ съ милліономъ промышленно-заводского населенія будетъ спать такъ, какъ онъ спалъ до сихъ поръ, т. е. будетъ спать сномъ, полнымъ самыхъ тяжелыхъ кошмаровъ, — сномъ, заставляющимъ кричать и метаться, заставляющимъ мучительно бороться съ призраками. Устная пропаганда и агитація менѣе чѣмъ гдѣ-либо можетъ замѣнить литературу: сотня тысячъ рабочихъ разбросаны по громадному району, одинъ заводъ, напр. отстоитъ отъ другого на сотня верстъ. Разъѣзды требуютъ слишкомъ много силъ, времени и средствъ.

Естественно, что комитетъ съ самаго начала старался организовать по заводамъ и уѣзднымъ городамъ революціонныя группы, способныя болѣе или менѣе самостоятельно вести работу. Но низкій культурный уровень разореннаго населенія и угнетающія страшно запутанныя экономическія условія не способствуютъ выработкѣ революціонныхъ самородковъ: комитету приходится воспитывать революціонныхъ работниковъ по мѣстамъ. Дѣло усложняется особенностями жизни заводскихъ поселковъ, жизни совершенно замкнутой, вѣками отрѣзанной отъ всего міра. Здѣсь нѣтъ движенія рабочихъ съ мѣста на мѣсто, здѣсь люди крѣпко привязаны къ своимъ угламъ и пришлымъ рабочимъ работы не полагается. Прибавьте къ этому необходимую въ началѣ дѣла слабость и бѣдность связей и конспиративную невинность мѣстныхъ рабочихъ, — и вы поймете, какой теоретической и практической выдержкой, какимъ количествомъ силъ и ловкости должны располагать, двигающіеся съ завода на заводъ организаторы. Если же на заводѣ не оказывается связей со служащими и съ мѣстной интеллигенціей, если приходится обращаться непосредственно къ рабочимъ, то только рабочій же можетъ явиться этимъ организаторомъ. Только очень выдержанные и опытные товарищи, съѣвшіе зубы на революціонной работѣ и не растратившіе на ней своихъ силъ, окажутся здѣсь на высотѣ положенія.

Регулярно доставляемая партійная литература, между прочимъ, значительно сократитъ разъѣзды и поможетъ руководить работой заводскихъ группъ, но одной привозной литературой Уральскіе комитеты ограничиться не могутъ. Исторія промышленнаго развитія Урала и весь строй его жизни настолько своеобразны, что отвѣты на цѣлый рядъ вопросовъ требуютъ для Урала спеціальныхъ формулировокъ. Уралъ все еще ждетъ *своей* революціонной литературы.

Все это настойчиво ставитъ предъ Уральскими комитетами новую, уже чисто техническую задачу: для Урала должна быть поставлена, хорошо оборудованная, типографія. Съ такими задачами отдѣльные комитеты справиться не могутъ. Только совмѣстными усиліями три Уральскихъ комитета смогутъ что-нибудь сдѣлать въ указанномъ направленіи. Они должны, въ виду этихъ задачъ, сблизиться, составить одинъ Уральскій Союзъ. (Въ настоящее время образовался единый Уральскій Ком. Ред.)

Сдавленный еще въ тискахъ крѣпостническихъ отношеній, „богатый“ Уралъ не можетъ развивать своихъ производительныхъ силъ, — его промышленность съ каждымъ годомъ падаетъ. Стѣсненный со всѣхъ сторонъ капиталъ *во что бы то ни стало* хочетъ взять *свое* и не останавливается ни передъ какими формами эксплуатаціи. Въ результатѣ самое ужасное положеніе рабочихъ и часто нищенское существованіе цѣлыхъ слоевъ населенія, безпомощно ищущихъ какого-нибудь выхода и готовыхъ, въ свою очередь, *на все*.

Невольно возникаетъ вопросъ, какъ создалось подобное положеніе, гдѣ искать выхода? И при первомъ взглядѣ на исторію развитія Урала у васъ вырывается одинъ крикъ: Долой самодержавіе! Предъ вами открывается цѣльная картина широкой беззастѣнчивой и безконтрольной эксплуатаціи цѣлаго края въ интересахъ узкой группы титулованныхъ холоповъ самодержавія. Кажется, нигдѣ слѣпая политика его не проводилась такъ послѣдовательно и безсовѣстно: оно брало отсюда все, что какими бы то ни было средствами могло взять, не отдавая обратно ни гроша.

Громадный агитаціонный матеріалъ еще не использованъ на Уралѣ. Умѣніе использовать его, значитъ создать новаго, могучаго и непримиримаго врага самодержавію и нѣсколько непоколебимыхъ точекъ опоры для мірового дѣла соціальдемократіи.

Въ **Бернскую Сибирскую и Эмигрантскую Кассу** (состоящую изъ организацій Бунда, Загр. Лиги Р. С.-Д., П. С.-Д., С. Р. и Лат. С.-Д.) поступило въ іюнѣ и іюлѣ для якутскихъ товарищей:

Отъ цюрихскихъ товарищей — 75 фр.; черезъ „Бундъ“ — 16 фр., и черезъ соц.-рев. — 192 фр. Всего съ указанными въ № 68 „Искры“ Касса получила 1940 фр. 80 с. Изъ нихъ отправлено въ Якутскъ въ маѣ черезъ тов. А. — 266 фр. и въ іюлѣ черезъ Лигу — 1.000 фр. Возвращены Бунду взятые у него взаимообразно 265 фр. и Лигѣ — 125 фр. Отправка А—ымъ по телеграфу денегъ и другіе расходы — 25 фр. 10 с. Всего 1681 фр. 10 с. Осталось въ кассѣ — 259 фр. 70 с.

своей — сознательные рабочіе слишкомъ еще политически неопытны; не имѣя ни нашего (интеллигентовъ) опыта предыдущихъ революціонныхъ поколѣній, ни достаточно теоретическихъ знаній и знакомства съ рабочимъ движеніемъ передовыхъ странъ, они слишкомъ далеко отстаютъ отъ „сливокъ" соціальдемократической интеллигенціи, чтобы, какъ равные съ равными, участвовать съ ними въ рѣшеніи вопросовъ партійной политики. И тѣ вопросы, которые на „высотахъ" партіи ставились въ широкомъ объемѣ крупныхъ проблемъ программы и тактики — ортодоксія или бернштейніанизмъ, самостоятельная революціонная политика или политика credo? — эти вопросы для массы „рядовыхъ" принимали „упрощенный" видъ — стачка или демонстрація? экономическое улучшеніе или „долой самодержавіе"? профессіональная касса или революціонная организація? При такихъ условіяхъ, какъ только наступила должная „гармонія настроенія" между „управляющими" и „управляемыми", какъ только сознательные рабочіе вошли цѣликомъ въ интересы непосредственной борьбы за сверженіе самодержавія, а комитеты поставили сколько-нибудь сносно агитацію въ интересахъ этой борьбы, — между тѣми и другими установились организаціонныя отношенія, исключающія прежнія мучительныя тренія и основанныя на болѣе или менѣе полномъ довѣріи рабочихъ къ комитетамъ и къ ихъ, недоступной контролю рабочихъ, политикѣ. Опираясь на такую гармонію, комитеты на второмъ съѣздѣ выработали свою „внутреннюю конституцію". И вотъ теперь тов. Ленинъ, принимая за данное абсолютизмъ комитетовъ въ мѣстномъ движеніи, какъ результатъ партійной неразвитости широкихъ круговъ рабочихъ, хочетъ сдѣлать этотъ абсолютизмъ организаціоннымъ принципомъ всей партіи, причемъ наивно выводитъ этотъ свой принципъ изъ историческаго преходящаго момента пролетарской пассивности, которую онъ возводитъ въ санъ прирожденной „пролетарской дисциплины".

Рабочіе спокойно присутствовали при томъ, какъ ихъ комитеты изъ „бернштейніанскихъ" становились „ортодоксальными", въ то время какъ убогая мѣстная практика, въ сферѣ которой они только и жили, была равно далека и отъ бернштейніанскихъ и отъ рев. соц.-дем. принциповъ. Рабочіе спокойно терпятъ, какъ комитеты выносятъ резолюціи противъ „меньшинства" и въ пользу „меньшинства", оставаясь при самомъ смутномъ пониманіи „большинства и меньшинства" и при полномъ невѣдѣніи того отношенія, какое имѣютъ споры между ними къ вопросамъ мѣстной практики. Такова печальная дѣйствительность, кричащая о томъ, сколько намъ еще нужно работать, чтобы сдѣлать партію нашу пролетарской не по субъективнымъ только настроеніямъ, ее одушевляющимъ, а и по характеру ея внутренняго строенія. И эту печальную дѣйствительность тов. Ленинъ идеализируетъ, какъ высшее выраженіе присущей пролетарію дисциплины! „Клевещутъ на пролетаріатъ по вопросу о неподготовленности (его) къ организаціи", демагогически восклицаетъ онъ (стр. 145). „Не пролетаріату, а нѣкоторымъ интеллигентамъ изъ нашей партіи не достаетъ самовоспитанія въ духѣ организаціи и дисциплины..." „Пролетаріатъ не боится организаціи и дисциплины, господа" (ibid). И все это по тому случаю, что пролетаріатъ еще не поднялся на такую высоту политическаго пониманія, которая позволила бы ему взять подъ свой контроль всю работу руководства „нѣкоторыхъ интеллигентовъ", воображающихъ, что они, помощью ежевыхъ рукавицъ и „уставчика", спасутъ пролетаріатъ отъ его собственной „стихійности", влекущей его въ сторону „буржуазной идеологіи"... Тов. Ленинъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что, какъ карась „любитъ", чтобы его жарили въ сметанѣ, такъ и пролетарій „предпочитаетъ", чтобы политика рабочей партіи велась комитетами изъ интеллигентовъ (изъ тѣхъ, которые получатъ отъ Ц. К. свидѣтельство въ самоосвобожденіи отъ „индивидуализма"), чтобы вопросы партійной тактики оставались вѣчно достояніемъ интеллигентскихъ „верховъ" партіи. А кто не раздѣляетъ этой „любви" пролетаріата, кто не вѣритъ въ спасительность такой вытекающей изъ политической неопытности — дисциплины, кто хочетъ влить новую струю въ эту партійную жизнь, тотъ — „буржуазный индивидуалистъ".

Да, карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ. До такой степени любитъ, что готовъ воспѣвать ту сковородку, на которой онъ жарится. Вы не вѣрите? „Попытки эти (попытки „меньшинства" систематизировать свои взгляды. Л. М.) замѣчательно подтверждаютъ высказанное уже на съѣздѣ партіи соображеніе о различіи точекъ зрѣнія буржуазнаго интеллигента, присоединяющагося къ соціальдемократіи, и пролетарія, сознавшаго свои классовые интересы. Напр., тотъ же „Практикъ" новой „Искры"... изобличаетъ меня въ томъ, что партія представляется мнѣ, какъ „огромная фабрика" съ директоромъ, въ видѣ Ц. К., во главѣ ея. „Практикъ" и не догадывается, что выдвинутое имъ страшное слово сразу *выдаетъ психологію буржуазнаго интеллигента, незнакомаго ни съ практикой, ни съ теоріей пролетарской организаціи*". (стр. 147).

Остановимся пока на этихъ словахъ. Тов. Ленинъ, когда писалъ ихъ, долженъ былъ знать досконально, что тов. „Практикъ" — *пролетарій*, которому фабрика знакома не по изслѣдованію Туганъ-Барановскаго, а на собственной шкурѣ. Тов. Ленинъ не могъ не знать этого, но, такъ какъ для него „истина есть результатъ судоговоренія", то онъ считаетъ себя вправѣ говорить, по поводу Практика, о „точкѣ зрѣнія буржуазнаго интеллигента, присоединяющагося къ соціальдемократіи", о „психологіи буржуазнаго интеллигента", незнакомаго... даже съ „практикой пролетарской организаціи".

По существу вопроса, Ленину отвѣчаетъ тов. Р. Люксембургъ. Нужна удивительная примитивность мысли, чтобы, какъ это дѣлаетъ Ленинъ, сказать: „дисциплина и организація, которыя съ такимъ трудомъ даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетаріатомъ, именно благодаря этой фабричной „школѣ". Ленинъ заявляетъ, что фабрика „научила пролетаріатъ организаціи" и упускаетъ при этомъ изъ виду, что фабрика организуетъ только *техническую дѣятельность* людей, тогда какъ въ развитіи ихъ *политической* дѣятельности фабричная дисциплина является тѣмъ первымъ *препятствіемъ*, которое пролетаріямъ приходится преодолѣть борьбой. Воображать, поэтому, что пролетарская партійная организація такъ и должна быть *копіей съ организаціи фабрики*, — это значитъ подтвердить худшія изъ обвиненій, какія доселѣ были предъявлены нашему дезорганизатору.

„Смертельная боязнь передъ этой (фабричной) школой, непониманіе ея организующаго значенія, характерны именно для пріемовъ мысли, отражающихъ мелкобуржуазныя условія существованія". Сильно сказано, тов. Ленинъ! Только не кажется ли вамъ, что представленіе рабочей партіи въ видѣ большой „политической фабрики" очень типично отражаетъ взгляды весьма „индивидуалистичнаго" *для себя* просвѣщеннаго русскаго администратора, который для „подлой черни" не можетъ и представить себѣ другой „организующей школы", какъ школы пассивнаго механическаго повиновенія, а „политическое руководство" надъ этой „чернью" отождествляетъ съ „руководствомъ" *фабричнаго надсмотрщика*?

Въ разговорахъ объ „интеллигентскомъ индивидуализмѣ" и въ ссылкахъ на примѣръ зап.-европейскихъ рабочихъ партій авторъ „Шага впередъ" снова проявляетъ поразительное отсутствіе *исторической перспективы*. Послушать его, такъ „массовой" интеллигентъ-революціонеръ *при всякихъ условіяхъ и вездѣ*, сообразно своей „природѣ", является въ политической организаціи индивидуалистомъ-автономистомъ. Но, какъ же быть съ „интеллигентскими" организаціями старыхъ бланкистовъ? какъ быть съ нечаевцами? какъ быть съ Народной Волей? какъ быть съ P. P. S? какъ быть, наконецъ, съ нашимъ нынѣшнимъ „большинствомъ", строящимъ ультра-централистическую чисто „интеллигентскую" организацію? Впрочемъ, о „большинствѣ" или, по крайней мѣрѣ, о тов. Ленинѣ еще не сказано послѣднее слово. Мы, по крайней мѣрѣ, не теряемъ надежды увидѣть современемъ, *когда тов.* Ленина *разойдется* съ [illegible] „*большинствомъ*" [illegible] возстаніе [illegible] индивидуальность.

тов. Ленина противъ [illegible] организаціи. И тогда, быть можетъ, всѣ члены партіи будутъ имѣть матеріалъ для того, чтобы судить, насколько тов. Ленинъ *въ своей индивидуальной политической дѣятельности даннаго момента считается съ дисциплиной той партіи, въ которую онъ входитъ?*

„Клевещутъ на пролетаріатъ, — восклицаетъ Ленинъ, — говоря объ его неспособности къ организаціи". Тов. Ленинъ, напротивъ, благоговѣйно вѣритъ въ способность русскаго пролетаріата къ организаціи. Онъ только хорошо помнитъ, что „организовать его — прежде всего — написать уставъ". При такомъ опредѣленіи, способность пролетаріата къ организаціи означаетъ способность принимать „уставную грамоту", какъ „принимали" ее въ свое время „освобождаемые" крестьяне. А пролетарская склонность къ организаціи означаетъ жгучую любовь къ управленію помощью присланныхъ „сверху" уставовъ. Не скверная ли это насмѣшка тов. Ленина надъ нынѣшней далеко не высокой ступенью политическаго развитія нашихъ пролетаріевъ, надъ ихъ политической пассивностью, благодаря которой они не умѣютъ, подобно нѣмецкимъ, напр., рабочимъ, организоваться въ политическіе союзы, самоуправляющіеся, контролирующіе своихъ членовъ и самостоятельно „переваривающіе" всю сложность соціальдемократической программы? То положеніе дѣлъ, при которомъ, *пока не появилось „интеллигентскаго"* комитета, передовые рабочіе, большей частью, не могутъ сами пойти дальше образованія кружка саморазвитія, [illegible] кассы или разрозненной (lose) организаціи, распространенія литературы, — это положеніе, свидѣтельствующее о громадности работы организаціоннаго *самовоспитанія*, предстоящей пролетаріату, тов. Ленинъ идеализируетъ, какъ полную готовность пролетаріевъ къ тому, чтобы ихъ „заѣзжали" — виноватъ, организовали „сверху", строя всю организацію *на базисѣ пассивности*! И этотъ человѣкъ, до мозга костей пропитанный психологіей заговорщика, для котораго политическая пассивность широкихъ слоевъ пролетаріата является необходимымъ *базисомъ* для развитія ихъ активной революціонности, въ роли пушечнаго мяса, идущаго въ бой подъ командой „крѣпкой организаціи профессіональныхъ революціонеровъ", — и этотъ человѣкъ утверждаетъ, что „онъ даетъ рабочимъ стимулъ къ организаціи". *Онъ* „защищаетъ" рабочихъ, увѣряя, что они „склонны" къ той специфической организаціи, которую онъ проповѣдуетъ, которая считается съ рабочими, не какъ съ субъектами всесторонней политической дѣятельности, а какъ съ объектами упрощеннаго политическаго воздѣйствія „профессіонально революціонныхъ" комитетовъ, какъ съ пассивными орудіями въ рукахъ этихъ комитетовъ. Еще разъ — не скверная ли это насмѣшка *такъ* „защищать" русскихъ рабочихъ отъ „клеветы" „меньшинства"? Не означаютъ ли, слѣдовательно, слова о „пролетарской дисциплинѣ" перефразировки того положенія, что карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ?

Сознательные рабочіе должны обратить самое серьезное вниманіе на этотъ вопросъ. Дальнѣйшая ихъ политическая пассивность въ дѣлахъ партіи является серьезной *опасностью* для всего пролетарскаго дѣла. Дальнѣйшее *безусловное* довѣріе къ политическому руководительству нынѣшнихъ интеллигентскихъ организацій, руководимыхъ, въ свою очередь, „ленинцами", можетъ привести къ вытравленію изъ нашей партіи и тѣхъ чертъ пролетарской партіи, которыя она уже себѣ привила. Пусть знаютъ сознательные пролетаріи, что жупелъ „оппортунизма въ организаціонныхъ вопросахъ" есть просто вздоръ, придуманный *для* гипноза „несознательныхъ интеллигентовъ", ибо оппортунизмъ не можетъ ограничиваться вопросами организаціи, и оппортунистическое рѣшеніе послѣднихъ должно быть связано съ оппортунистическимъ пониманіемъ самыхъ задачъ партіи. А оппортунистическое пониманіе этихъ задачъ бываетъ весьма разнообразно, но всѣ виды его могутъ быть сведены къ одному источнику. Этотъ источникъ — отрицаніе (сознательное или безсознательное) задачи самостоятельной классовой политики пролетаріата, а, слѣд., въ области организаціонной — отрицаніе работы надъ выработкой самостоятельной пролетарской политической партіи. Кто, словомъ или дѣломъ, отрицаетъ *такую* организаціонную задачу, кто, во имя ли интересовъ борьбы съ самодержавіемъ, во имя ли превратныхъ представленій о *сущности* организаціи, т. е. во имя идеализаціи „организаціи сверху", покоящейся на полной пассивности механически организуемыхъ массъ, во имя ли недовѣрія къ „стихійности массъ", — кто, по какимъ бы то ни было причинамъ, ставитъ препятствія процессу политическаго *самовоспитанія* пролетаріата, путемъ его активнаго участія въ выработкѣ политики *его* партіи; кто, по какимъ бы то ни было побужденіямъ, противодѣйствуетъ такому углубленію нашей политической работы, при которой пролетаріи въ самой повседневной борьбѣ получали бы импульсы къ политическому самовоспитанію въ ходѣ постояннаго ихъ вмѣшательства, какъ сознательной силы, въ общественную жизнь современной Россіи; кто пытается (см. „Шагъ впередъ") отвлечь ихъ вниманіе отъ *этихъ* тактическихъ задачъ къ чисто механической работѣ организаціи сверху на предметъ выработки изъ массы соціальдемократовъ простого техническаго аппарата *управленія* пролетарскими массами, — тотъ оппортунистически приспособляетъ задачи соціальдемократіи къ убожеству той политической обстановки, въ которой пролетаріатъ дѣлаетъ свои первые шаги, къ потребностямъ „общенаціональной" революціи, нуждающейся въ рабочихъ, только какъ въ революціонно-настроенной массѣ. Тотъ — несмотря на революціонность своего настроенія — является оппортунистомъ постольку, поскольку онъ отказывается *теперь же* работать надъ формированіемъ изъ пролетаріата самостоятельной классовой силы. И противъ этого оппортунизма сознательные рабочіе должны повести самую рѣшительную борьбу. И этотъ оппортунизмъ, въ отличіе отъ выдуманнаго[1] Ленинымъ, никогда не сможетъ ограничиться областью организаціонныхъ вопросовъ, онъ непремѣнно проявится и въ области тактики, и въ области программы, и въ области текущей *политики*.

Дѣйствительные принципіальные сторонники пролетаріата изъ „интеллигенціи" должны, въ свою очередь, освободиться отъ гипноза *этого* вида оппортунизма, проводящаго, подъ флагомъ „пролетарской дисциплины", самое „хвостистское" санкціонированіе такихъ тенденцій нашего движенія, которыя означаютъ временную неспособность пролетаріата играть иную роль, чѣмъ роль пассивнаго орудія буржуазной революціи.

Пролетарская партія или организація интеллигентскихъ руководителей несознательныхъ пролетарскихъ массъ — такъ стоитъ теперь вопросъ, который тов. Ленинъ пытается окутать туманомъ абстрактно-метафизическихъ противопоставленій. Разносторонняя соціальдемократическая тактика, развивающая элементы *такой* партіи, или упрощенная тактика „вовлеченія массъ" въ общереволюціонную борьбу съ самодержавіемъ, на неизмѣнномъ базисѣ политической пассивности передового слоя пролетаріата? Политическая самодѣятельность пролетаріевъ или вѣчная опека надъ ними непролетарской организаціи? Такъ стоитъ вопросъ, на который каждый членъ партіи долженъ дать себѣ отчетливый и ясный отвѣтъ.

И если сознательные рабочіе, дѣйствительно, „оклеветаны" Ленинымъ, пытающимся увѣрить своихъ интеллигентныхъ читателей, что карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ, — то они приложатъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы отвѣтъ партіи на этотъ вопросъ гласилъ:

„Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія сознательно хочетъ быть и остаться классовымъ движеніемъ организованныхъ рабочихъ массъ" (Ман. Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи 1898 г.).

Л. М.

Съ Урала. Запоздало въ [illegible]. На II съѣздѣ нашей Партіи Уралъ былъ представленъ только делегатами Уфим. Ком. Группа соціальдемократовъ въ Перми, не примыкавшая къ покойному „Союзу соціальдемократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ", образовала Пермскій комитетъ только въ іюлѣ 1902 года и съ сентября этого же года начала еженедѣльно издавать летучіе листки. Связи этого комитета въ рабочей средѣ постепенно крѣпли и развивались. Послѣ провала 7-8 октября 1903 года издательская дѣятельность этого комитета сократилась, но Ц. К. послалъ немедленно въ Пермь свѣжія силы, при помощи которыхъ удалось поддержать связи въ рабочей средѣ. Послѣ провала изданы были листки: 1) О кассахъ борьбы, 2) За что судятъ рабочихъ Златоуста? (составлена Уфимскимъ комитетомъ), 3) По поводу арестовъ 7-8 октября. Къ первому января текущаго года распространенъ листокъ „Новый годъ". Въ январѣ же выпущена прокламація къ рабочимъ Мотовилихинскаго пушечнаго завода и переиздано „Извѣщеніе о второмъ съѣздѣ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи", составленное Цент. Ком. За это же время *(съ октября)* Пермскимъ комитетомъ распространялись: 1) тридцатые, 41 и 43 номера „Искры" (въ десяткахъ экземпляровъ), 2) оттиски изъ „Искры" („Революціонный годъ", „Рабочая партія и крестьянство" (изъ № 3), „Начало германской соціальдемократіи") въ сотняхъ экземпляровъ, 3) брошюры: „Рабочій день" и „Софья Перовская" (сотни экземпляровъ), „Іюльскія событія въ Одессѣ" (300 экземпляровъ), „Пауки и мухи" (700 экземпляровъ). Эта литература, доставляемая сначала черезъ О. К., а затѣмъ черезъ Ц. К., могла удовлетворить литературный голодъ лишь въ самой минимальной степени.

До послѣдняго съѣзда наша Партія не могла регулярно проявлять себя въ громадномъ заводскомъ районѣ Средняго Урала на востокъ отъ Уральскаго хребта. Весною 1903 года О. К., а затѣмъ Ц. К. постарался сосредоточить въ этомъ районѣ силы и средства, необходимыя для организованія „Средне-Уральскаго комитета".

Въ первомъ листкѣ (сентябрь) „Ко всѣмъ" (о революціонномъ движеніи послѣдняго времени и о роли революціонной соціальдемократіи) и въ краткомъ „Заявленіи" этотъ комитетъ объявилъ о своемъ существованіи и о томъ, что онъ будетъ работать въ духѣ программы, тактическихъ и организаціонныхъ взглядовъ, формулированныхъ „Искрой". За первое полугодіе своего существованія Средне-Уральскій комитетъ издалъ на гектографѣ (100-200 экземпляровъ) 1) Листокъ Уфимскаго комитета „За что судятъ рабочихъ Златоуста?" 2) Листокъ Сибирскаго союза (о южныхъ событіяхъ), 3) Прокламацію „Новый годъ" (къ первому января 1904 года), 4) Письмо къ заводскимъ рабочимъ № 1 (исторія возникновенія нашей партіи, чего она хочетъ и къ чему идетъ, второй съѣздъ), 5) „Извѣщеніе о второмъ съѣздѣ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи". Въ то же время черезъ руки комитета прошли 1) сотни экземпляровъ печатныхъ листковъ о златоустовской бойнѣ, о кишиневской рѣзнѣ, о крестьянскихъ волненіяхъ и т. д., 2) десятки экземпляровъ „Искры" до № 43 и оттиски упомянутыхъ выше статей изъ нея, 3) сотни экземпляровъ агитаціонныхъ брошюръ („Хитрая механика", „Кто чѣмъ живетъ", „Рабочій день", „Софья Перовская", „Іюльскія событія въ Одессѣ", „Пауки и мухи" и т. д.) и по нѣсколько экземпляровъ Туна, Эрфуртская программа, Къ деревенской бѣднотѣ и такъ дальше.

Безъ регулярной доставки значительнаго количества литературы и безъ постояннаго притока свѣжихъ революціонныхъ силъ изъ Россіи Уралъ съ милліономъ промышленно-заводскаго населенія будетъ спать такъ, какъ онъ спалъ до сихъ поръ, т. е. будетъ спать сномъ, полнымъ самыхъ тяжелыхъ кошмаровъ, — сномъ, заставляющимъ кричать и метаться, заставляющимъ мучительно бороться съ призраками. Устная пропаганда и агитація менѣе чѣмъ гдѣ-либо можетъ замѣнить литературу: сотни тысячъ рабочихъ разбросаны по громадному району, одинъ заводъ, напр. отстоитъ отъ другого на сотни верстъ. Разъѣзды требуютъ слишкомъ много силъ, времени и средствъ.

Естественно, что комитетъ съ самаго начала старался организовать по заводамъ и уѣзднымъ городамъ революціонныя группы, способныя болѣе или менѣе самостоятельно вести работу. Но низкій культурный уровень разореннаго населенія и угнетающія страшно запутанныя экономическія условія не способствуютъ выработкѣ революціонныхъ самородковъ: комитету приходится воспитывать революціонныхъ работниковъ по мѣстамъ. Дѣло усложняется особенностями жизни заводскихъ поселковъ, жизни совершенно замкнутой, вѣками отрѣзанной отъ всего міра. Здѣсь нѣтъ движенія рабочихъ съ мѣста на мѣсто, здѣсь люди крѣпко привязаны къ своимъ угламъ и пришлымъ рабочимъ работы не полагается. Прибавьте къ этому необходимую въ началѣ дѣла слабость и бѣдность связей и конспиративную невинность мѣстныхъ рабочихъ, — и вы поймете, какой теоретической и практической выдержкой, какимъ количествомъ силъ и ловкости должны располагать, двигающіеся съ завода на заводъ организаторы. Если же на заводѣ не оказывается связей со служащими и съ мѣстной интеллигенціей, если приходится обращаться непосредственно къ рабочимъ, то только рабочій же можетъ явиться этимъ организаторомъ. Только очень выдержанные и опытные товарищи, съѣвшіе зубы на революціонной работѣ и не растратившіе на ней своихъ силъ, окажутся здѣсь на высотѣ положенія.

Регулярно доставляемая партійная литература, между прочимъ, значительно сократитъ разъѣзды и поможетъ руководить работой заводскихъ группъ, но одной привозной литературой Уральскіе комитеты ограничиться не могутъ. Исторія промышленнаго развитія Урала и весь строй его жизни настолько своеобразны, что отвѣты на цѣлый рядъ вопросовъ требуютъ для Урала спеціальныхъ формулировокъ. Уралъ все еще ждетъ своей революціонной литературы.

Все это настойчиво ставитъ предъ Уральскими комитетами новую, уже чисто техническую задачу: для Урала должна быть поставлена, хорошо оборудованная, типографія. Съ такими задачами отдѣльные комитеты справиться не могутъ. Только совмѣстными усиліями три Уральскихъ комитета смогутъ что-нибудь сдѣлать въ указанномъ направленіи. Они должны, въ виду этихъ задачъ, сблизиться, составить одинъ Уральскій Союзъ. (Въ настоящее время образовался единый Уральскій Ком. Ред.)

Сдавленный еще въ тискахъ крѣпостническихъ отношеній, „богатый" Уралъ не можетъ развивать своихъ производительныхъ силъ, — его промышленность съ каждымъ годомъ падаетъ. Стѣсненный со всѣхъ сторонъ капиталъ *во что бы то ни стало* хочетъ взять *свое* и не останавливается ни передъ какими формами эксплуатаціи. Въ результатѣ самое ужасное положеніе рабочихъ и часто нищенское существованіе цѣлыхъ слоевъ населенія, безпомощно ищущихъ какого-нибудь выхода и готовыхъ, въ свою очередь, на все.

Невольно возникаетъ вопросъ, какъ создалось подобное положеніе, гдѣ искать выхода? И при первомъ взглядѣ на исторію развитія Урала у васъ вырывается одинъ крикъ: Долой самодержавіе! Предъ вами открывается цѣльная картина широкой безжалостной и безконтрольной эксплуатаціи цѣлаго края въ интересахъ узкой группы титулованныхъ холоповъ самодержавія. Кажется, нигдѣ слѣпая политика его не проводилась такъ послѣдовательно и безсовѣстно: оно брало отсюда все, что какими бы то ни было средствами могло взять, не отдавая обратно ни гроша.

Громадный агитаціонный матеріалъ еще не использованъ на Уралѣ. Умѣніе использовать его, значитъ создать новаго, могучаго и непримиримаго врага самодержавію и нѣсколько непоколебимыхъ точекъ опоры для широкаго дѣла соціальдемократіи.

Въ Бернскую Сибирскую и Эмигрантскую Кассу (состоящую изъ организацій Бунда, Загр. Лиги Р. С.-Д., П. С.-Д., С. Р. и Лат. С.-Д.) поступило въ іюнѣ и іюлѣ для якутскихъ товарищей:

Отъ цюрихскихъ товарищей — 75 фр.; черезъ „Бундъ" — 16 фр., и черезъ соц.-рев. — 192 фр. Всего съ указанными въ № 68 „Искры" Касса получила 1940 фр. 80 с. Изъ нихъ отправлено въ Якутскъ въ маѣ черезъ тов. А. — 266 фр. и въ іюлѣ черезъ Лигу — 1.000 фр. Возвращено Бунду взятые у него взаимообразно 265 фр. и Лигѣ — 135 фр. Отправка А—мъ по телеграфу денегъ и другіе расходы — 15 фр. 10 с. Всего 1681 фр. 10 с. Осталось въ кассѣ — 259 фр. 70 с.

своей — сознательные рабочіе слишкомъ еще политически неопытны; не имѣя ни нашего (интеллигентовъ) опыта предыдущихъ революціонныхъ поколѣній, ни достаточно теоретическихъ знаній и знакомства съ рабочимъ движеніемъ передовыхъ странъ, они слишкомъ далеко отстаютъ отъ „сливокъ" соціальдемократической интеллигенціи, чтобы какъ равные съ равными, соучаствовать съ ними въ рѣшеніи вопросовъ партійной политики. И тѣ вопросы, которые на „высотахъ" партіи ставились въ широкомъ объемѣ крупныхъ проблемъ программы и тактики — ортодоксія или бернштейніанизмъ, самостоятельная революціонная политика или политика credo? — эти вопросы для массы „рядовыхъ" принимали „упрощенный" видъ — стачка или демонстрація? экономическое улучшеніе или „долой самодержавіе"? профессіональная касса или революціонная организація? При такихъ условіяхъ, какъ только наступила должная „гармонія настроенія" между „управляющими" и „управляемыми", какъ только сознательные рабочіе вошли цѣликомъ въ интересы непосредственной борьбы за сверженіе самодержавія, а комитеты поставили сколько-нибудь сносно агитацію въ интересахъ этой борьбы, — между тѣми и другими установились организаціонныя отношенія, исключающія прежнія мучительныя тренія и основанныя на болѣе или менѣе полномъ довѣріи рабочихъ къ комитетамъ и къ ихъ, недоступной контролю рабочихъ, политикѣ. Опираясь на такую гармонію комитеты къ второму съѣзду выработали свою „внутреннюю конституцію". И вотъ теперь тов. Ленинъ, принимая за данное *абсолютизмъ* комитетовъ въ мѣстномъ движеніи, какъ результатъ партійной незрѣлости широкихъ круговъ рабочихъ, хочетъ сдѣлать этотъ абсолютизмъ организаціоннымъ принципомъ всей партіи, причемъ наивно выводитъ этотъ свой принципъ изъ исторически преходящаго момента пролетарской пассивности, которую онъ возводитъ въ санъ прирожденной „пролетарской дисциплины".

Рабочіе спокойно присутствовали при томъ, какъ ихъ комитеты изъ „бернштейніанскихъ" становились „ортодоксальными", въ то время какъ убогая мѣстная практика, въ сферѣ которой они только и жили, была равно далека и отъ бернштейніанскихъ и отъ рев. соц.-дем. принциповъ. Рабочіе [illegible] смотрѣть, какъ комитеты выносятъ резолюціи противъ „меньшинства" и въ пользу „меньшинства", оставаясь при самомъ смутномъ пониманіи „большинства и меньшинства" и при полномъ невѣдѣніи того отношенія, какое имѣютъ споры между ними къ вопросамъ мѣстной практики. Такова [illegible] дѣйствительность, кричащая о томъ, сколько намъ еще нужно работать, чтобы сдѣлать партію нашу пролетарскою не по субъективнымъ только настроеніямъ ее [illegible], но и по характеру ея внутренняго строенія. И эту печальную дѣйствительность тов. Ленинъ идеализируетъ, какъ [illegible] присущей пролетарію дисциплины! „Классъ [illegible] по вопросу о неподготовленности [illegible] организаціи" демагогически восклицаетъ онъ (стр. 14[illegible]). „Не пролетаріатъ, а нѣкоторые интеллигенты изъ нашей партіи не достаетъ самовоспитанія въ духѣ организаціи и дисциплины"..., „Пролетаріатъ не боится организаціи и дисциплины"[1] ibid. И все это по тому случаю, что пролетаріатъ [illegible] поднялся на такую высоту политическаго пониманія, которая позволила бы ему *взять подъ* свой контроль всю работу руководителей. „Нѣкоторыхъ интеллигентовъ", воспитывающихъ [illegible] помощью ежовыхъ рукавицъ и „уставчика" спасать пролетаріатъ отъ его *собственной* „стихійности", влекущей его на сторону „*буржуазной идеологіи*"... Тов. Ленинъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что, какъ карась „любитъ", чтобъ его жарили въ сметанѣ, такъ и пролетарій „предпочитаетъ", чтобы политическая *работа* партіи велась комитетами изъ интеллигентовъ [illegible], *которые* получатъ отъ Ц. К. [illegible] въ самоосвобожденіи отъ „индивидуализма", чтобы вопросы партійной тактики оставались вѣчно достояніемъ [illegible] „верховъ" партіи. А кто не раздѣляетъ этой „любви" пролетаріата, кто не вѣритъ въ спасительность такой [illegible] политической неопытности — дисциплины, кто хочетъ внести новую струю въ эту партійную жизнь, тотъ — [illegible] индивидуалистъ[2].

Да, карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ! До такой степени любитъ, что готовъ воспѣвать ту сковороду, на которой онъ жарится. Вы не вѣрите? „Попытки эти (попытки „меньшинства" систематизировать свои взгляды. Л. М.) замѣчательно подтверждаютъ высказанное уже на съѣздѣ партіи соображеніе о различіи точекъ зрѣнія буржуазнаго интеллигента, присоединившагося къ соціальдемократіи, и пролетарія, сознавшаго свои классовые интересы. Напр., тотъ же „Практикъ" новой „Искры" [illegible] изобличаетъ меня въ томъ, что партія представляется мнѣ, какъ „огромная фабрика" съ директоромъ въ видѣ Ц. К. во главѣ ея. „Практикъ" и не догадывается, что выдвинутое имъ страшное слово сразу *выдаетъ психологію буржуазнаго интеллигента, незнакомаго ни съ практикой, ни съ теоріей пролетарской организаціи*". (стр. 147).

Остановимся пока на этихъ словахъ. Тов. Ленинъ, когда писалъ ихъ, долженъ былъ знать досконально, что тов. „Практикъ" — *пролетарій*, которому фабрика знакома не по изслѣдованію Туганъ-Барановскаго, а на собственной шкурѣ. Тов. Ленинъ не могъ не знать этого, но такъ какъ для него „истина есть результатъ судоговоренія", то онъ считаетъ себя вправѣ говорить, по поводу Практика, о „точкѣ зрѣнія буржуазнаго интеллигента, присоединившагося къ соціальдемократіи", о „психологіи буржуазнаго интеллигента", незнакомаго... даже съ „практикой пролетарской организаціи".

По существу вопроса, Ленину отвѣчаетъ тов. Р. Люксембургъ. „Нужна удивительная примитивность мысли, чтобы, какъ это дѣлаетъ Ленинъ, сказать: „дисциплина и организація, которыя съ такимъ трудомъ даются буржуазному интеллигенту, *особенно* легко усваиваются пролетаріатомъ, именно благодаря этой фабричной „школѣ". Ленинъ заявляетъ, что фабрика „научила пролетаріатъ организаціи" и упускаетъ при этомъ изъ виду, что фабрика организуетъ только *техническую дѣятельность* людей, тогда какъ въ развитіи ихъ *политической* дѣятельности фабричная дисциплина является тѣмъ первымъ *препятствіемъ*, которое пролетаріямъ приходится преодолѣть борьбой. Воображать поэтому, что пролетарская партійная организація такъ и должна быть *копіей съ организаціи фабрики*, — это значитъ подтвердить худшія изъ обвиненій, какія доселѣ были предъявлены нашему дезорганизатору.

„Смертельная боязнь передъ этой (фабричной) школой, непониманіе ея организующаго значенія, характерны именно для пріемовъ мысли, отражающихъ мелкобуржуазныя условія существованія". Сильно сказано, тов. Ленинъ! Только не кажется ли вамъ, что представленіе рабочей партіи въ видѣ большой политической фабрики очень удачно отражаетъ взгляды весьма „индивидуалистичнаго" для *себя* просвѣщеннаго русскаго администратора, который для „подлой черни" не можетъ и представить себѣ другой „организующей школы", кромѣ школы пассивнаго механическаго повиновенія, а „политическое руководство" надъ этой „чернью" отождествляетъ съ „руководствомъ" *фабричнаго надсмотрщика*.

Въ разговорахъ объ „интеллигентскомъ индивидуализмѣ" и въ ссылкахъ на примѣры зап.-европейскихъ рабочихъ партій авторъ „Шага впередъ" снова проявляетъ поразительное отсутствіе *исторической перспективы*. Послушать его, такъ „массовой" интеллигентъ-революціонеръ *при всякихъ условіяхъ и вездѣ*, сообразно своей „природѣ", является въ политической организаціи индивидуалистомъ-автономистомъ. Но, какъ же быть съ „интеллигентскими" организаціями старыхъ бланкистовъ? какъ быть съ нечаевцами? какъ быть съ Народной Волей? какъ быть съ P. P. S? какъ быть, наконецъ, съ нашимъ нынѣшнимъ „большинствомъ", строящимъ ультра-централистическую чисто „интеллигентскую" организацію? Впрочемъ, о „большинствѣ" или, по крайней мѣрѣ, о тов. Ленинѣ еще не сказано [illegible] послѣднее слово. Мы, по крайней мѣрѣ, не теряемъ [illegible] увидѣть современемъ, *когда тов.* Ленинъ *разойдется* съ [illegible] „большинствомъ" возстанетъ [illegible] индивидуальность тов. Ленина противъ ихъ же созданной организаціи. И тогда, быть можетъ, всѣ члены партіи будутъ имѣть матеріалъ для того, чтобы судить, насколько тов. Ленинъ *въ своей индивидуальной политической дѣятельности даннаго момента считается съ дисциплиной той группы, въ которую онъ входитъ?*

„Классъ, не пролетаріатъ, — плачется Ленинъ, — говорилъ объ [illegible] въ организаціи. Тов. Ленинъ, напротивъ, [illegible] вѣритъ въ способность русскаго пролетаріата къ организаціи. Онъ только хорошо помнитъ, что „организовать, это прежде всего — написать уставъ". При такомъ [illegible], способность пролетаріата къ организаціи означаетъ способность принимать „уставную грамоту", какъ „принимали" въ свое время „освобождаемые" крестьяне. А пролетарская дисциплина въ организаціи означаетъ жгучую любовь къ [illegible] помощью присланныхъ „сверху" уставовъ. Не [illegible] тов. Ленина надъ нынѣшней [illegible] степенью политическаго развитія нашихъ пролетаріевъ, надъ ихъ политической пассивностью, благодаря которой они не умѣютъ, подобно нѣмецкимъ, напр., рабочимъ, сами организоваться въ политическіе союзы, самоуправляющіеся, [illegible] своихъ членовъ и самостоятельно „переваривающіе" всю сложность соціальдемократической программы? То положеніе дѣлъ, при которомъ, пока не появилось „интеллигентскаго" комитета, передовые рабочіе, большей частью, не могутъ пойти дальше образованія кружка саморазвитія, [illegible] кассы или разрозненной (lose) организаціи, распространенія литературы, — это положеніе, свидѣтельствующее о громадности работы организаціоннаго самовоспитанія, предстоящей пролетаріату, тов. Ленинъ идеализируетъ, какъ полную готовность пролетаріевъ къ тому, чтобы ихъ „заѣжали" — виноватъ, организовали „сверху", *строя всю организацію на базисѣ* пассивности! И этотъ человѣкъ, до мозга костей пропитанный психологіей заговорщика, для котораго политическая пассивность широкихъ слоевъ пролетаріата является необходимымъ *базисомъ* для развитія ихъ активной революціонности, въ роли пушечнаго мяса, идущаго въ бой подъ командой „крѣпкой организаціи профессіональныхъ революціонеровъ", — и этотъ человѣкъ утверждаетъ, что „онъ даетъ рабочимъ стимулъ къ организаціи". *Онъ* „защищаетъ" рабочихъ, увѣряя, что они „склонны" къ той специфической организаціи, которую онъ проповѣдуетъ, *которая* считается съ рабочими, не какъ съ субъектами всесторонней политической дѣятельности, а какъ съ объектами упрощеннаго политическаго воздѣйствія „профессіонально революціонныхъ" комитетовъ, какъ съ пассивными орудіями въ рукахъ этихъ комитетовъ. Еще разъ — не скверная ли это насмѣшка *такъ* „защищать" русскихъ рабочихъ отъ „клеветы" „меньшинства"? Не означаютъ ли, слѣдовательно, слова о „пролетарской дисциплинѣ" перефразировки того положенія, что карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ?

Сознательные рабочіе должны обратить самое серьезное вниманіе на этотъ вопросъ. Дальнѣйшая ихъ политическая пассивность въ дѣлахъ партіи является серьезной опасностью для всего пролетарскаго дѣла. Дальнѣйшее *безусловное* довѣріе къ политическому руководительству нынѣшнихъ интеллигентскихъ организацій, руководимыхъ, въ свою очередь, „ленинцами", можетъ привести къ вытравленію изъ нашей партіи и тѣхъ черть пролетарской партіи, которыя она уже себѣ привила. Пусть знаютъ сознательные пролетаріи, что жупелъ „оппортунизма въ организаціонныхъ вопросахъ" есть просто вздоръ, *придуманный* для гипноза „несознательныхъ интеллигентовъ", ибо оппортунизмъ не можетъ ограничиваться вопросами организаціи, и оппортунистическое рѣшеніе послѣднихъ должно быть связано съ оппортунистическимъ пониманіемъ самыхъ задачъ партіи. А оппортунистическое пониманіе этихъ задачъ бываетъ весьма разнообразно, но всѣ виды его могутъ быть сведены къ одному источнику. Этотъ источникъ — отрицаніе (сознательное или безсознательное) задачи самостоятельной классовой политики пролетаріата, а, слѣд., въ области организаціонной — отрицаніе работы надъ выработкой самостоятельной пролетарской политической партіи. Кто, словомъ или дѣломъ, отрицаетъ *такую* организаціонную задачу, кто, во имя ли интересовъ борьбы съ самодержавіемъ, во имя ли превратныхъ представленій о сущности организаціи, т. е. во имя идеализаціи „организаціи сверху", покоящейся на полной пассивности механически организуемыхъ массъ, во имя ли недовѣрія къ „стихійности массъ", — кто, по какимъ бы то ни было причинамъ, ставитъ препятствія процессу политическаго *самовоспитанія* пролетаріата, путемъ его активнаго участія въ выработкѣ политики *его* партіи; кто, по какимъ бы то ни было побужденіямъ, противодѣйствуетъ такому углубленію нашей политической работы, при которой пролетаріи въ самой повседневной борьбѣ получали бы импульсы къ политическому самовоспитанію въ хотѣ постояннаго ихъ вмѣшательства, какъ сознательной силы, въ общественную жизнь современной Россіи; кто пытается (см. „Шагъ впередъ") отвлечь ихъ вниманіе отъ *этихъ* тактическихъ задачъ къ чисто механической работѣ организаціи сверху на предметъ выработки изъ массы соціальдемократовъ простого техническаго аппарата *управленія* пролетарскими массами, — тотъ оппортунистически приспособляетъ задачи соціальдемократіи къ убожеству той политической обстановки, въ которой пролетаріатъ дѣлаетъ свои первые шаги, къ потребностямъ „общенаціональной" революціи, нуждающейся въ рабочихъ, только какъ въ революціонно-настроенной массѣ. Тотъ — несмотря на революціонность своего *настроенія* — является оппортунистомъ постольку, поскольку онъ отказывается *теперь же* работать надъ формированіемъ изъ пролетаріата самостоятельной классовой силы. И противъ этого оппортунизма сознательные рабочіе должны повести самую рѣшительную борьбу. И этотъ оппортунизмъ, въ отличіе отъ выдуманнаго[1] Ленинымъ, никогда не сможетъ ограничиться областью организаціонныхъ вопросовъ, онъ непремѣнно проявится и въ области тактики, и въ области программы, и въ области текущей *политики*.

Дѣйствительные принципіальные сторонники пролетаріата изъ „интеллигенціи" должны, въ свою очередь, освободиться отъ гипноза *этого* вида оппортунизма, проводящаго подъ флагомъ „пролетарской дисциплины", самое „хвостистское" санкціонированіе такихъ тенденцій нашего движенія, которыя означаютъ *временную* неспособность пролетаріата играть иную роль, чѣмъ роль пассивнаго орудія буржуазной революціи.

Пролетарская партія или организація интеллигентскихъ руководителей несознательныхъ пролетарскихъ массъ — такъ стоитъ теперь вопросъ, который тов. Ленинъ пытается окутать туманомъ абстрактно-метафизическихъ противопоставленій. Разносторонняя соціальдемократическая тактика, развивающая *элементы такой* партіи, или упрощенная тактика „вовлеченія массъ" въ общереволюціонную борьбу съ самодержавіемъ, на незыблемомъ базисѣ политической пассивности передового слоя пролетаріата? Политическая самодѣятельность пролетаріевъ или вѣчная опека надъ ними непролетарской организаціи? Такъ стоитъ вопросъ, на который каждый членъ партіи долженъ дать себѣ отчетливый и ясный отвѣтъ.

И если сознательные рабочіе дѣйствительно „оклеветаны" Ленинымъ, пытающимся увѣрить своихъ интеллигентныхъ читателей, что карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ, — то они приложатъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы отвѣтъ партіи на этотъ вопросъ гласилъ:

„Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія сознательно хочетъ быть и остаться классовымъ движеніемъ организованныхъ рабочихъ массъ." (Ман. Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи 1898 г.)

Л. М.

Съ Урала. (Запоздалая корреспонденція.) На II съѣздѣ нашей Партіи Уралъ былъ представленъ только делегатами Уфим. Ком. Группа соціальдемократовъ въ Перми, не примыкавшая къ покойному „Союзу соціальдемократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ", образовала Пермскій комитетъ только въ іюлѣ 1902 года и съ сентября этого же года начала еженедѣльно издавать летучіе листки. Связи этого комитета въ рабочей средѣ постепенно крѣпли и развивались. Послѣ провала 7-8 октября 1903 года издательская дѣятельность этого комитета сократилась, но Ц. К. послалъ немедленно въ Пермь свѣжія силы, при помощи которыхъ удалось поддержать связи въ рабочей средѣ. Послѣ провала изданы были листки: 1) О кассахъ борьбы, 2) За что судятъ рабочихъ Златоуста? (составлена Уфимскимъ комитетомъ), 3) По поводу арестовъ 7-8 октября. Къ первому января текущаго года распространенъ листокъ „Новый годъ". Въ январѣ же выпущена прокламація къ рабочимъ Мотовилихинскаго пушечнаго завода и переиздано „Извѣщеніе о второмъ съѣздѣ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи", составленное Цент. Ком. За это же время (съ октября) Пермскимъ комитетомъ распространялись: 1) тридцатые, 41 и 43 номера „Искры" (въ десяткахъ экземпляровъ), 2) оттиски изъ „Искры" („Революціонный годъ", „Рабочая партія и крестьянство" (изъ № 3), „Начало германской соціальдемократіи") въ сотняхъ экземпляровъ, 3) брошюры: „Рабочій день" и „Софья Перовская" (сотни экземпляровъ), „Іюльскія событія въ Одессѣ" (300 экземпляровъ), „Пауки и мухи" (700 экземпляровъ). Эта литература, доставляемая сначала черезъ О. К., а затѣмъ черезъ Ц. К., могла удовлетворить литературный голодъ лишь въ самой минимальной степени.

До послѣдняго съѣзда наша Партія не могла регулярно проявлять себя въ громадномъ заводскомъ районѣ Средняго Урала на востокъ отъ Уральскаго хребта. Весною 1903 года О. К., а затѣмъ Ц. К. постарался сосредоточить въ этомъ районѣ силы и средства, необходимыя для организованія „Средне-Уральскаго комитета".

Въ первомъ листкѣ (сентябрь) „Ко всѣмъ" (о революціонномъ движеніи послѣдняго времени и о роли революціонной соціальдемократіи) и въ краткомъ „Заявленіи" этотъ комитетъ объявилъ о своемъ существованіи и о томъ, что онъ будетъ работать въ духѣ программы, тактическихъ и организаціонныхъ взглядовъ, формулированныхъ „Искрой". За первое полугодіе своего существованія Средне-Уральскій комитетъ издалъ на гектографѣ (100-200 экземпляровъ) 1) Листокъ Уфимскаго комитета „За что судятъ рабочихъ Златоуста?" 2) Листокъ Сибирскаго союза (о южныхъ событіяхъ), 3) Прокламацію „Новый годъ" (къ первому января 1904 года), 4) Письмо къ заводскимъ рабочимъ № 1 (исторія возникновенія нашей партіи, чего она хочетъ и къ чему идетъ, второй съѣздъ), 5) „Извѣщеніе о второмъ съѣздѣ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи". Въ то же время черезъ руки комитета прошли 1) сотни экземпляровъ печатныхъ листковъ о златоустовской бойнѣ, о кишиневской рѣзнѣ, о крестьянскихъ волненіяхъ и т. д., 2) десятки экземпляровъ „Искры" до № 43 и оттиски упомянутыхъ выше статей изъ нея, 3) сотни экземпляровъ агитаціонныхъ брошюръ („Хитрая механика", „Кто чѣмъ живетъ", „Рабочій день", „Софья Перовская", „Іюльскія событія въ Одессѣ", „Пауки и мухи" и т. д.) и по нѣсколько экземпляровъ Туна, Эрфуртская программа, Къ деревенской бѣднотѣ и такъ дальше.

Безъ регулярной доставки значительнаго количества литературы и *безъ* постояннаго притока свѣжихъ революціонныхъ силъ изъ Россіи Уралъ съ милліономъ промышленно-заводского населенія будетъ спать такъ, какъ онъ спалъ до сихъ поръ, т. е. будетъ спать сномъ, полнымъ самыхъ тяжелыхъ кошмаровъ, — сномъ, заставляющимъ кричать и метаться, заставляющимъ мучительно бороться съ призраками. Устная пропаганда и агитація менѣе чѣмъ гдѣ-либо можетъ замѣнить литературу: сотни тысячъ рабочихъ разбросаны по громадному району, одинъ заводъ, напр. отстоитъ отъ другого на сотни верстъ. Разъѣзды требуютъ слишкомъ много силъ, времени и средствъ.

Естественно, что комитетъ съ самаго начала старался организовать по заводамъ и уѣзднымъ городамъ революціонныя группы, способныя болѣе или менѣе самостоятельно вести работу. Но низкій культурный уровень раззореннаго населенія и угнетающія страшно запутанныя экономическія условія не способствуютъ выработкѣ революціонныхъ самородковъ: комитету приходится воспитывать революціонныхъ работниковъ по мѣстамъ. Дѣло усложняется особенностями жизни заводскихъ поселковъ, жизни совершенно замкнутой, вѣками отрѣзанной отъ всего міра. Здѣсь нѣтъ движенія рабочихъ съ мѣста на мѣсто, здѣсь люди крѣпко привязаны къ своимъ угламъ и пришлымъ рабочимъ работы не полагается. Прибавьте къ этому необходимую въ началѣ дѣла слабость и бѣдность связей и конспиративную невинность мѣстныхъ рабочихъ, — и вы поймете, какой теоретической и практической выдержкой, какимъ количествомъ силъ и ловкости должны располагать, двигающіеся съ завода на заводъ организаторы. Если же на заводѣ не оказывается связей со служащими и съ мѣстной интеллигенціей, если приходится обращаться непосредственно къ рабочимъ, то только рабочій же можетъ явиться этимъ организаторомъ. Только очень выдержанные и опытные товарищи, съѣвшіе зубы на революціонной работѣ и не растратившіе на ней своихъ силъ, окажутся здѣсь на высотѣ положенія.

Регулярно доставляемая партійная литература, между прочимъ, значительно сократитъ разъѣзды и поможетъ руководить работой заводскихъ группъ, но одной привозной литературой Уральскіе комитеты ограничиться не могутъ. Исторія промышленнаго развитія Урала и весь строй его жизни настолько своеобразны, что отвѣты на цѣлый рядъ вопросовъ требуютъ для Урала спеціальныхъ формулировокъ. Уралъ все еще ждетъ *своей* революціонной литературы.

Все это настойчиво ставитъ предъ Уральскими комитетами новую, уже чисто техническую задачу: для Урала должна быть поставлена, хорошо оборудованная, типографія. Съ такими задачами отдѣльные комитеты справиться не могутъ. Только совмѣстными усиліями три Уральскихъ комитета смогутъ что-нибудь сдѣлать въ указанномъ направленіи. Они должны, въ виду этихъ задачъ, сблизиться, составить одинъ Уральскій Союзъ. Въ настоящее время образовался единый Уральскій Ком. Ред.

Сдавленный еще въ тискахъ крѣпостническихъ отношеній „богатый" Уралъ не можетъ развивать своихъ производительныхъ силъ, — его промышленность съ каждымъ годомъ падаетъ. Стѣсненный со всѣхъ сторонъ капиталъ *во что бы то ни стало* хочетъ взять *свое* и не останавливается ни передъ какими формами эксплуатаціи. Въ результатѣ самое ужасное положеніе рабочихъ и часто *нищенское* существованіе цѣлыхъ слоевъ населенія, безпомощно ищущихъ какого-нибудь выхода и готовыхъ, въ свою очередь, *на все*.

Невольно возникаетъ вопросъ, какъ создалось подобное положеніе, гдѣ искать выхода? И при первомъ взглядѣ на исторію развитія Урала у васъ вырывается одинъ крикъ: Долой самодержавіе! Предъ вами открывается цѣльная картина широкой безвластничной и безконтрольной эксплуатаціи цѣлаго края въ интересахъ узкой группы титулованныхъ холоповъ самодержавія. Кажется, нигдѣ слѣпая политика его не проводилась такъ послѣдовательно и безсовѣстно: оно брало отсюда все, что какими бы то ни было средствами могло взять, не отдавая обратно ни гроша.

Громадный агитаціонный матеріалъ еще не использованъ на Уралѣ. Умѣніе использовать его, значитъ создать новаго, могучаго и непримиримаго врага самодержавію и нѣсколько непоколебимыхъ точекъ опоры для міроваго дѣла соціальдемократіи.

Въ Бернскую Сибирскую и Эмигрантскую Кассу (состоящую изъ организацій Бунда, Загр. Лиги Р. С.-Д., П. С.-Д., С. Р. и Лат. С.-Д.) поступило въ іюнѣ и іюлѣ для якутскихъ товарищей:

(Отъ цюрихскихъ товарищей — 75 фр.; черезъ „Бундъ" — 16 фр., и черезъ соц.-рев. — 192 фр. Всего съ указанными въ № 68 „Искры" Касса получила 1940 фр. 80 с. Изъ нихъ отправлено въ Якутскъ въ маѣ черезъ тов. А. — 266 фр. и въ іюлѣ черезъ Лигу — 1.000 фр. Возвращены Бунду взятые у него взаимообразно 265 фр. и Лигѣ — 135 фр. Отправка А—мъ по телеграфу денегъ и другіе расходы — 15 фр. 10 с. Всего 1681 фр. 10 с. Осталось въ кассѣ — 259 фр. 70 с.